

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1 9 6 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

1965

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

СТАТЬИ

Я. Б. Шмераль, Л. Б. Валев. Историческое двадцатилетие (К истории развития социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы) 9
С. И. Прасолов. Советско-чехословацкий договор 1943 г. (К истории дипломатической подготовки) 20
В. К. Волков. Внешняя политика Югославии в 1935—1936 гг. 34

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Р. П. Аванесов. К итогам работы над Общеславянским лингвистическим атласом (1958—1964 гг.) 46
В. И. Желанов. Материалы к истории освобождения Варшавы от немецко-фашистских оккупантов 55
В. И. Злыднев. Из истории установления советско-болгарских культурных связей (конец 20-х — начало 30-х годов) 61

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. А. Хренов. Сборник избранных произведений В. Гомулки 70
Н. А. Шленова. Книга по экономической географии Чехословацкой Социалистической Республики 75
М. М. Сумарокова. Vlado Strugar. Jugoslavenske socijal-demokratske stranke 1914—1918 77
Е. П. Наумов. Новые издания памятника средневекового славянского права 80
В. Д. Королюк. W. Hensel. Archeologia o początkach miast słowiańskich 82
И. В. Чуркина. Bogo Grafenauer. Kmečki upori na Slovenskem 85

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

<i>Л. С. Кишкин.</i> Вопросы чешско-русских и словацко-русских литературных связей в двух изданиях Пушкинского дома	86
<i>Н. Н. Пономарева.</i> Елена Димитрова. Христо Смирненски. Жизнь и творчество	90
<i>Е. З. Цыбенко.</i> Две книги о Болеславе Прусе	93
<i>Е. И. Рябова.</i> Franc Zdravac. Miško Kranjec. 1908—1935	96
<i>С. А. Шерлаимова.</i> «Пути в сегодня»	99
<i>Н. И. Кравцов.</i> Свод устного болгарского народного творчества	99
<i>С. И. Бэлаз.</i> «Польский Парнас»	102
<i>Т. П. Попова.</i> Мнодраг Поповић. Вук Стеф. Караџић	103
<i>Ю. Смирнов.</i> Издание по этнографии и фольклору Болгарии	104
<i>Л. Титова.</i> J. Dolanský. Stopami buditelů	105
<i>Е. И. Демина.</i> К. Мирчев. Българският език през вековете	106
<i>Г. П. Нецименко.</i> Сборник научных работ в честь академика Б. Гавранка	107
<i>Л. Э. Калмынь.</i> Новые публикации по сорабистике	107
<i>Г. К. Венедиктов.</i> Юбилейные издания «Рыбного букваря» П. Берона	108

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

В Институте славяноведения АН СССР

<i>А. И. Сперанский.</i> Научные сессии	109
<i>Н. П. Данилова.</i> Конференция по проблеме «Генезис капитализма, национальное движение и формирование национальной культуры в славянских странах»	111
<i>Н. В. Зуева.</i> Сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма	112
<i>Т. А. Воздвиженская.</i> Группа славяно-германских отношений	113
<i>Г. К. Венедиктов.</i> Сектор славянского языкознания	114

<i>К. Л. Струкова.</i> Сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы	115
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

<i>Позеф Грозиенчик</i> (ЧССР). Институт истории европейских социалистических стран Словацкой академии наук в Братиславе (проблемы и перспективы)	116
<i>Димитрие Джорджевич</i> (СФРЮ). Исторический институт в Белграде	118
<i>Е. П. Наумов.</i> Международный симпозиум, посвященный памяти В. Караджича	121
<i>Е. И. Демина, Т. В. Попова.</i> II Международный летний семинар по болгарскому языку и литературе в Софии	123
<i>Л. А. Обушенкова.</i> Летние курсы славистов в Варшаве	123
<i>Ю. Р. Школа.</i> Школа славистов в Праге	124
<i>Т. П. Попова.</i> Семинар славистов в Югославии	124
<u>Паталия Гонспоровская-Грабовская</u>	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. В. ВАЛЕВ,
 В. Г. ҚАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора),
 Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ,
 Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), М. Н. ТИХОМИРОВ,
 Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. В. ШМЕРАЛЬ

ОТ РЕДАКЦИИ

Славянские народы — одна из самых больших этническо-культурных групп человечества. Населяя огромную территорию, они оказывали и оказывают значительное влияние на ход всемирной истории, вносили и вносят существенный вклад в развитие мировой культуры. Необходимость изучения исторического и культурного развития славянских народов, их отношений между собой и с другими народами привела к возникновению комплексной науки — славяноведения. Сформировавшись около двух столетий назад, славяноведение интенсивно развивается в наши дни.

Стремление к изучению славянства появилось прежде всего у самих славянских народов. Оно было связано с пробуждением национального самосознания, подкрепляемого чувством близости своего народа с родственными и братскими народами. Зачинателем русского славяноведения был Ломоносов. У колыбели молодой науки и в других славянских странах стояли выдающиеся деятели национальной культуры — Добровский и Юнгманн, Коллар и Шафарик, Сташиц и Караджич. Развитие славяноведения было прямым следствием бурного роста национального самосознания славянских народов; со своей стороны прогрессивная славистическая наука обогащала самосознание славянских наций, отвечала их устремлениям, находившим выражение в упорной национально-освободительной борьбе.

В славяноведении, как и в общественной мысли в целом, отчетливо прослеживается борьба прогрессивных и реакционных сил. Велико и ценно наследие прогрессивного домарксистского славяноведения. Демократические представители славистики этого периода, активно содействуя взаимопониманию и сближению славянских народов, вместе с тем отвергали мысль об их исключительности, боролись против попыток противопоставить славянские народы неславянским.

В обстановке национально-освободительного движения западных и южных славян формировались многие прогрессивные ученые-слависты, часто непосредственные участники этого движения. Развитие славяноведения у западных и южных славян в XIX в. происходило почти повсеместно в условиях национального гнета, мешавшего свободному выражению научной мысли и создававшего серьезные препятствия прогрессу этой науки, столь тесно связанной с освободительными стремлениями угнетенных славянских народов.

Другие, но также весьма серьезные препятствия стояли на пути развития русского прогрессивного славяноведения. Русский народ — единственный в XIX в. из славянских народов, не испытывавший национального гнета и имевший охватывавшее всю нацию государство, находился под властью мертвящего реакционного самодержавия. Царизм стремился задушить все проявления прогрессивной мысли. Не удивительно, что условия изучения истории славянства — этой политически наиболее острой стороны славяноведения — были чрезвычайно неблагоприятны. Научно:

значимые работы, созданные в области славяноведения в русских университетах и Академии наук, ограничивались главным образом проблематикой славянской филологии и этнографии. Но за пределами официальной науки зарубежным славянским народам были посвящены многие страницы произведений передовой русской общественной мысли. С этой, дорогой для нас традицией отечественного славяноведения связаны имена декабристов и Пушкина, Герцена и Чернышевского.

Прямая связь с центральным вопросом общественной жизни — о перспективах и путях достижения национальной независимости и социальной справедливости — обусловила то, что славяноведение не стало лишь кабинетной, «чистой» наукой; в острой борьбе с реакционными тенденциями складывались лучшие традиции прогрессивной и революционной общественной мысли в области славяноведения.

Важнейшим вопросом, принципиальным для характеристики различных направлений в славяноведении, был вопрос о роли России, об отношении к ней зарубежных славянских народов. Для официального русского славяноведения и консервативных зарубежных ученых — выразителей взглядов определенных групп господствующих классов у западных и южных славян — отношение к России выражалось в апологии самодержавия. Прогрессивные ученые, разделяя глубокие симпатии и надежды, которые связывали народные массы зарубежных славянских наций с братским русским народом, обращали свои взоры к России революционной. Во второй половине XIX в. можно уже говорить о духовном единстве революционнo-демократической мысли в общеславянском масштабе. Прямое созвучие идей, непосредственные революционные связи объединили в борьбе за общие идеалы Герцена, Чернышевского и их русских последователей с Шевченко и Калиновским, Ворцелем и Сераковским, Фричем и Марковичем, Каравеловым и Ботевым. В эту эпоху в общественной мысли славянских народов утвердился — первоначально еще в утопической форме — социалистический идеал, подготовивший почву для последующего восприятия идей научного социализма. Революционному авангарду славянских народов был чужд дух племенной замкнутости, а выступивший на арену классовой борьбы пролетариат противопоставил национализму буржуазии свой интернационализм. Могущий подъем русского революционного движения в начале XX в. отозвался и в зарубежных славянских странах, нашел свое отражение и в славистической науке. Мировоззрение пролетариата, идеи Маркса и Ленина оказывали все большее влияние на развитие передового славяноведения.

Интерес к истории, культуре славянских народов, к перспективам их развития проявлялся у представителей разных народов, в особенности непосредственных соседей славян. В ряде случаев это был доброжелательный интерес, свободный от националистической предвзятости. В истории славяноведения достойное место занимают, например, немец Гердер, француз Дени. Однако в значительной мере лицо западной, особенно немецкой, славистики определяла националистическая антиславянская тенденция. В империалистической Германии на рубеже XIX и XX вв. сформировалась целая школа «изучения Востока» (*Ostforschung*), которая своими тенденциозными и псевдонаучными выводами не только обосновывала «правомерность» векового натиска на славянские земли, но и готовила идеологический арсенал для нового империалистического наступления против славянских народов.

Два великих рубежа в истории человечества стали рубежами и в развитии славистической науки.

Великая Октябрьская социалистическая революция и образование независимых славянских государств вызвали необычайный подъем интереса к

славянским народам. В Советском Союзе утвердилось марксистское славяноведение. Его развитие было связано с осмыслением на базе марксистско-ленинской методологии основ и задач славяноведческой науки и с изучением того богатого наследия высказываний об истории и культуре славянских народов, которое содержалось в трудах Маркса, Энгельса, Ленина. Однако на развитии советского славяноведения в 20—30-х годах сказались затянувшийся процесс пересмотра наследия дореволюционной славистики и влияние культа личности Сталина, сковывавшего развитие общественных наук. В зарубежных славянских странах после завоевания ими национальной независимости усилилось внимание к славистической проблематике. Важное значение для утверждения передовой славистики в этих странах имели революционное движение народных масс и деятельность коммунистических партий. В странах Западной Европы и Америки возникли новые славяноведческие учреждения и появилось большое количество славистических изданий.

Вторым рубежом стала великая победа свободолюбивых народов над фашистскими агрессорами во второй мировой войне, освобождение зарубежных славянских народов от гнета фашизма и власти капитализма и вступление их на путь социалистического развития. Прошедшее со времени этого великого исторического поворота двадцатилетие озаменовано крупнейшими переменами в развитии славистической науки. Не малых успехов добилось советское славяноведение. Оно окрепло научно и организационно, из года в год растет число серьезных научных исследований. Важным вкладом в советскую славистику являются труды Б. Д. Грекова, В. И. Пичеты, Н. С. Державина, М. Ф. Рылского, М. Н. Тихомирова, В. В. Виноградова и других советских ученых. В зарубежных социалистических славянских странах развились и окрепли все отрасли марксистско-ленинской общественной науки и достигло уже значительных успехов славяноведение. Большое значение имеют исследования ученых-славистов А. Белича, Б. Гавранка, Т. Лер-Сплавинского, З. Неедлого, Т. Павлова и др.

Марксистско-ленинское славяноведение стран социалистического содружества достойно выступает на международной арене. Прошедшие в последние годы Московский и Софийский международные съезды славистов показали, что славяноведение получило поистине всемирное распространение. Десятки центров славяноведения, и небольших и весьма значительных, существуют в каждой из крупных капиталистических стран. Однако далеко не все из них имеют действительно научный характер, многие прикрывают ширмой славистики пропаганду, враждебную славянским народам, ставшим на путь социализма. Эта пропаганда приобретает во все большей степени не только националистический, антиславянский, но и антикоммунистический характер. В антикоммунистическом хоре звучат голоса и доморожденных «атлантических славяноведов», и озлобленных эмигрантов, не желающих примириться с историческими переменами, совершенными народами славянских стран. Особенно усердны в деятельности на попрание этого специфического антиславянского «славяноведения» старые специалисты по «изучению Востока». Притихнув после разгрома гитлеризма, вновь оживились в Западной Германии «остфоршеры», писания которых наряду с оголтелой антикоммунистической пропагандой преследуют и цель поддержания реваншистского угара, идеологической подготовки новой войны.

Разумеется, буржуазные фальсификации не имеют ничего общего с наукой. Но было бы ошибкой просто их игнорировать. Некоторые из них, искусно рядящиеся в псевдонаучные облачения и сочетающие ложь с полуправдой, воздействуют на своих читателей. Антикоммунисты от «славя-

поведения» не жалеют усилий, чтобы влиять на субъективно честных, но политически не искушенных ученых. Разоблачение фальсификаций, противопоставление им научно аргументированных правдивых данных и выводов — дело нужное и важное.

Перспективы марксистско-ленинского славяноведения связаны ныне с деятельностью не только советских ученых, но и наших коллег из зарубежных социалистических стран. Крупные успехи ученых Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии — это выдающееся и радостное явление современной научной жизни. Оно создает реальную базу для научного сотрудничества. Советские слависты исследовали и будут продолжать исследовать проблемы внутренней истории зарубежных стран, имеющие значение для выяснения закономерностей исторического процесса. В то же время за рубежом появлялись (и несомненно будут появляться) исследования по истории СССР, многие из которых заслужили высокую оценку научной общественности. Творческое соревнование полезно для каждого ученого. Но очевидно, что советским славистам следует избегать ненужного дублирования той конкретной проблематики, которая успешно разрабатывается в зарубежных социалистических странах, и сосредоточить свое внимание на исследовании проблем, имеющих первостепенное значение для советского славяноведения. Не подменять друг друга, а взаимно дополнять и помогать — таков естественный принцип разделения научного труда.

Изучение истории, культуры и языков славянских народов нашей страны — русских, украинцев, белорусов имеет для советской науки большое самостоятельное значение. Поэтому указанная проблематика в научно-организационном отношении не включается в рамки советского славяноведения (аналогичным образом решается вопрос применительно ко всей отечественной проблематике и во всех зарубежных славянских странах); ее изучение обеспечивается многими другими научными учреждениями, располагающими своими печатными органами. Но, разумеется, что при рассмотрении всех вопросов, требующих учета материалов и проблематики истории, языков, культуры восточных славян, советские слависты имеют возможность опереться на особенно широкую и надежную базу, созданную в этой области советской наукой.

Успехи каждой отрасли науки в немалой степени определяются тем, насколько актуальна проблематика, изучению которой посвящены усилия ученых. Актуальна та проблематика, изучения которой требует сама жизнь. Потребность теоретического обобщения крупнейших общественных процессов современной эпохи, живейший интерес миллионов советских людей к жизни зарубежных социалистических стран уже сегодня настойчиво выдвигают на первый план проблематику, связанную с развитием народно-демократических и социалистических революций и строительством социализма в этих странах. Однако это не означает, будто актуально лишь то, что близко нам хронологически.

Современность бесчисленными нитями связана с историей, множество явлений современной общественной жизни уходит своими корнями в далекое прошлое. В острой идеологической борьбе наши противники пытаются использовать для своих вполне современных политических целей соответственно препарированный материал самого далекого прошлого — и отказ от научной марксистской разработки таких вопросов во имя ложно понятой актуальности не может принести пользы. Поэтому в числе актуальных проблем советского славяноведения с полным правом могут быть названы наряду с самыми насущными вопросами современного развития и многие исторические проблемы вплоть до самых хронологически отдаленных.

У некоторых историков до сих пор существует представление, будто научная разработка требует непременно исторической дистанции, отдале-

ния от изучаемых событий, и что для исследования новейшей истории еще не определен круг необходимых источников и т. п. С методологической точки зрения эта позиция не выдерживает критики. Нет сомнений, что исследование наиболее близких исторических явлений требует от историка не только предельно четкой методологической позиции и направленности исследования, широты кругозора, но и умения научно анализировать многие нетрадиционные типы источников и т. п. Но как бы ни были сложны эти задачи, они могут и должны решаться. При этом они должны решаться научно, без упрощенчества и подмены анализа существа явлений легкой регистрацией фактов.

Марксистскому славяноведению как науке чужд дух искусственной замкнутости, противопоставления славянских народов народам неславянским. Славяноведение не только допускает, но и настоятельно требует, чтобы процессы развития славянских народов и их неславянских соседей на всем протяжении истории рассматривались во взаимосвязи (соответствующей реальной исторической действительности). А ведь соседями славян являются прежде всего народы современных неславянских социалистических стран.

И в прошлом, и в особенности в современную эпоху непосредственное и постоянное общение славянских народов с народами неславянскими создает все более многообразные и тесные связи, выходящие за рамки славянской общности. Однако славянская общность далеко не утратила своего значения, а в некоторых отношениях (близость языков) она будет играть важную роль на протяжении весьма длительного исторического периода. Сохраняет и будет сохранять свое научное и общественное значение ее история, ибо не может быть политики, игнорирующей многовековой опыт народа, его традиции, его исторически сложившуюся культуру и т. п. Все это определяет роль славяноведения, рассматривающего широкий круг научных проблем преимущественно в историческом аспекте.

В то же время очевидна недопустимость какого-либо вычленения славянских стран, когда речь идет о современных политических, социальных, экономических и других процессах, общих или сходных для всех европейских социалистических стран. Эти процессы обусловили появление новой отрасли науки — истории мировой системы социализма, и в эту отрасль истории своей значительной частью входит и славяноведение. Эта взаимосвязь естественная, и советские слависты строят свою работу в соответствии с живыми потребностями науки и стремятся полноценно обеспечить разработку и этой важнейшей проблематики.

Современные задачи советской славистики вытекают из задач, поставленных Программой КПСС перед общественными науками. Советское славяноведение должно внести свой вклад в изучение закономерного процесса движения человечества к коммунизму, сыграть свою роль в формировании благородной, интернационалистской идеологии человека нового общества, способствовать дальнейшему упрочению дружбы и сотрудничества народов социалистических стран.

Советское славяноведение сосредотачивает свое внимание на проблемах широкого общеславянского и сравнительно-исторического профиля. Важнейшими его задачами являются: изучение проблем современного развития европейских социалистических стран, их взаимоотношений и связей, узловых вопросов развития мировой социалистической системы (в историко-политическом аспекте), проблем социалистической культурной революции; изучение национально-освободительного, рабочего и коммунистического движения, исторических (революционных, политических, экономических, культурных) связей народов СССР с зарубежными славянскими народами; изучение исторических связей и взаимоотношений сла-

вянских народов с другими народами (славяно-германские, славяно-венгерские, славяно-румынские, славяно-скандинавские и другие, причем особое внимание должно быть уделено исследованию славяно-германских отношений); изучение общих проблем истории и культуры, общественной мысли, литературы, фольклора, этнографии славянских народов; сравнительно историческое изучение славянских языков и их связей с другими языками. Понятно, что базой каждого общего или сравнительного исследования должны быть многочисленные работы по более узким и конкретным вопросам. Работая в этих основных направлениях, в тесном творческом контакте с учеными-марксистами зарубежных социалистических стран, советские слависты могут внести полезный вклад в развитие марксистско-ленинской общественной науки и борьбу против реакционной буржуазной идеологии.

Все эти замечания по общим вопросам развития советского славяноведения имеют непосредственное отношение и к тем задачам, которые ставит перед собой новый журнал «Советское славяноведение».

Являясь научным органом Института славяноведения Академии наук СССР, наш журнал будет стремиться способствовать развитию и координации исследований в области советской славистики. Журнал не ограничивает свою тематику лишь указанными выше основными направлениями исследований. На его страницах найдет отражение общеславистическая тематика и тематика по истории (в широком смысле слова) зарубежных славянских народов — история, археология, этнография, некоторые вопросы социологии и антропологии, история литературы и искусства, фольклор и др. Журнал будет публиковать статьи и материалы по важным проблемам лингвистики, в особенности смежным с исторической и историко-культурной проблематикой. Вместе с тем журнал особенное внимание сосредоточит на важнейших проблемах современного развития европейских социалистических стран, их взаимоотношений и связей, а также и на других основных направлениях исследовательской работы, названных выше.

Журнал будет организовывать обмен мнениями по вопросам, заслуживающим дискуссии. Одной из важнейших своих задач журнал считает широкую информацию о научной жизни. Поэтому значительное место отводится отделу критики и библиографии, в котором будут публиковаться обзоры, рецензии, заметки о книгах и статьях, роспись содержания важнейших периодических изданий, тематические и информационные библиографии, и отделу хроники, который будет регулярно информировать читателей о научной деятельности Института славяноведения, других славистических центров в СССР и зарубежных научных учреждений и организаций.

Редколлегия рассчитывает на активное сотрудничество широких кругов советских славистов. Она надеется, что на страницах журнала будут выступать ученые зарубежных социалистических стран и слависты из других стран, исследовательским интересам которых близка его проблематика.

СТАТЬИ

Я. Б. ШМЕРАЛЬ, Л. Б. ВАЛЕВ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ

(К истории развития социалистических стран
Центральной и Юго-Восточной Европы)

XX век стал веком коренного перелома в истории человечества. Эпоха, в которую мы живем,— это эпоха революционного перехода от капитализма к социализму. На глазах наших поколений, под ударами революционных сил, ожесточенно сопротивляясь, уходит с исторической сцены старый строй насилия и эксплуатации человека человеком. Вслед за Октябрьской революцией в России социализм в течение последнего двадцатилетия утвердился в целом ряде стран Европы и Азии. Трудящиеся героической Кубы зажгли маяк свободы на американском континенте. Для многих народов, которые лишь недавно вступили на путь самостоятельного развития, социализм стал знаменем укрепления их политической и экономической независимости.

Одним из важнейших звеньев мирового освободительного процесса стали народно-демократические и социалистические революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Их опыт вместе с опытом других социалистических стран, всех отрядов международного коммунистического движения помогает нам глубже понять закономерности и тенденции ряда важнейших общественных процессов современности.

Социалистические страны Центральной и Юго-Восточной Европы прошли путь, который в главных чертах совпадал с путем, пройденным первым в мире социалистическим государством. Вместе с тем их развитие отличалось целым рядом особенностей. Одни из них были связаны с конкретными историко-политическими, экономическими, национально-культурными и географическими причинами. Это были национальные особенности, отражавшие специфику каждой страны в отдельности. Другие вытекали из условий нового исторического этапа, отличавшегося иной расстановкой сил на мировой арене. Эти особенности в той или иной мере нашли свое отражение в практике ряда стран, вступивших на путь социалистического развития после второй мировой войны. Характеристика некоторых из этих общих тенденций, о которых свидетельствует опыт европейских стран народной демократии, составляет основной предмет данной статьи.

Революции в этих странах развернулись в обстановке изменения соотношения сил между социализмом и капитализмом. Разгром германского фашизма, решающую роль в котором сыграла Советская Армия, политическая и экономическая помощь СССР помогли этим странам восстановить свою национальную независимость, оградить их от империалистиче-

ской интервенции, создали благоприятные международные условия для их свободного развития.

Другая особенность исторического периода, в который возникли народно-демократические государства, связана с эволюцией самого империализма. Логическим результатом развития современного капитализма явился фашизм. Впервые за много веков на чашу весов была брошена не только свобода, но и само существование многих народов. Смертельная угроза, нависшая над целыми нациями, способствовала тому, что к национально-освободительному, антифашистскому движению примкнули мелкобуржуазные и буржуазные слои, которые ранее стояли в стороне от активной борьбы с империализмом. Усиление реакционности империализма повлекло за собой расширение антиимпериалистического фронта.

Процесс ослабления позиций империализма не ограничился рамками отдельных стран. Разгром германского фашизма и японского милитаризма привел к ослаблению сил империализма во всемирном масштабе. Открылись новые возможности в борьбе за демократию и социализм.

Народно-демократический строй вырос непосредственно из национально-освободительной антифашистской борьбы. Наиболее активным, наиболее самоотверженным в этой борьбе был рабочий класс, которому во многих странах удалось сплотить вокруг себя основные силы нации. Эта борьба была направлена не только против чужеземных захватчиков, но и против внутренних реакционных сил — крупного капитала и помещиков, которые привели народы к национальной катастрофе и встали на путь прямого сотрудничества с оккупантами. Национально-освободительные, общедемократические по своему характеру движения приобрели глубокое социальное содержание. Произошло дальнейшее сближение борьбы за национальное освобождение с борьбой за демократию и социализм.

Позиции социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы укреплялись по мере проведения и углубления коренных демократических преобразований в политической и социально-экономической областях. В этих условиях происходила дифференциация среди той части буржуазии, которая в годы войны примкнула к антифашистскому лагерю. Часть ее представителей, извлекая уроки из недавнего прошлого и считавшаяся с настроениями подавляющего большинства народных масс, продолжала сотрудничать с подлинно революционными силами, возглавляемыми коммунистами. Другая ее часть, стремясь воспрепятствовать революционным преобразованиям, стала все более смыкаться с силами внутренней и внешней империалистической реакции. Тот, кто выступал против социализма, неизбежно скатывался на позиции противников демократии, врагов национальной независимости своих народов. Разгром буржуазной реакции в этих странах имел решающее значение не только для социального освобождения народов, но и для сохранения их демократических завоеваний, национальной независимости. Еще раз блестящее подтверждение получила мысль В. И. Ленина о том, что на определенном этапе развития последовательная демократия, с одной стороны, сама превращается в социализм, а с другой — требует социализма, невозможна без социализма¹. Опыт первых лет существования народной власти вновь убедительно показал, что судьбы демократии и национальная независимость неразрывно связаны с судьбами социализма, что социализм в наш век является в конечном счете единственной альтернативой империализма.

Развитие стран Центральной и Юго-Восточной Европы вновь подтвердило, что важнейшим условием перехода к социализму является свержение политического господства эксплуататоров, осуществление со-

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 78.

циональной революции. Новая историческая обстановка способствовала тому, что в этих странах наряду с вооруженной борьбой получили широкое распространение также мирные формы борьбы за победу революции.

В. И. Ленин подчеркивал, что буржуазия выработала два способа сохранения своего господства — насилие и обман масс². Этим в значительной степени определялись и методы борьбы пролетариата. Пока шла война и власть реакции опиралась на террористическую фашистскую диктатуру, основным путем к освобождению неизбежно был путь вооруженной борьбы. Разгром гитлеризма и освобождение стран Центральной и Юго-Восточной Европы привели к коренному изменению условий классовой борьбы. В ряде стран в первый период после установления народного строя буржуазия, используя свое влияние на часть населения, сохранила значительные экономические и политические позиции. Однако соотношения внутренних и международных сил лишило ее возможности рассчитывать на успех в случае применения насилия против трудящихся. В этих условиях мирные формы становились основными формами борьбы за окончательную победу социалистической революции в политической области. Опираясь прежде всего на революционную активность масс, коммунистические и рабочие партии широко использовали против буржуазии такие институты, как всеобщее избирательное право, парламент, гражданские свободы. Использование традиционных парламентских форм не только способствовало привлечению колеблющихся мелкобуржуазных слоев на сторону пролетариата, но и послужило дополнительным препятствием для вмешательства зарубежной реакции во внутренние дела этих стран.

Опыт народно-демократических и социалистических революций еще раз показал, что коренное различие между революционностью и реформизмом заключается отнюдь не в том, признавать или отвергать мирные формы борьбы, а в том, в чьих интересах и против кого используются эти формы, сочетаются ли они с развитием массовых действий трудящихся или направлены на ослабление их боевых сил. В отличие от реформистов, которые рассматривают мирный, парламентский путь как единственный путь развития при всех условиях, революционеры используют как вооруженные, так и мирные формы борьбы, отвечая на насилие эксплуататоров насилием, на обман масс буржуазией — убеждением и своим примером.

Большое значение для успеха революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы имело единство рабочего класса. Произошло сближение основной массы социал-демократических рабочих и левых элементов руководства социал-демократических партий с коммунистами. Это позволило добиться объединения профессионального движения, превратившегося в огромную политическую силу, установления единства действий коммунистов и социал-демократов в борьбе с пробуржуазными элементами социал-демократии, а затем и организованного единства рабочего движения на базе принципов марксизма-ленинизма.

Победа трудящихся над капитализмом была достигнута под руководством коммунистических и рабочих партий, которые в своей политике умело применяли общие принципы марксизма к конкретным условиям каждой страны. Накопленный этими партиями опыт революции представляет особую ценность для тех отрядов коммунистического и рабочего движения, которым еще приходится вести борьбу в условиях капитализма. Уже в конце 40 — начале 50-х годов он нашел известное отражение в программных документах ряда компартий капиталистических стран. Развернутое признание и осмысление опыт революций в странах народной демократии получил в коллективно выработанных документах совещаний коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 158.

Полная победа над капитализмом в политической области, проведение коренных социально-экономических преобразований открыли перед народами этих стран возможность непосредственного перехода к строительству социалистического общества на широком фронте.

Необходимо было вслед за политической победой обеспечить победу социализма в социально-экономической и идеологической областях. Отсюда вытекали две важнейшие взаимно связанные задачи. С одной стороны — коренная перестройка социальной структуры общества, замена частной собственности на средства производства общественной собственностью, полная ликвидация эксплуатации человека человеком. А с другой — необходимо было добиться такого развития производительных сил, которое обеспечивало бы создание материально-технической базы социализма, всесторонний подъем материального и культурного уровня населения, позволило бы в дальнейшем перейти к строительству коммунистического общества.

Образование мировой социалистической системы в результате победы социалистических революций в ряде стран Европы и Азии существенным образом изменило условия строительства социализма. В обстановке, когда реакционные империалистические круги стали все больше ориентироваться на то, чтобы приостановить наступление социализма с помощью оружия массового уничтожения, особенно важное значение приобретало военно-политическое сотрудничество социалистических стран. Возможность опереться на мощный военно-экономический потенциал Советского Союза надежно ограждала и будет ограждать и впредь независимость всех социалистических стран.

Этот факт наложил определенный отпечаток и на процессы внутреннего развития европейских социалистических стран. В свое время Советскому Союзу, строившему социализм в одиночку, пришлось пойти на очень большие жертвы и лишения, чтобы обеспечить оборону страны от империалистической агрессии. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы имели более благоприятные возможности для экономического развития, для определения темпов и сроков проведения социальных преобразований.

В одних странах, таких как Чехословакия, ГДР, перестройка социальной структуры общества происходила на базе уже достигнутого ими довольно высокого уровня развития производительных сил. Создание материально-технической базы социализма в этих странах по времени более или менее совпало с победой социалистических производственных отношений. В экономически менее развитых странах процесс создания этой базы развернулся с наибольшей интенсивностью уже после победы социалистических производственных отношений.

Существование мировой системы социализма создает благоприятные условия для социалистической перестройки общества не только в экономически развитых государствах, но и в тех странах, которые в силу исторических причин отстали в экономическом развитии. Это — прямой результат победы социализма в СССР, возникновения и укрепления социалистического содружества.

Важнейшим фактором, который способствовал успеху строительства социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, было экономическое сотрудничество социалистических стран. В первые годы его основной формой была торговля, научно-техническое сотрудничество, а частично и прямая экономическая помощь, оказываемая более развитыми социалистическими странами менее развитым. Сколь велико было значение этого фактора, станет особенно ясным, если вспомнить, что это были годы, когда империалистические круги проводили жестокую блокаду боль-

шинства социалистических стран. В этой обстановке экономическое сотрудничество и взаимная помощь социалистических стран не только ускорили процессы социалистического строительства, но и имели решающее значение для укрепления их национальной независимости и суверенитета.

Социалистическим странам приходилось преодолевать не только ожесточенное сопротивление внешней и внутренней реакции, но и экономическую отсталость, влияние буржуазных, мелкобуржуазных и националистических идей на массы. В поисках новых путей и форм социалистического строительства не удавалось избежать просчетов и ошибок, которые в свое время были во многом усугублены отрицательным влиянием культа личности. Однако преимущества социалистического строя, растущая идейная сила коммунистических и рабочих партий позволяют преодолевать эти трудности, добиваться решающих успехов в построении социалистического общества.

Социалистические преобразования производственных отношений начались с национализации банков и крупной промышленности. В большинстве стран национализация была в основном завершена к 1948—1949 гг. В странах Центральной и Юго-Восточной Европы, так же как ранее и в СССР, ликвидация эксплуататорских классов означала не что иное, как ликвидацию их экономических привилегий, возможности их обогащения за счет чужого труда. В свое время В. И. Ленин едко высмеивал тех буржуазных деятелей, которые запугивали не только других, но и себя «ужасами» социализма. «Надо взять именно главную крепость финансового капитала, — писал он, — ...А отдельных капиталистов и даже большинство капиталистов пролетариат не только не намерен „раздевать“, ...не только не намерен лишать „всего“, а, напротив, намерен приставить к полезному и почетному делу — под контролем самих рабочих»³. В СССР ожесточенное сопротивление реакционных классов, принявшее характер гражданской войны, вынуждало предпринимать радикальные меры против буржуазии. В странах Центральной и Юго-Восточной Европы, где сопротивление буржуазии не носило столь острого характера, процесс ее ликвидации проходил в более безболезненных формах. В некоторых странах получили распространение также переходные формы, как частичный выкуп национализированной промышленности, создание смешанных государственно-частных предприятий. Представителям ликвидированных эксплуататорских классов была оставлена собственность, предназначенная для удовлетворения их личных потребностей (дома, автомобили и т. д.). В результате длительной эволюции значительная часть представителей бывших эксплуататорских классов уже сейчас включилась в систему трудовых отношений социалистического общества.

Одной из наиболее сложных задач социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы был перевод на рельсы социализма мелких производителей, в особенности трудящегося крестьянства. В отношении этих слоев, являвшихся союзниками пролетариата, не мог стоять вопрос об экспроприации. Нужны были иные пути вовлечения их в русло социализма.

Аграрная реформа изменила социальную структуру деревни в этих странах. Основанная на принципе «земля тем, кто ее обрабатывает», она полностью ликвидировала крупное частное землевладение. Преобладающая часть сельскохозяйственной земли была поделена между безземельными и малоземельными крестьянами. Парцелляция земли, особенно в более развитых странах, имела и некоторые отрицательные последствия. Она привела в ряде случаев к сокращению товарности производства, создавала и определенные препятствия для развития производительных сил

³ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 110.

в сельском хозяйстве. Но это была жизненно необходимая мера, сыгравшая решающую роль в укреплении союза рабочего класса и крестьянства — этой основы основ социалистического общества.

Аграрные реформы помогли расчистить путь для социалистической перестройки сельского хозяйства. Приступая к социалистическим преобразованиям в деревне, коммунистические и рабочие партии руководствовались ленинскими идеями перевода мелкого крестьянского хозяйства на социалистические рельсы путем постепенного добровольного кооперирования мелких производителей. Практика этих стран, среди которых были аграрные и промышленно развитые, показала всеобщее значение ленинского кооперативного плана, основанного на единственно приемлемом для крестьянства принципе сочетания личных и общественных интересов.

Методы и темпы проведения кооперирования сельского хозяйства в каждой из этих стран не были одинаковыми. Они зависели от уровня их экономического развития, степени сознательности и организованности рабочего класса, силы частнособственнических традиций крестьянства, всей совокупности внутренних и внешних условий строительства социализма. Отличительной чертой их развития был, например, переход к кооперированию сельского хозяйства без предварительной национализации земли. Опыт показал, что это не является препятствием для проведения социалистических преобразований в деревне. Коммунистические и рабочие партии этих стран разработали ряд новых конкретных форм постепенного перехода от простейшей кооперации (сбытовой, снабженческой и т. п.) к последовательно социалистическому типу. Чтобы помочь крестьянству преодолеть укоренившиеся мелкособственнические традиции, применялись такие меры, как частичное возмещение стоимости имущества, передаваемого крестьянином в общественную собственность, распределение части доходов пропорционально внесенному земельному наделу и т. д. По мере укрепления социалистических производственных отношений в деревне эти формы постепенно стали отмирать. В ряде стран в сельскохозяйственных кооперативах уже в настоящее время полностью господствует социалистический принцип распределения по труду.

Социалистические преобразования деревни сопровождались довольно острой классовой борьбой. Однако в условиях значительного перевеса социалистических сил эта борьба, за очень небольшими исключениями, не приобретала насильственного характера. Поэтому ликвидация сельской буржуазии как класса была осуществлена в ряде стран путем последовательного ее экономического ограничения и вытеснения без массового применения административных мер. Определенное распространение получил также и частичный выкуп собственности кулаков, который в некоторых случаях оказался наиболее целесообразной формой ликвидации их экономических привилегий.

Важнейшим условием успеха кооперирования сельского хозяйства являлось то, что политический союз рабочего класса и трудового крестьянства дополнялся их экономическим союзом. Практика показала, что любая попытка перескочить исторически неизбежный этап кооперирования, отвечающий непосредственным интересам и уровню сознательности крестьянских масс, недооценка принципа материальной заинтересованности крестьянства, отрыв процесса формирования новых производственных отношений от развития современной материально-технической базы крупного социалистического сельского хозяйства создают дополнительные серьезные трудности в социалистической перестройке сельского хозяйства.

Правильный учет всего комплекса социально-политических, экономических и идеологических факторов имел решающее значение для разви-

тия социалистических производственных отношений в деревне на основе укрепления союза рабочего класса и крестьянства. Благодаря творческому воплощению в жизнь идей ленинского кооперативного плана социалистическим странам удалось добиться серьезных успехов в деле перевода сельского хозяйства на социалистические рельсы. В ряде стран — Болгарии, Чехословакии, ГДР, Румынии и Венгрии — этот процесс уже практически завершен. В Польше и Югославии обобществление сельского хозяйства происходит в специфических формах. Однако, несмотря на существование в этих странах значительного мелкотоварного сектора, возможности развития на этой основе капиталистических отношений сведены до минимума. Этому способствует, в частности, широкое развитие экономических связей социалистического государства и сельской снабженческо-сбытовой кооперации с индивидуальными крестьянскими хозяйствами. Тем самым выполнена или близка к выполнению одна из важнейших задач перехода от капитализма к социализму — полная ликвидация эксплуатации человека человеком.

За прошедшее двадцатилетие трудящиеся стран Центральной и Юго-Восточной Европы добились больших успехов в решающей области человеческой деятельности — в материальном производстве. Важнейшую роль в построении материально-технической базы социализма сыграла социалистическая индустриализация. Без создания крупной машинной индустрии социалистические страны не смогли бы обеспечить свою независимость, успешно довести до конца социалистическую перестройку общества, создать предпосылки для систематического повышения материального благосостояния и культурного уровня населения. Это была трудная задача, требовавшая огромных материальных и финансовых затрат.

Индустриализация в странах Центральной и Юго-Восточной Европы проходила в более благоприятных условиях, чем в свое время в СССР. Социалистическое содружество избавляло их от необходимости одновременного развития всех отраслей промышленности, что для отдельных стран было бы просто непосильной задачей. Основным источником индустриализации этих стран были их собственные ресурсы. Вместе с тем важным дополнительным источником накоплений, необходимых для развития экономики, была экономическая, финансовая и научно-техническая помощь других социалистических стран, обладавших развитым экономическим потенциалом. Этот фактор был одной из причин особенно быстрого подъема народного хозяйства в экономически менее развитых социалистических странах, таких как Албания, Болгария, Румыния.

Пути создания материально-технической базы социализма в различных странах имели значительные особенности. Экономически менее развитым странам пришлось по существу заново создавать ряд отраслей промышленности. В экономически более развитых странах особое значение приобретала перестройка структуры народного хозяйства, обусловливаемая необходимостью осуществления задач социалистического строительства, ликвидации экономического отставания отдельных районов, развития сотрудничества с другими социалистическими государствами.

В ходе выполнения этих задач произошли существенные изменения в экономике всех социалистических стран. Те из них, которые прежде относились к числу отсталых, превратились в индустриально-аграрные государства. Такие же страны, как Чехословакия и ГДР, которые и до войны обладали значительной промышленностью, выдвинулись по уровню промышленного развития в ряды ведущих государств мира. За последние 12 лет (с 1951 по 1963 г.) промышленное производство в Болгарии возросло в 5,4 раза, в Венгрии — в 3,4, в ГДР — в 3,5, в Польше — в 4,2, в Румынии — в 5, в Чехословакии — в 3,2, в Югославии — в 3,6 раза. Но тем-

пам своего развития социалистические страны оставили далеко позади подавляющее большинство капиталистических государств. Эти итоги являются еще одним убедительным доказательством превосходства социалистической системы хозяйства над капиталистической. Большинство социалистических стран в основном уже прошли наиболее трудный этап экономического строительства, связанный с созданием промышленной базы социализма. Это открывает перед ними возможность обогнать наиболее развитые капиталистические страны в таких областях, где они еще отставали, в том числе в области материального благосостояния и производства товаров народного потребления.

В ходе социалистического строительства коммунистические и рабочие партии социалистических стран Европы накопили немалый опыт руководства народным хозяйством. Практика показала, что сочетание непосредственной инициативы масс с централизованным плановым управлением народным хозяйством, непрерывное развитие и совершенствование конкретных форм демократического централизма в соответствии с новой обстановкой и накопленным опытом являются важнейшим условием реализации преимуществ социалистической экономики.

Логика истории такова, что новые достижения вызывают к жизни и новые проблемы. До тех пор, пока речь шла о преодолении экономического отставания, высокие темпы развития народного хозяйства могли быть обеспечены даже при сравнительно простых формах планирования. Сегодня, когда ряд стран достиг высокого уровня развития промышленности, особое значение приобретает проблема повышения эффективности экономики, совершенствования качественных сторон производства. Поэтому коммунистические и рабочие партии уделяют большое внимание созданию наиболее прогрессивной структуры народного хозяйства, совершенствованию методов планирования и форм организации производства, максимальному внедрению передовых достижений науки и техники в промышленность и сельское хозяйство, повышению технического уровня и качества продукции. В настоящее время они и в этой области накопили определенный опыт, который представляет практический интерес для всех стран, идущих по пути социализма и коммунизма.

Развитие экономики в социалистических странах не является самоцелью. Ее главная задача — повышение жизненного уровня населения. Важнейшим источником удовлетворения постоянно растущих потребностей трудящихся масс являются высокие темпы роста национального дохода. За период 1950—1962 гг. национальный доход в отдельных социалистических странах Европы вырос в 2—3 раза. Наряду с ростом реальной заработной платы и личного потребления все большая часть нужд населения удовлетворяется за счет общественных фондов.

Но не только этим определяется улучшение условий жизни трудящихся. Очищение отношений между людьми от власти денег, широкий доступ к образованию и культуре, уверенность в завтрашнем дне, в будущем своих детей — все это величайшие завоевания социализма. И хотя эти факторы не всегда легко выразить в числах и процентах, но о них нельзя забывать, когда мы говорим о переменах, происшедших за эти годы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Победа социалистических революций в этих странах не означала автоматического прекращения сопротивления свергнутых эксплуататорских классов. Отсюда возникала необходимость создания такой власти, которая подавляла бы силы, активно выступающие против социализма. По своему характеру это была власть того же типа, которая установилась в России в 1917 г. Однако своеобразие революционных процессов в этих странах обусловило некоторые особенности в системе диктатуры пролетариата.

Расширение социальной базы революции, дальнейшее сближение интересов пролетариата и непролетарских слоев трудящихся открыли возможность сотрудничества с демократическими немарксистскими партиями не только в осуществлении общедемократических задач, но и в ходе социалистических преобразований. Участие этих партий в строительстве социализма — одна из особенностей системы диктатуры пролетариата, сложившейся в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы, новая форма союза рабочего класса с крестьянством и остальными слоями трудящихся.

Характеризуя роль насилия в условиях диктатуры пролетариата, В. И. Ленин говорил: «Насилие имеет свою силу по отношению к тем, кто хочет восстановить свою власть. Но этим и исчерпывается значение насилия, а дальше уже имеет силу влияние и пример»⁴. Характерной чертой развития диктатуры пролетариата в странах Центральной и Юго-Восточной Европы было то, что функции насильственного подавления здесь с самого начала носили довольно ограниченный характер. Это определялось прежде всего тем, что сопротивление внутренней реакции носило, как правило, менее острый характер, чем в свое время в СССР. Поэтому не было, например, необходимости прибегать к массовому лишению гражданских прав представителей свергнутых эксплуататорских классов. Административные меры применялись, как правило, лишь к тем из них, кто пытался активно противодействовать социалистическому строительству.

Практика стран Центральной и Юго-Восточной Европы еще раз подтвердила ошибочность положения о неизбежности обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Вместе с тем развитие этих стран показывает, что общая тенденция к ослаблению классовой борьбы не исключает возможности временного ее усиления. Последнее может быть связано не только с объективными изменениями внешней и внутренней обстановки, но и с серьезными субъективными просчетами и ошибками.

На развитии европейских социалистических стран отрицательно сказалось влияние культа личности. В результате распространения элементов догматизма, субъективизма, а иногда и прямого злоупотребления властью постепенно возникали трудности в развитии экономики, в осуществлении политики союза рабочего класса и крестьянства, ослаблялись связи партий с массами. Особенно суровым уроком явились венгерские события 1956 г. Внешняя и внутренняя реакция, воспользовавшись ошибками тогдашнего руководства ВПГ, которое недостаточно энергично боролось с классовыми противниками и в то же время допускало серьезные нарушения демократических прав трудящихся, поставила страну перед прямой угрозой утраты социалистических завоеваний.

Огромное значение для преодоления субъективизма и догматизма имели мероприятия коммунистических и рабочих партий, проведенные после XX съезда КПСС. В Заявлении, единогласно принятом в 1960 г. 81 коммунистической и рабочей партией, подчеркивается, что «исторические решения XX съезда КПСС имеют не только великое значение для КПСС и коммунистического строительства в СССР, но и положили начало новому этапу в международном коммунистическом движении, способствовали его дальнейшему развитию на основе марксизма-ленинизма»⁵.

Восстановление ленинских норм партийной и государственной жизни, творческое развитие важнейших ленинских принципов внутренней и внешней политики открыли новые источники укрепления социализма, широкий простор для развития энергии трудящихся масс.

Характерной чертой внутренней жизни европейских социалистических стран является дальнейшее развитие социалистической демократии. Зна-

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 42, стр. 75.

⁵ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». Госполитиздат, 1961, стр. 84.

чительно возросло участие трудящихся в обсуждении важнейших вопросов экономического и политического развития. Расширены права представительных органов и общественный контроль за их деятельностью, широко внедряется общественное начало, принцип сменяемости и обновления руководящих кадров, возрастает роль массовых общественных организаций, на которые возлагаются и некоторые государственные функции. Идет процесс непрерывных поисков наиболее правильного сочетания принципов активизации миллионных масс и централизованного руководства. Все эти явления отражают происходящий в ряде социалистических стран процесс накапливания в недрах диктатуры пролетариата элементов общенародного государства.

Свое двадцатилетие европейские социалистические страны встречают большими свершениями. Одни из них успешно завершают строительство основ социализма. Другие уже прошли этот этап и вступили в стадию развернутого строительства социализма. Впереди у них новые цели, ясные перспективы дальнейшего совместного продвижения вперед — к коммунизму.

История последних 20 лет обогатила опыт не только строительства социализма в отдельных странах, но и сотрудничества ряда государств в масштабах мировой социалистической системы. С победой социализма впервые в мире возникли предпосылки для создания подлинно равноправных братских отношений больших и малых, экономически сильных и слабых государств. Эти отношения между социалистическими странами вытекают из самой сущности социалистического строя. Они вытекают из осознания марксистами-ленинцами того факта, что никакое вмешательство во внутренние дела других народов, даже если оно продиктовано самыми лучшими субъективными намерениями, объективно не служит делу социализма. Источником этих отношений является единство национальных и интернациональных интересов трудящихся различных наций, ибо успехи каждой социалистической страны способствуют укреплению всей социалистической системы, а это, в свою очередь, ведет к упрочению суверенитета каждого входящего в нее государства. Развитие всестороннего сотрудничества и взаимная помощь социалистических стран — это объективная тенденция, определяемая как политическими, так и экономическими причинами. Военно-политическое сотрудничество в условиях все более усиливающегося влияния социалистической системы на ход мировых событий надежно обеспечивает безопасность каждой социалистической страны, имеет решающее значение для укрепления дела мира и социализма в международном масштабе.

Экономическое сотрудничество помогает социалистическим странам преодолевать имеющиеся трудности, значительно ускоряет их продвижение вперед. Если в первые послевоенные годы характер и формы этого сотрудничества были в значительной мере связаны с необходимостью преодоления общей отсталости экономики или отдельных ее отраслей в ряде социалистических государств, то сегодня эти формы определяются иными причинами. Развитие производительных сил в социалистическом лагере в целом достигло такого уровня, когда наряду с развитием товарообмена все большую актуальность приобретает прямое международное социалистическое разделение труда на базе координации народнохозяйственных планов и непосредственного производственного кооперирования социалистических стран, осуществляемое в соответствии с принципами полного равноправия, национального суверенитета и взаимной выгоды.

Несомненно, что создание единого мирового хозяйства, регулируемого по общему плану, о котором в свое время говорил В. И. Ленин, — дело будущего. В настоящее время и, видимо, еще на довольно длительный период основной формой развития экономики социалистического содруже-

ства будет укрепление национальных хозяйственных комплексов. Вместе с тем в ходе экономического сотрудничества социалистических стран широкое распространение получают некоторые новые формы, которые в дальнейшем могут заложить основу создания мирового социалистического хозяйства. Активное участие в разработке этих форм принимают европейские социалистические страны. В настоящее время важнейшее значение имеет проводимая в рамках СЭВ координация перспективных и некоторых других планов, которая сможет обеспечить сочетание оптимального развития национальных хозяйственных комплексов со значительным взаимовыгодным международным разделением труда. Значительные успехи достигнуты за последние два года в области специализации и кооперирования производства машин. Крупнейший в мире нефтепровод «Дружба», который обеспечивает поставки нефти в ГДР, ЧССР и Венгрию, объединение энергосистемы «Мир» — первые практические результаты коллективного строительства крупных промышленных объектов, представляющих общий интерес для ряда стран. Нельзя не упомянуть и о создании общего парка товарных вагонов стран СЭВ, а также Международного банка экономического сотрудничества, начавшего действовать в 1964 г.

Не приходится удивляться, что в новом деле осуществления международного социалистического разделения труда приходится сталкиваться и с определенными трудностями. Они обуславливаются неодинаковыми возможностями, связанными с различным экономическим уровнем отдельных социалистических стран, существующими пока еще несовершенствами отдельных форм и методов международного социалистического разделения труда. Но это трудности роста. Действие объективных тенденций, с одной стороны, имеющийся опыт, с другой, свидетельствуют о большом будущем международного социалистического разделения труда, являющегося могучим ускорителем развития экономики социалистических стран, роста благосостояния их народов.

В капиталистическом мире объективная тенденция к интернационализации производительных сил пробивает себе дорогу путем ожесточенной конкурентной борьбы, игры сил, подчинения слабых стран более сильным. В социалистическом мире эта тенденция может развиваться лишь на основе полного равенства и взаимной помощи, ибо укрепление социалистического содружества неразрывно связано с укреплением каждой входящей в него страны.

Прошедшее двадцатилетие неузнаваемо изменило весь облик Центральной и Юго-Восточной Европы. Эти изменения являются неразрывной составной частью могучих революционных процессов, преобразующих в наше время весь мир. Социализм, превратившийся в мировую систему, оказывает сегодня все более определяющее влияние на весь ход развития человечества. В единый антиимпериалистический поток сливается борьба всех прогрессивных сил современности — народов стран, успешно строящих социализм и коммунизм, рабочих и всех эксплуатируемых капиталистического мира, борющихся за свое социальное освобождение, участников национально-освободительного движения, широкого фронта борцов против угрозы термоядерной войны, отстаивающих под знаменем дружбы между народами дело мира во всем мире. Свой достойный вклад в эту борьбу вносят народы европейских социалистических стран.

Европейские социалистические страны прошли большой и нелегкий путь. Осталось далеко позади чужеземное порабощение, ожесточенные классовые бои, капитализм, экономическая отсталость. Они устояли перед военными угрозами и выдержали экономическую блокаду империалистов. Им пришлось отбивать натиск оппортунистов всех оттенков, стремящихся подорвать их главную силу — единство. У них прочный корабль — социализм. У них надежный компас — марксизм-ленинизм. У них ясная цель — коммунизм.

С. И. ПРАСОЛОВ

СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ДОГОВОР 1943 г. (К истории дипломатической подготовки)

Советско-чехословацкий договор сыграл выдающуюся роль в развитии братских отношений между Советским Союзом и Чехословакией. Вполне естественно то внимание, которое уделяется договору в трудах по истории обеих стран¹, особенно в работах, посвященных периоду Великой Отечественной войны и оккупации Чехословакии². Однако не только в этих работах, но и в литературе по вопросам внешней политики Чехословакии³ подготовка договора освещается, как правило, бегло, без достаточного анализа некоторых существенных моментов.

Важные стороны политической борьбы в среде чехословацкой эмиграции в связи с подготовкой договора глубоко и по-новому рассмотрены в солидно документированной книге Б. Лапшовички «В Лондоне во время войны»⁴.

Серьезным источником по теме исследования являются изданные вскоре после второй мировой войны воспоминания З. Фирлингера⁵, который с 1937 по 1945 г. был чехословацким послом в Москве. Это воспоминания непосредственного участника событий, подкрепленные большим количеством документов. Первостепенное значение имеет также документальная публикация о советско-чехословацких отношениях 1941—1945 гг., осуществленная Министерством иностранных дел СССР и Министерством иностранных дел ЧСР⁶.

¹ «История СССР. Эпоха социализма (1917—1957)». М., 1957, стр. 607; «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1962, стр. 573; «История Чехословакии», т. III. М., 1960, стр. 349, 350; «Přehled československých dějin, díl. III. Praha, 1960, s. 532; «История Коммунистической партии Чехословакии» (пер. с чешского), М., 1962, стр. 508, 509.

² «История Великой Отечественной войны 1941—1945», т. 3. М., 1961, стр. 605; «Za svobodu Československa», Sv. I. Praha, 1959, s. 393—396; А. И. Недорезов. Национально-освободительная борьба чехословацкого народа. М., 1961, стр. 222—226, 231—234.

³ V. Kotýk, J. Sedivý. 15 let čs. sovětské smlouvy. Praha, 1958, s. 26—30; Я. Шедивый, К. Коржалкова. Внешняя политика Чехословацкой Социалистической Республики в 1945—1960 гг. М., 1960, стр. 12; J. Sedivý. 20 let československo-sovětské spojenecké smlouvy. Praha, 1963, s. 11.

⁴ B. Laštovička. V Londýně za války. Praha, 1960.

⁵ Z. Fierlinger. Ve službách CSR. Paměti z druhého zahraničního odboje, díl. II. Praha, 1948.

⁶ «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Документы и материалы. М., 1960. Одновременно издано на чешском языке: Československo-sovětské vztahy v době Velké Vlastenecké války. 1941—1945. Dokumenty a materialy. Praha, 1960.

В настоящее время исследователь располагает необходимой историко-ведческой базой для анализа дипломатических переговоров, предшествовавших заключению советско-чехословацкого договора."

* * *

Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и ЧСР, подписанный 12 декабря 1943 г., заложил прочную основу для многообразного и плодотворного советско-чехословацкого сотрудничества в различных областях межгосударственных, общественно-политических, экономических и культурных отношений.

Яркой демонстрацией нерушимости этой дружбы и сотрудничества явилось подписание в ноябре 1963 г. Протокола о продлении советско-чехословацкого договора. Примечательно, что этот договор был продлен сразу на 20 лет, хотя положения его статьи 6-й предусматривают, что после истечения первоначального, двадцатилетнего, срока действия договор продлевается автоматически на каждые последующие пять лет.

Чтобы подчеркнуть возросшее значение советско-чехословацкого сотрудничества, Протокол о продлении договора был скреплен подписями глав правительств и глав государств, тогда как сам Договор в 1943 г. был подписан представителями в ранге министров иностранных дел с советской стороны и посла — с чехословацкой.

Сила договора, его жизненность в том, что он питается такими глубинными источниками, как взаимное тяготение наших народов к тесной дружбе и единению. Эти чувства возникли давно и порождены не только близостью языка и культуры, но и общностью исторических судеб, общностью коренных интересов братских славянских народов. С тех пор как на историческую арену вышел революционный пролетариат, особенно после Великой Октябрьской социалистической революции, давнишние чувства славянской взаимности были обогащены сознанием классовой солидарности советского и чехословацкого рабочего класса.

До второй мировой войны сотрудничество между Чехословакией и Советским Союзом, несмотря на договор о взаимной помощи от 16 мая 1935 г., не получило должного развития, которое соответствовало бы объективным потребностям обеих стран и ясно выраженной воле их народов. В дни Мюнхена чехословацкая буржуазия под давлением Англии и Франции предпочла капитулировать и предать национальные интересы, чем бороться против фашистского агрессора, опираясь на народные массы собственной страны и на помощь социалистического государства. Обязательства взаимной помощи, предусмотренные советско-чехословацким договором 1935 г., оказались, по вине буржуазных правительств Франции и Чехословакии, не реализованными, и сам договор — не был приведен в действие.

Национальная катастрофа, пережитая чехословацким народом, ясно показала, что без сотрудничества с Советским Союзом нельзя было в 1938 г. сохранить самостоятельность и целостность республики, что без Советского Союза невозможно ни восстановить, ни удержать национальную независимость в будущем. Сделала для себя выводы и политическая эмиграция чехословацкой буржуазии: стремление народных масс к дружбе и сотрудничеству с Советским Союзом опасно игнорировать, ибо это означает отождествить себя с теми реакционными группировками аграрного и промышленного монополистического капитала, которые до Мюнхена выступали против СССР, а в условиях оккупации стали открытыми пособниками фашистских захватчиков.

Ввиду этого лидеры чехословацкой буржуазной эмиграции, создавшие в годы войны правительство в Лондоне, занимали двойственную позицию в отношении Советского Союза. Они ставили перед собой задачу восстановить Чехословацкую республику (разумеется, как буржуазное государство), и если удастся получить согласие Запада, то — в ее дююнхенских границах. Отдавая себе отчет в том, что разгром фашистских агрессоров вызовет волну революционно-демократических движений, чехословацкое эмигрантское правительство делало ставку на англо-американский империализм. Такая установка была сформулирована Бенешем еще в 1939 г.: «В конце концов победа Запада,— писал он тогда в Прагу буржуазным деятелям,— является единственной возможностью, которая позволила бы Европе сразу достичь социальной консолидации с помощью Англии и Америки и предотвратить как полный социальный хаос и распад, так и прямой большевизм, на этот раз германский»⁷.

Классовые устремления определили и отношение чехословацкого правительства к политической стратегии английского империализма, конечной целью которой было так называемое «упорядочение территории между Германией и Россией». Под этими расплывчатыми словами скрывались империалистические планы послевоенного устройства Центральной и Юго-Восточной Европы. По сути дела имелось в виду ни больше ни меньше, как ликвидировать малые суверенные государства на всем пространстве от Балтики до Эгейского моря и создать на их месте одно или несколько межгосударственных объединений, которые служили бы опорными пунктами Великобритании против Германии и, прежде всего, против Советского Союза. Проектов подобного рода было множество⁸.

В попытках их осуществления активно участвовало и чехословацкое правительство в Лондоне. В ноябре 1940 г. здесь была подписана польско-чехословацкая декларация, а двумя годами позже, в январе 1942 г., — соглашение о создании польско-чехословацкой конфедерации⁹. Целью конфедерации было провозглашено согласование политики Чехословакии и Польши по внешнеполитическим, военным, экономическим, финансовым и социальным вопросам, а также по вопросам культуры, транспорта и связи¹⁰.

Таким образом создавалась вполне реальная угроза, что Чехословацкая республика, еще не успев возродиться, утратит суверенное право принимать самостоятельные решения по наиболее существенным проблемам государственной политики, которые должны были стать компетенцией совместных органов конфедерации. Осуществление этих проектов практически означало бы установление контроля польских реакционных элементов, что неизбежно вело бы к усилению реакции во всех областях внутренней и внешней политики Чехословакии. Польско-чехословацкая конфедерация была бы не чем иным, как союзом реакционных сил польской и чехословацкой буржуазии, направленным против рабочего класса и назревавшей

⁷ E. Beneš. 6 let exilu a druhé světové války. Praha, 1946, s. 27.

⁸ В феврале 1943 г. государственный министр чехословацкого правительства в Лондоне Г. Рипка в своей записке «Центральноевропейская проблематика», являвшейся конспектом его речи в чехословацком государственном совете, отмечал: «До сих пор нет сколько-нибудь конкретного проекта. Только разные комбинации и общие планы (более тесное объединение, союз, экономическая общность, конфедерация, федерация — притом вообще нет единства в том, из каких государств должен бы слагаться такой блок), проекты общего объединения от Балтики до Эгейского моря, либо конфедерации северной, дунайской, балканской, либо конфедерации северной и (южной и т. д.)». AUD KSC, f. 38, j. 495.

⁹ Z. Fierlingcr. Ibid., p. 46.

¹⁰ B. Laštovička. Ibid., p. 160—163.

национальной и демократической революции в обеих странах¹¹. Однако и этот реакционный проект был подвергнут критике справа за недостаточное ограничение национального суверенитета его участников. Орган британских монополий — журнал «Экономист» шел так далеко, что требовал «не только общей армии и общей промышленности, но и общей внешней политики». При этом существование двух самостоятельных министров иностранных дел объявлялось непозволительной роскошью¹². Все это свидетельствовало о том, что британский империализм не терял надежд придать польско-чехословацкой конфедерации еще более антинародный и антинациональный характер.

Опираясь на польскую буржуазную эмиграцию, в среде которой тон задавали реакционные политики, английская дипломатия оказывала постоянное давление на чехословацкое правительство в Лондоне. Правящие круги Великобритании долгое время уклонялись от объявления недействительным Мюнхенского соглашения. В беседе с английским министром иностранных дел президент Чехословацкой республики вскоре после подписания соглашения с Польшей открыто жаловался на то, что «ему тяжело и даже невозможно договориться о чем-либо важном с поляками, поскольку по кардинальному вопросу о границах он не знает, что представляет собой Чехословакия в глазах Англии, и поскольку он не знает, как и за кого его принимают»¹³.

Борясь за ликвидацию последствий Мюнхена, чехословацкое правительство опиралось на поддержку Советского Союза, который никогда не признавал Мюнхенского соглашения и выступал за безоговорочное восстановление Чехословацкой республики в границах, существовавших до сентября 1938 г. Противопоставляя ясную позицию Советского Союза уклончивой позиции англичан, чехословацкие представители старательно их убеждали сделать заявление о ликвидации Мюнхена, ибо этого требуют и британские интересы. «Если этого не произойдет, — говорил государственный министр Г. Рипка, — то ни один из чехословацких министров иностранных дел не будет в состоянии убедить чехословацкий народ в необходимости и выгоды сотрудничества с Англией и с Западом»¹⁴. Аргументируя далее это положение, Рипка раскрывал существо внешней политики чехословацкого буржуазного правительства: «Однако мы заинтересованы в том, чтобы не быть вынужденными опираться только на русских или прежде всего на русских. Мы не желаем, чтобы Россия приобрела одностороннее преимущественное влияние в Чехословакии, так как мы знаем все далеко идущие последствия, которые из этого возникли бы не только для нас, но и для всей европейской и мировой политики»¹⁵.

И лишь после нового заявления советского представителя в июне 1942 г. о том, что признание предмюнхенских границ само собой разумеется¹⁶, английское правительство вынуждено было объявить, что оно считает себя свободным от каких-либо обязательств в отношении Мюнхенского соглашения. Однако от ясного признания домюнхенских границ Чехословакии английское правительство вновь уклонилось¹⁷, оставив этот вопрос откры-

¹¹ См. подробнее S. Stanisławska. Projekty konfederacji polsko-czechosłowackiej w szacie drugiej wojny światowej. «Sprawy międzynarodowe», 1963. № 4, s. 90—94.

¹² «Economist», 24.I.1942 (Цит. по В. Laštovička, Ibid., p. 163).

¹³ «Советско-чехословацкие отношения...», док. 10, стр. 26.

¹⁴ Там же, док. 10, стр. 25; док. 14, стр. 31, 32.

¹⁵ Там же, док. 14, стр. 31, 32.

¹⁶ Z. Fierlinger. Ibid., p. 175.

¹⁷ 5 августа 1942 г. английское правительство заявило, что границы Чехословакии окончательно будут определены лишь в конце войны. Свое заявление оно стремилось смягчить оговоркой, что «на его позицию не будут оказывать влияние ника-

тым до окончания войны явно для того, чтобы сохранить и эту возможность оказывать давление на чехословацкое правительство.

Демократическая общественность Чехословакии была возмущена тем, что правительство идет на поводу у англичан и, подписав соглашение о конфедерации с Польшей, согласилось на такое ограничение своих прав, которое несовместимо с национальным суверенитетом.

Недовольство было столь велико, что чехословацкий президент вынужден был отмежеваться от этого акта правительства¹⁸. Резко отрицательную позицию к реакционному проекту конфедерации заняла Коммунистическая партия Чехословакии. Выступая на заседании чехословацкого государственного совета в Лондоне, коммунистка Годинова-Спурна говорила: «Чехословацкая республика не может искать своей гарантии в планах конфедерации. Безопасность республики может быть обеспечена только тесным сотрудничеством с Советским Союзом»¹⁹.

Требования заключения договора о дружбе с Советским Союзом стали столь настойчивыми, что чехословацкое правительство с ними не могло уже не считаться в новой обстановке, возникшей в результате разгрома гитлеровских войск на берегах Волги.

Историческая победа на Волге и быстрое продвижение Красной Армии на запад в зимнюю кампанию 1942—1943 гг. показали возросшую мощь Советского Союза. Оказались несостоятельными военно-политические расчеты англо-американских стратегов на то, что силы Советского Союза исчерпаны и его армия осуждена вести только оборонительные операции, сковывая в глубине России основные армии гитлеровской Германии и создавая тем благоприятные условия для большого наступления англо-американских войск на Балканах и в Западной Европе²⁰.

Промедление с заключением договора с Советским Союзом могло обернуться в морально-политическое поражение эмигрантских деятелей чехословацкой буржуазии. «Лучше добровольно сделать без четверти двенадцать то, что все равно придется сделать в двенадцать часов под неодолимым давлением событий», — говорил в своем кругу чехословацкий президент Бенеш²¹. В начале марта 1943 г. он довел до сведения Советского правительства о своем намерении в конце этого или в начале следующего месяца приехать в Москву для переговоров о договоре. 6 марта 1943 г. чехословацкий посол в Москве Зденек Фирлингер, сообщив об этом советскому представителю, многозначительно добавил: «... весь чехословацкий народ хочет тесного чехословацко-советского сотрудничества, тесного союза с великим русским народом. Чехословацкий народ идет гораздо дальше, чем чехословацкое правительство, которое, можно сказать, является пленником английского правительства»²².

Получив благоприятный ответ советской стороны, Бенеш две недели спустя официально поставил вопрос о возможности заключения договора о взаимной помощи еще до окончания войны. При этом, однако, выясни-

кие изменения, которые произошли в этих вопросах как в 1938 г., так и позже» (E. Beneš, 6 let exilu..., s. 466).

¹⁸ Z. Fierlinger. Ibid., p. 46.

¹⁹ B. Laštovička. Ibid., p. 171.

²⁰ После разгрома немецко-фашистских войск в битве на Волге думать об обороне пришлось не Советскому Союзу, а его противникам. Выступая 1 февраля 1943 г. на совещании в Ставке, Гитлер должен был признать, что коренным образом изменилось и соотношение сил на Восточном фронте и перспективы войны: «...я могу сказать одно: возможность окончания войны на востоке посредством наступления более не существует. Это мы должны ясно представлять себе» (Стенограмма дневного совещания 1 февраля 1943 г. в «Вольфсшанце». «Военно-исторический журнал», 1963, № 1, стр. 82).

²¹ «Přehled československých dějín», díl. III. Praha, 1960, s. 532.

²² «Советско-чехословацкие отношения...», док. 34, стр. 63, 64.

лось, что чехословацкий президент имеет в виду не только и не столько двусторонний договор между Советским Союзом и Чехословакией: Бенеш 20 марта 1943 г. стал выяснять, что думает Советское правительство о возможности заключения трипартитного договора о взаимопомощи между Польшей, Чехословакией и СССР в духе советско-английского договора 1942 г.²³ Предложение о трехстороннем соглашении, как признавал позже Бенеш, было инспирировано англичанами и американцами²⁴. С внесением такого предложения создалось совершенно иное положение: достижение договоренности о взаимной помощи между Чехословакией и Советским Союзом теперь было обусловлено согласием СССР на заключение общей конвенции с обеими странами — участниками намечавшейся польско-чехословацкой конфедерации. Подобный маневр был предпринят с целью добиться от Советского правительства одобрительного отношения к проекту польско-чехословацкой конфедерации и, тем самым, согласия с планами послевоенного устройства Центральной и Юго-Восточной Европы, предусматривавшими восстановление антисоветского «санитарного кордона» под новой вывеской «федерации».

Это полностью отвечало устремлениям польской реакционной эмиграции в Лондоне, не собиравшейся отказываться от намерений отторгнуть от СССР территории, население которых единодушно высказалось в свое время за вхождение в состав Советского Союза. Используя связанность чехословацкого правительства соглашением 1942 г. о конфедерации и рассчитывая с выгодой для себя проэксплуатировать заинтересованность Советского правительства в заключении договора с Чехословакией и в укреплении единства антигитлеровской коалиции, польское эмигрантское правительство стало настойчиво требовать удовлетворения своих территориальных притязаний. Антисоветская кампания польских реакционеров вызвала возмущение чехословацкой общественности и беспокойство правительства ЧСР. Еще в ноябре 1942 г. Рипка писал польскому министру: «Чехословацкая общественность... испытывает опасения, когда Советский Союз ставят на одну доску с нацистской преступной Германией и когда говорят о создании барьера между Германией и СССР». Особые опасения, отмечал Рипка, вызывают польские заявления о включении в состав конфедерации Литвы, Латвии, Эстонии, Украины и Белоруссии²⁵. Одновременно с усилением антисоветской кампании польская эмиграция настаивала на сохранении за Польшей тех земель, которые пллсудчиками были отторгнуты от ЧСР после Мюнхена. Все это окончательно скомпрометировало конфедерацию. Ответственные деятели британского кабинета предприняли попытку укрепить позиции дискредитировавшего себя польского эмигрантского правительства²⁶. На чехословацкую дипломатию было оказано давление, и она согласилась принять участие в этом маневре²⁷. При нажиме на чехословацкое правительство, как всегда, беззастенчиво исполь-

²³ Там же, док. 35, стр. 65.

²⁴ Там же, док. 48, стр. 86.

²⁵ «Korespondencja w sprawie konfederacji polsko-czechosłowackiej w latach 1940—1943». *Studia z najnowszych dziejów powszechnych*, t. 4, Warszawa, 1943, s. 298.

²⁶ См. письма английского премьера главе Советского правительства от 24, 25 и 30 апреля 1943 г. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли, док. № 151, 153, 154, 124.

²⁷ Не рассчитывая на полный успех, Бенеш предложил в качестве компромисса заменить соглашение о конфедерации союзническим пактом между Польшей и Чехословакией (по образцу уже существовавшего советско-английского и подготавливавшегося советско-чехословацкого договоров). Польское правительство долго колебалось и дало согласие тогда, когда, по мнению чехословацкого правительства, было уже слишком поздно (S. Stanisławska, *Ibid.*, p. 100).

зовался тот факт, что британское правительство не сказало своего окончательного слова по вопросу о границах Чехословакии²⁸.

Несмотря на все это, Советское правительство продолжало добиваться укрепления отношений с Чехословакией.

Советское правительство согласилось обсудить вопрос о заключении советско-чехословацкого договора о взаимопомощи, если такое предложение будет сделано чехословацким правительством. Что касается трехстороннего договора между СССР, Чехословакией и Польшей, то Советское правительство в принципе считало такой пакт приемлемым, но полагало несвоевременным обсуждать этот вопрос ввиду антисоветской позиции реакционного эмигрантского польского правительства²⁹.

Однако, несмотря на согласие советской стороны, чехословацкое правительство прервало переговоры на два месяца, а возобновив их в конце июня, явно старалось затянуть дело под всяческими предложениями и дипломатическими уловками. Свою поездку в Москву чехословацкий президент теперь хотел превратить в бессодержательный визит вежливости и «добрый воли». Он отказывался подписать договор во время пребывания в СССР, а намеревался, по настоянию Идена, ограничиться только общей декларацией³⁰. Предложение о «визите доброй воли» представляло собой маневр для усложнения чехословацкой обществуности, возмущенной бесконечными проволочками в переговорах о договоре с Советским Союзом. Советское правительство не дало себя вовлечь в эти махинации. Советский представитель на предложение Бенеша ответил, что если это его окончательное решение, то было бы лучше ему не предпринимать поездки или же отложить ее³¹. Сообщая об ответе Советского правительства, чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер смело и открыто заявил в телеграмме Бенешу о совершенной необоснованности и вредности занятой им позиции. Фирлингер писал о необходимости «искреннего и ясного отношения к СССР, который лучше всего обеспечил бы также и нашу собственную безопасность»³². Оказавшись в неприглядном положении, Бенеш предпринял попытку переложить всю ответственность на английское правительство, ссылаясь на то, что его представители наложили «вето» на подписание советско-чехословацкого договора³³. На это «вето» Бенеш и его сообщники в Лондоне охотно ссылались в дальнейшем, всячески преувеличивая свою зависимость от Великобритании³⁴.

Английское правительство, действительно, оказывало давление. Но важное значение имела и позиция чехословацкого президента. Он же в духе своей предмюнхенской политики решение вопроса о советско-чехословацком договоре поставил в зависимость от воли британского империализма.

В чем же были причины того, что Бенеш, сам начав переговоры о заключении договора с СССР, затем стал их всячески затягивать?

В мае 1943 г. Бенеш выехал в США, где вел переговоры с президентом Рузвельтом и находившимся там английским премьер-министром Черчил-

²⁸ В беседе с зам. наркома ин. дел СССР А. Корнейчуком в июле 1943 г. чехословацкий посол З. Фирлингер заметил, что «Иден своим поведением компрометирует Бенеша. Англия до сих пор не признала наши домюнхенские границы, а Советский Союз заявил о признании этих границ. Фирлингер высказал еще предположение, не связана ли позиция англичан с польским вопросом» («Советско-чехословацкие отношения...», док. 52, стр. 97).

²⁹ Там же, док. 38, стр. 71; док. 39, стр. 72.

³⁰ Там же, док. 49, стр. 89, 90.

³¹ Там же, док. 51, стр. 93.

³² Там же, стр. 94.

³³ Там же, док. 52, стр. 95.

³⁴ Там же, док. 48, стр. 86; док. 50, стр. 91; док. 52, стр. 95, 96; док. 54, стр. 101; док. 63, стр. 117, 118; док. 65, стр. 121.

дем. В конце мая в Вашингтоне состоялось совещание Рузвельта и Черчилля. Вопреки обещанию Советскому правительству открыть второй фронт в Европе не позже сентября 1943 г., Рузвельт и Черчилль решили в 1943 г. ограничить операции союзных войск Средиземноморским театром военных действий. Открытие второго фронта еще раз был отложено на год³⁵. Английские и американские правящие круги понимали, что это позволит Германии сосредоточить значительные силы на Востоке для нового наступления против Красной Армии³⁶. Вновь взваливая на плечи советского народа всю тяжесть войны с противником, они заботились о создании благоприятных условий для операций англо-американских войск в Италии и на Балканах. Все эти расчеты не остались тайной для буржуазных эмигрантских правительств, собравшихся в Лондоне. Они сделали из этого свои выводы. Королевское правительство Греции, например, в связи с этим переместило свою резиденцию из Лондона в Каир, ближе к греческой территории, чтобы быстрее оказаться в Афинах после высадки английских войск³⁷. Казалось, что близки к осуществлению планы Черчилля нанести удар в «балканское подбрюшье» Европы и быстрым продвижением на север отрезать Красную Армию от Юго-Восточной и Центральной Европы. В эмигрантских кругах Лондона стало известно, что в Константинополе, Мадриде и Стокгольме ведутся переговоры с венгерскими представителями, которые обещали при определенных условиях выйти из гитлеровского блока, не оказывать сопротивления войскам западных союзников и пропустить их в Дунайский бассейн³⁸.

Все эти обстоятельства были приняты во внимание Бенешем и его окружением. «Перед информированными Масариком, Рипкой и Бенешем проблеснула желанная перспектива, что немцы оттеснят Красную Армию опять куда-нибудь к Волге и западные союзники после этого вторгнутся в Италию и на Балканы, затем проникнут в Дунайскую низменность и к нам (т. е. в Чехословакию.— С. П.), раньше, чем Красная Армия»³⁹.

В Лондоне велась практическая подготовка к британской оккупации Чехословакии. Еще в конце 1942 г. было подписано секретное англо-чехословацкое соглашение, которое обязывало чехословацкие власти оказывать поддержку британским войскам на территории Чехословакии. Специально подобранные английские и американские офицеры спешно изучали чешский язык. В министерстве обороны чехословацкого правительства дорабатывались планы реакционного военного переворота в Чехословакии к концу войны с целью захвата власти в стране и ликвидации демократических национальных комитетов, возникших в подполье. Что касается договора с Советским Союзом, то в Лондоне его подписание теперь предпочитали отложить до окончания войны.

Планам англо-американской реакции и ее пособников из лагеря эмигрантской буржуазии не было суждено осуществиться. Выиграв сражение

³⁵ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. 3: М., 1961, стр. 498.

³⁶ Американский генерал У. Б. Смит в мае 1943 г. так оценивал обстановку: «Немцы на русском фронте готовятся к наступлению в невиданном масштабе... Цель этого большого наступления немцев — вывести Россию из войны или настолько парализовать Красную Армию, что ее дальнейшее сопротивление будет слабым или бесполезным» (Там же, стр. 241).

³⁷ В. Laštovička. Ibid., p. 277.

³⁸ О плане Черчилля и англо-американских переговорах с Венгрией в 1943 г. см. «Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны». М., 1962, стр. 280, 281; док. 157, стр. 291, 292; док. 158, стр. 293, 294; док. 164, стр. 298, 299; А. И. Пункаш. Венгрия во второй мировой войне. М., 1963, стр. 186—194.

³⁹ В. Laštovička. Ibid., p. 277.

под Курском, Красная Армия окончательно закрепила за собой стратегическую инициативу и развернула стремительное наступление.

Весь фронт от Балтики до Черного моря был взломан. Победы вооруженных сил Советского Союза изменили ход второй мировой войны. Во всем мире они были восприняты как свидетельство того, что Советское государство обладает достаточной мощностью, чтобы в единоборстве разбить гитлеровскую Германию и самостоятельно освободить всю Европу. «Ведь если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится», — эти слова Рузвельта точно выразили настроения, воцарившиеся на Западе⁴⁰.

Такие же настроения господствовали и в среде чехословацкой буржуазной эмиграции в Лондоне. Перед Курской битвой чехословацкая разведка получила сведения из «самого лучшего источника» в Берлине, что, по мнению германского генерального штаба, гитлеровские войска не смогут удерживать нынешнюю линию Восточного фронта дольше января 1944 г. «А это будет, — говорил Бенеш, — началом их конца». Однако гитлеровцам пришлось пачать «сокращать» линию фронта не в январе, а на полгода раньше. К. Макензи, который беседовал с Э. Бенешем уже после начала немецкого отступления под Курском, рассказывал: «новости, которые он перед этим получил из Берлина, вызвали у него приступ мучительного беспокойства, как бы русские не уверились в том, что он отложил свой московский визит до тех времен, когда исчезнут последние сомнения в окончательном исходе грандиозной битвы»⁴¹. Продолжение прежней политики проволочек в переговорах с Советским Союзом становилось все более рискованным.

22 августа 1943 г. Бенеш поставил перед советским послом Богомоловым вопрос: «Не считает ли Советское правительство возможным начать предварительные переговоры по существу договора, который он может подписать в сентябре»⁴². При этом Бенеш предложил проект договора⁴³. «По сравнению с первым проектом Бенеша, — отмечал А. Богомолов, — показанным мне в июне сего года, этот проект совершенно отошел от идеи Бенеша заключить с СССР договор о взаимопомощи на 20 лет по типу советско-английского договора от 26 мая 1942 г.»⁴⁴. Новый проект, во-первых, вообще обходил молчанием вопрос о сроках действия договора; во-вторых, предусматривал оказание взаимопомощи только против Германии или союзных с ней государств (и, следовательно, освобождал договаривающиеся государства от оказания друг другу помощи в случае агрессии со стороны государства, не связанного непосредственно с Германией или связанного с какой-либо иной державой); в-третьих, — устанавливал, что договор подлежит дополнительному утверждению чехословацким парламентом после окончания войны, чего вовсе не требовала конституция ЧСР.

Для чехословацких буржуазных политиков, которые до этого всячески затягивали переговоры, теперь настала пора тревожных ожиданий. Английский разведчик Брюс Локкарт, в эти дни встречавшийся с Э. Бенешем, пишет: «Я застал его в редком для него пессимистическом настроении... Больше всего огорчало его то, что русское наступление будет слишком быстрым, что русские решат немецкую, польскую и балканские проблемы раньше, чем мы успеем их продискутировать». Вновь и вновь Бенеш в разговоре возвращался к договору с СССР, к своей предстоящей поездке в

⁴⁰ «История Великой Отечественной войны...», стр. 300.

⁴¹ С. M a s k e n z i e. D-r Beneš. London, 1946, p. 260, 261.

⁴² «Советско-чехословацкие отношения...», док. 54, стр. 101, 102.

⁴³ Там же, док. 55, стр. 103—105.

⁴⁴ Там же, стр. 105.

Москву, «... с мрачным лицом он подчеркивал необходимость достижения полного соглашения. Скоро,— говорил он,— будет слишком поздно»⁴⁵.

И хотя советский посол имел возможность взять проект совершенно неофициально («только для личного пользования», как оговорился Богомолов⁴⁶), З. Фирлингер 30 сентября сообщал президенту Чехословацкой республики: «Советское правительство принимает Вапе предложение от 22 августа и предлагает лишь некоторые формальные изменения, которые полностью отвечают Вашим намерениям. Договор может быть подписан хотя бы завтра, причем подчеркивают особенно то, что весь вопрос касается исключительно нас и СССР»⁴⁷.

Основные поправки к тексту проекта Бенеша, предложенные советской стороной, сводились, как это видно из документа⁴⁸, к следующему:

1. Статья 3-я распространяла взаимные обязательства и на те случаи, если в послевоенное время СССР или ЧСР явились бы «объектом угроз или опасности нападения со стороны какого-либо европейского государства» (следовательно — не только Германии)⁴⁹.

2. Статья 7-я определяла, что договор вступает в силу немедленно после его подписания и подлежит ратификации в возможно короткий срок.

3. Той же статьёй устанавливался 20-летний срок договора с возможностью его продления на каждые последующие 5 лет⁵⁰.

4. Содержалось предложение о внесении в Протокол подписания специального пункта о том, что стране — соседу СССР или ЧСР (имелась в виду прежде всего Польша) «будет дана возможность, по обоюдному согласию правительств СССР и Чехословакии, подписать этот договор, который, таким образом, приобретет качество трипартитного соглашения»⁵¹.

Оценивая советские предложения по тексту договора, З. Фирлингер в телеграмме президенту подчеркивал, что договор в Москве «искренне и честно продуман». Особое значение в телеграмме придавалось Протоколу: «Положения Протокола являются хорошим жестом в отношении поляков и отвечают Вашему желанию и Вашей политике в прошлом договориться с поляками и ниоткуда их не исключать». З. Фирлингер отмечал большую значимость советского проекта: «Можно сказать, что этим договором СССР берет на себя далеко идущие обязательства в отношении нас и наших союзников. Поэтому договор является лучшим выражением военной политики и общих послевоенных целей всех союзников; по этой причине он может иметь широкое историческое значение»⁵².

По советскому проекту договора у чехословацкой стороны появилось два замечания. Первое касалось статьи 6-й и носило редакционный характер (предлагалось исключить выражение «прямо или косвенно»). Второе замечание относилось к статье 3-й: Бенеш высказывал опасение, что положение о консультациях будет неправильно истолковано⁵³.

Советское правительство пошло навстречу этим пожеланиям, заявив о согласии исключить из текста статьи 6-й нежелательное выражение и полностью статью 3-ю, показавшуюся опасной Бенешу⁵⁴. Таким образом,

⁴⁵ В. Лоскарт. Comes the Reckoning. London, 1947, p. 269, 270.

⁴⁶ «Советско-чехословацкие отношения...», док. 54, стр. 102.

⁴⁷ Там же, док. 56, стр. 106.

⁴⁸ Текст проекта договора, одобренный Советским правительством, см. там же, док. 57, стр. 107—109.

⁴⁹ На этот случай предусматривалась немедленная консультация договаривающихся сторон в целях принятия всех необходимых мер (Там же, стр. 108).

⁵⁰ «Советско-чехословацкие отношения...», док. 57, стр. 109.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, док. 58, стр. 110.

⁵³ Там же, док. 64, стр. 119, 120.

⁵⁴ Там же, док. 65, стр. 121.

все вопросы, связанные с существом и формой договора, были теперь согласованы.

Оставалось преодолеть последнее препятствие: чехословацкое правительство по-прежнему не считало возможным подписать договор без согласия Великобритании. «Мы хотим иметь позитивное отношение и России и Запада к своим планам» — так формулировался принцип, которым стала определяться внешнеполитическая линия чехословацкого эмигрантского правительства после вступления в войну Советского Союза⁵⁵. Международный авторитет СССР настолько возрос, что без социалистической державы и, тем более, против нее, уже было нельзя решать вопросы, касающиеся Центральной Европы. Эмигрантские лидеры чехословацкой буржуазии понимали, что это — неприятный для нее, но непреложный факт международной действительности. И с ним приходилось считаться: «мы не можем, — должен был признать Г. Рипка, — ни поддерживать, ни принимать какую-либо комбинацию в Средней Европе, которая была бы прямо или косвенно направлена против России»⁵⁶. Вынужденные учитывать это, лидеры чехословацкой буржуазной эмиграции вместе с тем старались использовать поддержку Советского Союза для того, чтобы парализовать последствия двойственной политики Великобритании и добиться от нее признания домоюгославских границ Чехословакии. Но они действовали весьма осторожно: отношения с Англией нельзя было портить, ибо поддержка британского империализма была необходима в борьбе за сохранение капиталистического режима в послевоенной Чехословакии. Отсюда вытекало безоговорочное подчинение «вето Идена». 22 сентября 1943 г., отвечая на запрос в английском парламенте, министр иностранных дел Англии Иден публично признал, что поездка Бенеша в Москву для подписания договора с СССР отложена по рекомендации британского правительства⁵⁷. Заявление Идена о том, что по данному вопросу имеется общая договоренность с Советским правительством, было немедленно опровергнуто советским представителем И. М. Майским⁵⁸. Раскрытие этой двойной игры вызвало решительные протесты чехословацкой общественности против действий эмигрантского правительства Чехословакии. 24 сентября чехословацкое правительство вынуждено было сделать заявление о том, что оно будет неизменно продолжать политику, выраженную в его резолюции от 16 июля 1943 г. и подтвержденную резолюцией государственного совета ЧСР от 22 сентября 1943 г.⁵⁹ Однако, несмотря на эти заверения, чехословацкое правительство продолжало придерживаться мнения, что договор с СССР может быть подписан только при согласии на это британского правительства.

Решительность и настойчивость З. Фирлингера, добивавшегося быстрого подписания договора, заставили Бенеша высказаться с полной откровенностью по этому поводу: «... необходимо, — телеграфировал он 18 октября З. Фирлингеру в Москву, — чтобы Вы совершенно ясно знали, что, рискуя вызвать конфликт с Англией, я не могу ехать в Россию и не могу подписывать там договор. Невозможно, чтобы мы пошли на риск прямого и острого конфликта между Чехословакией и Англией, последствия которого были бы опасны»⁶⁰.

⁵⁵ См. Н. Ripka. Středoevropská problematika. AUD KSC, f. 38, j. 495.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ См. B. Laštovička. Ibid., p. 281.

⁵⁸ Z. Fierlinger. Ibid., p. 144.

⁵⁹ B. Laštovička. Ibid., p. 281, 282.

⁶⁰ «Советско-чехословацкие отношения...», док. 63, стр. 118.

Какой же выход из создавшегося положения видело чехословацкое правительство в Лондоне? Признав по существу, что чехословацкое правительство не решается осуществлять свои суверенные права, Бенеш обратился к Советскому правительству с настойчивой просьбой «нажать» на англичан и заставить их дать согласие на договор между СССР и ЧСР⁶¹. Советская сторона в принципе возражала против такой постановки вопроса: речь шла исключительно о взаимоотношениях между СССР и Чехословацкой республикой и советская держава, вполне естественно, не считала нужным испрашивать согласия Англии на подписание договора. Однако, учитывая настойчивые просьбы чехословацкой стороны, Советское правительство пошло ей навстречу и сделало соответствующий дипломатический шаг. Совершено это было с тем тактом, который не умалял национального достоинства и суверенитета Чехословацкой республики. На конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, происходившей в октябре 1943 г. в Москве, английский и американский представители были просто ознакомлены с полностью согласованным к тому времени проектом советско-чехословацкого договора⁶². На следующий день, 24 октября, советский представитель на заседании конференции сообщил, что приезд Бенеша задержался вследствие возражений против подписания договора со стороны британского правительства. Английскому министру не оставалось ничего другого, как заявить, что он не имеет возражений против поездки Бенеша в Москву для подписания договора⁶³. Это было документально зафиксировано в секретном протоколе конференции⁶⁴.

11 декабря 1943 г. президент Чехословацкой республики прибыл в Москву, и на следующий день здесь был подписан договор. Через несколько дней он был ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР и Президентом Чехословацкой республики⁶⁵. Быстрая ратификация договора имела также свое значение. Чехословацким буржуазным кругам пришлось расстаться с надеждой сохранить оговорку, которая могла бы послужить юридической основой для отказа от ратификации договора, если в послевоенной обстановке создадутся для этого благоприятные условия. Единодушное требование чехословацкого народа и его подлинных представителей, в первую очередь очередь коммунистов, заставили буржуазную эмиграцию отказаться от этой уловки.

Советско-чехословацкий договор являлся выражением искреннего стремления братских народов к тесной дружбе и сотрудничеству. Воля народных масс определила текст договора, глубокое содержание каждой его статьи.

Договор торжественно провозглашал, что Советский Союз и Чехословакия согласились взаимно объединиться в политике постоянной дружбы, дружественного сотрудничества и взаимной помощи в военное и мирное время.

Естественно, что в условиях военного времени на первый план в договоре были выдвинуты задачи совместной борьбы против общего врага. Торжественной присягой в союзнической верности звучали слова статьи 2-й договора о том, что обе стороны обязуются не вести переговоров и не заключать без взаимного согласия какого-либо перемирия или мирного дого-

⁶¹ Там же, док. 65, стр. 122.

⁶² Договор, как сообщал Корнейчук Фирлингеру, был передан британскому и американскому правительствам «для их сведения» (Там же, док. 67, стр. 124).

⁶³ Там же, док. 67, стр. 124.

⁶⁴ Там же, док. 69, стр. 128.

⁶⁵ Обмен ратификационными грамотами был произведен 22 декабря 1943 г. в г. Москве («Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», стр. 437).

вора с Германией или с каким-либо иным государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе⁶⁶.

Это положение договора имело двойное значение. Во-первых, оно обеспечивало единство действий против общего врага и тем служило укреплению антигитлеровской коалиции. Во-вторых, оно гарантировало, что при послевоенном урегулировании будут выполнены справедливые требования Чехословацкой республики, в том числе требование о полной ликвидации всех последствий Мюнхена.

Договор не ограничивался только задачами сотрудничества в войне против гитлеровской Германии. Он предусматривал меры по закреплению победы над фашизмом и обеспечению безопасности Советского Союза и Чехословакии в будущем, в послевоенной Европе. Поэтому оба договаривающихся государства ставили перед собой общую задачу впредь бороться за предотвращение новой агрессии германского империализма. Чехословакия и Советский Союз брали обязательство оказывать друг другу всестороннюю военную и другую поддержку и помощь в случае, если в послевоенный период одна из договаривающихся сторон оказалась бы вовлеченной в военные действия с германским агрессором. Помощь эта должна оказываться безусловно и немедленно⁶⁷.

Оговорка, имевшаяся на этот счет в прежнем договоре 1935 г., была исключена. В этой оговорке была отражена вся суть внешней политики Чехословацкой буржуазной республики, придававшей отношениям с Советским Союзом второстепенное значение, ставившей их в полное подчинение империалистической политике западноевропейских держав.

Советский Союз и Чехословакия заявили о своем решении в послевоенное время осуществлять тесное и дружественное сотрудничество.

Политическое звучание договора усиливалось тем, что были установлены длительные сроки его действия. Бенеш вначале намеревался ограничить срок пятью годами. Однако первоначальный период был определен в 20 лет и была предусмотрена возможность дальнейшего продления на последующие пятилетия.

Советско-чехословацкий договор покопчил с планами вовлечения Чехословакии в реакционные конфедерации и способствовал восстановлению и дальнейшему развитию Чехословацкой республики как демократического, суверенного государства, огражденного от какого-либо вмешательства во внутренние дела со стороны англо-американской или иной внешней реакции.

Этим создавались внешнеполитические условия, при которых чехословацкий народ впервые получил возможность свободно, без давления извне, устраивать свои дела в освобожденной отчизне.

Подписание советско-чехословацкого договора было завершением многолетней борьбы между рабочим классом и буржуазией Чехословакии по кардинальному вопросу жизненно важного значения — какая внешнеполитическая ориентация способна обеспечить национальное существование чехов и словаков? Договор 1943 г. означал победу внешнеполитической концепции тесной, искренней и нерушимой дружбы Чехословакии с Советским Союзом.

Такое решение было подсказано всем историческим прошлым Чехословакии. Опыт чешского и словацкого народов убедительно показал, что их социальные интересы требуют объединения их усилий с усилиями других народов Европы, безопасности которых угрожают захватнические устремления германского милитаризма. Правящие круги Чехословацкой буржу-

⁶⁶ «Советско-чехословацкие отношения..», док. 73, стр. 132, 133.

⁶⁷ Там же.

азной республики, заботясь больше всего о своих классовых интересах, в период между двумя мировыми войнами пытались обеспечить внешнюю безопасность страны при помощи сложной системы союзов, ориентированных главным образом на Запад.

Мюнхенская катастрофа нанесла сокрушительный удар внешнеполитическим концепциям чехословацкой буржуазии. Тяжелые испытания, выпавшие на долю трудящихся Чехословакии, выковали у них убеждение в правильности пути, указанного Коммунистической партией Чехословакии.

Создавая уверенность в возрождении независимой Чехословацкой республики, договор о взаимной помощи звучал как призыв к усилению борьбы против фашистских поработителей. Он показывал путь к новому, счастливому будущему не только чехословацким патриотам, но и остальным народам поработенной Европы.

Это был действительно договор о братской дружбе и подлинном сотрудничестве, дипломатический документ нового типа и большого исторического значения.

В. К. ВОЛКОВ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЮГОСЛАВИИ в 1935—1936 гг.

В последнее время заметно возрос интерес к изучению внешней политики Югославии в 30-е годы. Эти проблемы рассматривались в книге реакционного американского историка Дж. Гоптнера «Кризис Югославии. 1934—1941»¹, вышедшей в 1962 г. в Нью-Йорке. Острую дискуссию на конференциях югославских и западногерманских историков в 1959 г. в Брауншвейге и в 1961 г. в Дубровнике вызвал доклад немецкого историка д-ра К. Д. Мейсса о германо-югославских отношениях в период между двумя мировыми войнами, который был подвергнут критике как односторонний и искажающий картину германо-югославских отношений того времени². Ряд интересных фактов вводят в научный оборот работы югославского ученого Ж. Аврамовского³ и болгарского исследователя П. Арсова⁴.

Чем объяснить такой интерес к изучению внешней политики Югославии в 30-х годах?

Как показала история, изменение общего направления внешней политики Югославии оказало существенное влияние на расстановку сил на Балканах перед второй мировой войной. Оно положило начало распаду Малой Антанты и ускорило крах версальской системы на Балканах. По своим последствиям оно вышло далеко за рамки одной страны. Проследить происшедшие изменения во внешней политике Югославии и вскрыть их причины — такова задача статьи.

* * *

Начавшаяся после прихода Гитлера к власти экспансия германского империализма на Юго-Востоке Европы была направлена против преобладающего влияния Франции в этом районе. Она самым непосредственным образом затрагивала интересы Югославии, которая по ряду причин оказалась слабым звеном во французской системе союзов. Организованное гитлеровцами покушение на югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Л. Барту имело целью усилить колебания во внешней политике Югославии, ускорить ее отход от Франции и разложить Малую Антанту⁵.

¹ Рецензию на книгу Дж. Гоптнера см. В. К. Волков. «Новая и новейшая история», 1963, № 3, стр. 144—146.

² «Jugoslovenski istorijski časopis», 1962, № 1, s. 151—153.

³ Z. Avramovski. Sukob interesa Velike Britanije i Nemačke na Balkanu uoči drugog svetskog rata.— «Istorija XX veka». Zbornik radova, t. II. Beograd, 1961.

⁴ П. Арсов. Българо-югославският пакт от 1937 г.— балкански Мюнхен.— «Трудове на Висшия икономически институт «Карл Маркс». София, 1961, кн. 1.

⁵ Подробнее об этом см. В. К. Волков. Германо-югославские отношения в 1933—1938 гг. и развал Малой Антанты.— «Славяно-германские исследования». Сб. статей под ред. В. Д. Королюка и др. М., 1963, стр. 130—207.

Ввиду малолетия наследника престола королевская власть перешла в руки регентского совета во главе с принцем Павлом. Убийство короля Александра совпало по времени с назреванием кризиса монархо-фашистского режима в Югославии. Попытки правительства Б. Ефтича, пришедшего к власти в конце 1934 г., продолжать прежнюю политику не увенчались успехом. Развернувшаяся в 1935—1936 гг. борьба классов и партий в Югославии, стачечная борьба пролетариата, руководимого КПЮ, подъем крестьянского и национально-освободительного движения грозили опрокинуть антинародный режим. Результаты прошедших 5 мая 1935 г. выборов в скупщину свидетельствовали о фактическом поражении правительства. Напряженность политической обстановки привела к расколу в правящих кругах Югославии. В результате закулисных интриг летом 1935 г. к власти пришло правительство М. Стоядиновича.

Внутриполитические события в Югославии привлекли к себе пристальное внимание ее союзников и великих держав. Как Франция, так и Германия и Англия стремились оказать влияние на исход политической борьбы в Югославии, которая все больше превращалась в объект соперничества между великими державами и важный узел империалистических противоречий на Балканах.

В начале июня 1935 г. в Белград прибыл Г. Геринг. Его визиту, приуроченному к моменту резкого обострения политической обстановки после прошедших в начале мая выборов в скупщину, предшествовала основательная дипломатическая подготовка. Югославский посол в Берлине Ж. Балугджич сообщал в МИД, что Геринг во время визита в Белград делает по поручению фюрера «конкретные политические предложения»⁶.

Документов о переговорах Геринга в Белграде до сих пор не обнаружено. Однако ряд косвенных данных говорит о том, что он приложил немало усилий, чтобы повысить заинтересованность Югославии в сотрудничестве с Германией⁷.

Не бездействовала и английская дипломатия. В своих мемуарах английский посол в Белграде Н. Гендерсон с гордостью писал о своем политическом влиянии в Югославии. Позиции Гендерсона как посла были, по его словам, «уникальными», особенно благодаря близким и давним отношениям с принцем-регентом Павлом. Он умалчивает о конкретных шагах, предпринятых им в этот переломный момент для внутренней политики Югославии. Однако у нас нет оснований ставить под сомнение заявление Гендерсона о том, что Стоядинович обязан ему «в большой мере успехом своей политической карьеры»⁸. Это признание несколько не теряет своей ценности от того, что в дальнейшем Стоядинович не оправдал надежд, возлагавшихся на него английской дипломатией. В данном случае оно важно для нас как свидетельство активного участия английского посла во внутриполитической борьбе в Югославии и содействия ее определенному исходу.

Само собой разумеется, внешняя политика Югославии, несмотря на ее зависимость от великих держав, диктовалась классовыми интересами югославской буржуазии.

Пришедшее к власти в конце июня 1935 г. новое правительство оказалось в трудном положении. В задачи данной статьи не входит рассмотрение вопросов внутренней политики М. Стоядиновича, что является большой самостоятельной темой. Отметим только, что рядом маневров, обеща-

⁶ Историко-дипломатический архив (ИДА). Микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 44, негатив 7, позитив 3, кадры 16—18 (Письмо немецкого посланника в Белграде фон Герена Нейрату от 18 мая 1935 г.).

⁷ Там же.

⁸ N. Henderson. *Water under the bridges*. London, 1945, p. 172.

нием политических реформ, посулами улучшить положение трудящихся и безудержной демагогией ему удалось на определенный срок задержать развитие внутривластного кризиса и укрепить свое положение. Обстоятельства его прихода к власти и особенности внутреннего положения страны в 1935—1936 гг. необходимо иметь в виду для более правильного понимания внешней политики правительства М. Стоядиновича. Напряженность классовых противоречий, угрожавших самому существованию антинародного режима, повышала заинтересованность югославских правящих кругов в сотрудничестве с реакционными и фашистскими государствами.

Политическая борьба и смена лиц в этих кругах оказали непосредственное воздействие на внешнюю политику страны. Правда, в первое время оно не проявлялось в каких-либо бросающихся в глаза фактах, и с внешней стороны югославская внешняя политика сохраняла прежнее направление. Однако подспудно в ней происходили серьезные изменения. «В настоящее время, — писал немецкий посол в Белграде весной 1935 г., — развитие событий идет в направлении превращения влияния принца-регента в области внешней политики в решающее»⁹. Он отмечал также, что ни сам принц-регент, ни его ближайшие советники — М. Стоядинович и (в то время) П. Живкович — не являются противниками политической ориентации на Германию. Однако все трое считали, что момент для поворота югославской внешней политики еще не наступил. «Они сделают все, чтобы вывести Югославию из антинемецких комбинаций, но они будут твердо держаться за существующие оборонительные союзы, пока в Европе идет борьба за ревизию мирных договоров», — подытоживал немецкий посол свои наблюдения¹⁰. С точки зрения перспектив дальнейшего развития немецко-югославских отношений эти наблюдения были правильными. Но они не отражали полной картины происходивших изменений. Наиболее же важной для того времени стороной этих перемен было значительное усиление английского влияния.

В середине 30-х годов экономические позиции Англии в Югославии значительно усилились, а по размеру капиталовложений она вскоре заняла первое место в югославской экономике¹¹. За сотрудничество с Англией и ориентацию на нее в области внешней политики выступали влиятельные капиталистические круги Югославии. Приход к власти принца-регента Павла значительно усилил политические течения, ориентированные на Англию. В его лице они получили твердую опору в высших правительственных сферах.

Начавшееся немецкое экономическое проникновение в Югославию не могло не иметь политических последствий. Оно обусловило заинтересованность определенных слоев югославской буржуазии, особенно связанных с экспортом сырья и сельскохозяйственных продуктов, в дальнейшем укреплении экономических и политических связей с Германией. Эти течения были представлены премьер-министром М. Стоядиновичем и частью правящего Югославского радикального союза, а также такими открыто фашистскими течениями, как лётичевский «Збор» и т. п.

Позиции, занятые различными группами югославской буржуазии, находились в коренном противоречии с интересами широких народных масс, требовавших установления дипломатических отношений с Советским Союзом и заключения с ним договора о дружбе. Под влиянием КПЮ среди

⁹ ИДА. Микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 44, негатив 7, избитив 3, кадры 16—18 (Письмо фон Герена Нейрату от 18 мая 1935 г.).

¹⁰ Там же.

¹¹ S. Dimitrijević. Strani kapital u privredi bivše Jugoslavije. Beograd, «Nolit», 1958.

трудящихся в то время получили значительное распространение идеи коллективной безопасности против угрозы агрессии со стороны фашистских государств.

Наличие в стране разных политических течений в правящих кругах, интересы которых находились в резком противоречии с интересами народных масс, обусловило неустойчивость внешней политики Югославии.

* * *

Вопросы внешней политики были обсуждены новым правительством на заседании Совета министров Югославии 17 июля 1935 г. Одним из основных вопросов, рассматривавшихся на этом заседании, был вопрос об отношениях с Италией. В противоположность правительству Б. Ефтича, пошедшего на урегулирование отношений с Италией, новое правительство решило не идти на смягчение отношений с ней. Оно приняло также решение не оказывать никакой поддержки итальянским авантюрам в Эфиопии¹². Такая позиция противоречила усилиям французской дипломатии добиться итало-югославского урегулирования. Более того, она была своеобразным ответом на визит генерала Гамелена в Рим в июне 1935 г., который вызвал в правящих кругах Югославии подозрения относительно характера французских уступок Италии в обмен на ее согласие защищать Австрию от германских стремлений к аншлюссу. Не зная о французском согласии на итальянские захваты в Африке, югославские правители опасались, как бы сделка двух держав не произошла за счет Югославии. Поэтому они отклонили некоторые примирительные предложения, сделанные Италией в это время.

Заседание Совета министров Югославии 17 июля 1935 г. вновь подтвердило ее приверженность Малой Антанте, Балканскому пакту и союзу с Францией. Эти основы внешней политики страны остались незатронутыми. Однако в принятом решении впервые прозвучала нота, которая стала потом лейтмотивом ее внешней политики. Совет министров выдвинул тезис, что Югославия и ее союзники должны «ориентироваться в своей внешней политике на внешнюю политику Англии в Европе»¹³ (разрядка моя.— В. В.). Хотя сама внешняя политика Англии в тот период испытывала значительные колебания и подвергалась пересмотру в зависимости от соотношения политических сил внутри страны, решение югославского правительства было симптоматичным.

Основным проводником английского влияния на внешнюю политику Югославии был принц-регент Павел. Попытки некоторых югославских буржуазных эмигрантов поставить впоследствии под сомнение его проанглийскую ориентацию носили довольно откровенный характер конкурентной борьбы за английскую поддержку¹⁴. Ряд обнаруженных документов подтверждает также, что он был связан с английскими правящими кругами, особенно с теми течениями, которые были инициаторами и активными проводниками политики, получившей впоследствии название мюнхенской¹⁵.

¹² J. V. Hoptner. Yugoslavia in crisis. 1934—1941. New York, 1962, p. 34.

¹³ Ibid.

¹⁴ Примером подобной борьбы может служить характеристика принца Павла, данная ему видным югославским буржуазным политиком, одним из лидеров Демократической партии М. Гролом. R. D. Hogg. Yugoslavia. London, 1942. Preface by M. Grol, p. XII—XIV.

¹⁵ Принц-регент Павел, сын Арсения Карагеоргиевича и Авроры Павловны Демидовой, родился в 1893 г. в Петербурге. Образование получил в Англии, в Оксфордском университете. Университетские связи и знакомства Павла сыграли впослед-

Имеющиеся документы позволяют по-новому подойти к оценке политической роли югославского правительства в международных отношениях того времени. Они, в частности, дают основание считать, что Белград являлся тогда одним из центров, где зарождавшаяся в реакционных кругах Запада политика, рассчитанная на сотрудничество с гитлеровской Германией на антисоветской основе, встречала одобрительный прием. Правящие круги Югославии играли активную роль в установлении связей английских мюнхенцев с фашистской Германией. Ведущую роль в этом отношении играл принц-регент Павел, который в то время выступал как бы своего рода посредником между английским королем Эдуардом VIII и гитлеровской Германией. Первостепенное значение для раскрытия этой стороны югославской внешней политики имеет запись беседы принца-регента Павла с немецким послом в Белграде Гереном, состоявшейся 27 февраля 1936 г. Сообщенные Павлом факты и сведения настолько поразили воображение посла, что он побоялся сообщить о них в Берлин обычной дипломатической почтой. Учитывая сугубо доверительный характер беседы, он довел ее содержание до сведения министра иностранных дел фон Нейрата в форме личного письма к нему, чтобы лучше сохранить тайну¹⁶.

Основная тема беседы касалась визита принца-регента Павла в Лондон в начале 1936 г. на коронационные торжества и его наблюдений над политической жизнью Англии. Он постарался рассеять опасения германской дипломатии относительно появившихся слухов о возможности сближения Англии с СССР. Свои сведения он черпал из первых рук, так как имел по этому вопросу подробные беседы с Иденом. «Совершенно ошибочно считать, что Иден в душе настроен русофильски», — подчеркивал принц-регент. Из своей поездки в Москву Иден вынес плохие впечатления, однако, как отмечал Павел, он не видит коммунистической опасности в ее настоящем значении и «в известной мере склонен считаться с нынешней Россией, если не как с моральным, то как с реальным фактором мира»¹⁷. Гораздо более опасным человеком, предупреждал Павел, является в этом отношении Вапситарт. Но несмотря ни на какое анти-немецкое («еврейское», как выразился Павел) влияние в английской политике, «Германия имеет в Англии одного большого друга. Это король Эдуард VIII. Он знает короля с юных лет и поэтому имел возможность вести с ним совершенно интимные разговоры. При этом он к своей радости мог установить, что король и ныне все еще питает очень сильные симпатии к Германии, которые, безусловно, когда-нибудь проявятся. Вначале, по-видимому, король должен быть чрезвычайно осторожным и направить все свое внимание на то, чтобы обеспечить себе такое положение, которое дало бы ему возможность оказывать влияние на английскую внешнюю политику»¹⁸. В этой записи, по-протокольному короткой и сухой, содержалась целая программа действий. Не удивительно, что германская дипломатия проявила огромный интерес к этому сообщению.

Не исключено, что заявления принца-регента Павла были согласованы с английским королем, а возможно, и с другими руководителями внешней

вии политическую роль. Достаточно сказать, что среди его знакомых был, например, А. Иден. Женитьбой на принцессе греческого королевского дома Павел установил родственные отношения с представителями дома Романовых и с английской королевской фамилией. Эти связи оказывали огромное влияние на его позицию в важнейших вопросах внутренней и внешней политики Югославии.

¹⁶ ИДА. Микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 44, негатив 7, позитив 3, кадры 11—14 (Письмо фон Герена Нейрату от 28 февраля 1936 г.).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

политики Англии. Доказательством такого предположения может, по нашему мнению, служить другой вопрос, поднятый Павлом в беседе с Гереном, — о нежелательности смены немецкого посла в Лондоне фон Геша, о чем в Англии ходили слухи. У него «необычайно хорошее положение в английских политических кругах» и дружеские отношения с королем, — говорил Павел о фон Геше, — и смена посла нанесла бы ущерб немецким интересам¹⁹.

Обсуждение столь деликатного вопроса по меньшей мере свидетельствовало о желании югославских правящих верхов способствовать улучшению отношений между Германией и Англией и их готовности выполнять посреднические функции в этом деле.

Тема англо-германского сближения постоянно присутствовала в беседах принца-регента Павла с немецкими государственными деятелями. Это была его «излюбленная идея», — как отметил Нейрат после встречи с ним в Белпраде летом 1937 г., т. е. примерно полтора года спустя²⁰. Все это дает основания сделать вывод о том, что монархо-фашистские правители Югославии принимали посильное участие в формировании мюнхенской политики.

Отличительной чертой внешней политики Югославии в этот период была ее антисоветская направленность. Никогда еще за весь межвоенный период югославская политика не принимала такой яркой антисоветской окраски, как в середине 30-х годов, под руководством принца-регента Павла и премьер-министра М. Стоядиновича. Ненависть к коммунизму у обоих принимала поистине патологические формы, и они стремились передать ее государственным деятелям других стран. В рассматриваемый нами период югославские правители, вдохновляемые идеями антикоммунизма, противопоставили свои действия усилиям советской дипломатии создать систему коллективной безопасности в Европе.

После заключения советско-французского договора и связанного с ним чехословацко-советского пакта в мае 1935 г. создались благоприятные условия для вовлечения стран Малой Антанты в систему коллективной безопасности и для установления дружественных отношений между ними и Советским Союзом. Советская дипломатия прилагала значительные усилия для достижения этой цели. Одним из действенных шагов в этом направлении должно было послужить заключение советско-румынского договора, аналогичного по содержанию советско-чехословацкому договору о дружбе и взаимной помощи. Переговоры о заключении договора велись между Советским Союзом и Румынией во второй половине 1935 г. Они проходили в обстановке дипломатических интриг со стороны фашистских держав, препятствовавших достижению соглашения. Документы свидетельствуют об активном участии Югославии в их интригах. Больше того, и принц-регент Павел, и М. Стоядинович были склонны преувеличивать свое влияние и считали, что именно они сыграли главную роль в срыве «в последний момент» заключения советско-румынского договора. Оба они не скрывали ни своего участия в этом деле, ни тех методов, которыми они пользовались. В беседе с немецким послом Гереном 6 декабря 1935 г. принц Павел, недавно вернувшийся из Румынии, заявил без обиняков, что, по его мнению, «...на этот раз он открыл глаза королю Каролю на коммунистическую опасность»²¹. Павлу вторил Стоядинович, давав-

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, д. 62, негатив 9, позитив 7, кадры 147—149 (Запись Нейрата о беседе с принцем Павлом 8 июня 1937 г. RM-423).

²¹ Там же, ф. 150, д. 44, негатив 7, позитив 3, кадр 15 (Письмо фон Герена Нейрату от 6 декабря 1935 г.).

ший ясно понять, что здесь не обошлось без его участия. По его словам, «в русском вопросе король Кароль, а с недавнего времени Татареску все больше приближаются к югославской точке зрения»²².

И принц Павел и Стоядинович резко возражали против внешнеполитической линии румынского министра иностранных дел Титулеску, выступавшего за сближение Малой Антанты с Советским Союзом. Проводившуюся им политику они считали «опасной». «Приходится вновь ставить себе вопрос,— говорил принц Павел в беседе с Гереном 27 февраля 1936 г.,— не следует ли смотреть на Титулеску как на агента Литвинова»²³. Белградские правители питали к Титулеску также и личную неприязнь, считая его организатором кампании во французской и английской прессе против Югославии. Эта кампания — «настоящий поход», как назвал ее принц Павел,— представляла Югославию политически и экономически зависимой от Германии и ставила под сомнение ее союзническую верность. В Белграде на нее смотрели как на «подрывную деятельность» Титулеску²⁴. Политическая борьба, развернувшаяся в рамках Малой Антанты, подрывала единство ее рядов и ослабляла эту политическую группировку.

Антисоветская направленность внешней политики Югославии была основой ее сближения с фашистской Германией, в которой ее правящие круги видели своего естественного союзника в этом вопросе. Как говорил принц Павел немецкому послу, Советский Союз представляет собой величайшую европейскую опасность, для отражения которой Европа должна сплотиться. «С этой точки зрения,— писал о его воззрениях фон Герен,— он считает политику фюрера и рейхсканцлера в ее воздействии на Европу имеющей решающее значение, а немецкую политику в отношении Польши — просто гениальной»²⁵.

Важной точкой соприкосновения интересов Югославии с фашистской Германией был страх правящих кругов страны перед перспективой реставрации Габсбургов в Австрии. Не полагаясь на Малую Антанту, югославское правительство попыталось достичь более определенной договоренности с Германией по этому вопросу. В августе 1935 г. югославская дипломатия предприняла даже зондаж через немецкого посла в Австрии Папена. Югославское правительство интересовалось его мнением, нельзя ли «для этого особого случая» (реставрация Габсбургов) заключить секретное соглашение с немецким правительством²⁶. Гитлеровская дипломатия заняла уклончивую позицию по отношению к югославскому предложению. При этом она ссылалась на изменившееся положение в Европе, которое не позволяло Германии заключать пакты, могущие привести к образованию неблагоприятных для нее военных группировок. За этими словами скрывалось нежелание Германии идти на обострение отношений с Италией, в которой она видела своего потенциального союзника. В то же время Папен отмечал, что югославское предложение, хотя оно и касается частного случая, кажется ему в высшей степени многозначительным. Даже простое установление контактов по военной линии еще больше укрепило бы, по мнению Папена, существующие дружеские отношения между Германией и Югославией и ослабило бы связи Югославии со

²² ИДА. Микрофильмы документов из архива Нейрата, ф. 150, д. 44, негатив 7, позитив 3, кадр 15 (Письмо фон Герена Нейрату от 6 декабря 1935 г.).

²³ Там же, кадры 11—14 (Письмо фон Герена Нейрату от 28 февраля 1936 г.).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ «Der Hochverratsprozess gegen dr. Guido Schmidt vor dem Wiener Volksgericht». Wien, 1947, S. 394 (Письмо Папена Гитлеру от 21 августа 1935 г.).

странами Малой Антанты²⁷. Для Германии развитие событий в этом направлении было крайне выгодно.

Изменения во внешней политике Югославии вначале оставались в глубокой тайне. Однако постепенно они становились все более явными и стали довольно ощутимо проявляться в период итало-эфиопской войны.

Между тем события подвергали внешнюю политику Югославии все новым испытаниям. 7 марта 1936 г. Германия открыто нарушила Локарнский договор и оккупировала Рейнскую область. Протесты Франции, государств Малой Антанты и других стран остались без последствий. Обсуждение действий Германии в Лиге Наций превратилось в фарс. Престижу Франции был нанесен сильный удар. Обсуждение возможных мер, которые могли быть приняты против Германии, вскрыло новые противоречия среди стран Малой Антанты. Югославия решительно высказалась против французского предложения об экономических санкциях. М. Стоядинович оправдывал позицию югославского правительства, ссылаясь на сокращение торговли с Италией в результате санкций Лиги Наций и указывая на то значение, которое приобрел немецкий рынок для Югославии. В создавшихся условиях экономические санкции против Германии, заявлял он, нанесли бы Югославии удар, который был бы для нее экономически смертоносным²⁸. Экономическая экспансия Германии на Балканах начала приносить политические плоды.

Агрессивные действия Германии осложняли политическую обстановку в Юго-Восточной Европе и усиливали в реакционных кругах Австрии, Болгарии и Венгрии требования ревизии мирных договоров. 2 апреля 1936 г. Австрия в нарушение условий Сен-Жерменского договора объявила о введении в стране всеобщей воинской повинности. Югославские правящие круги увидели в возрождении австрийской армии прелюдию к реставрации Габсбургов под эгидой Италии и заняли резко отрицательную позицию. По настоянию Югославии, поддержанной Румынией, страны Малой Антанты 6 апреля 1936 г. заявили решительный протест австрийскому правительству по поводу нарушения Сен-Жерменского мирного договора. Однако дальше слов дело не пошло. Заявление Малой Антанты, сделанное ею год назад, в марте 1935 г., в связи с введением всеобщей воинской повинности в Германии, в котором страны Юго-Восточной Европы предостерегались от подражания немецкому примеру, оказалось пустым звуком. Австрийское правительство, заручившись поддержкой ряда государств, в том числе и Франции²⁹, фактически отвергло протест Малой Антанты. В день его получения оно опубликовало заявление, в котором говорилось о намерении не принимать во внимание совместный протест стран Малой Антанты³⁰.

Демонстративные действия австрийского правительства вызвали раздражение в правящих кругах Югославии. Они особенно опасались возможного влияния австрийского примера на Венгрию. В беседе с австрийским посланником в Белграде 2 апреля 1936 г. помощник югославского министра иностранных дел Мартинац угрожающе говорил, что в случае подобных действий со стороны Венгрии Югославия примет ответные меры. Он дал понять, что эти меры будут заключаться в расторжении договоров и отразятся на положении национальных меньшинств, к чему Венгрия проявляла большую чувствительность. Австрийский посланник

²⁷ Ibid.

²⁸ Z. Avramovski, Ibid., p. 18

²⁹ Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР (ОРФ ИИАН), ф. «Ж», д. 40, лл. 99—101 (Запись беседы австрийского посланника в Белграде Шмида с помощником министра иностранных дел Югославии Мартинацем 2 апреля 1936 г.).

³⁰ «Documents on International Affairs, 1936». London, 1937, p. 316.

последшил довести эту часть беседы до сведения своего венгерского коллеги³¹.

Югославская дипломатия была склонна видеть в австрийских действиях проявление итальянского влияния, что вызывало у нее беспокойство. Эту тему подробно развивал перед австрийским посланником в конце апреля 1936 г. начальник политического отдела Министерства иностранных дел Югославии Андрич. Он резко подчеркивал различие между фактическим и принципиальным значением австрийского шага для Югославии. Последняя, — говорил он, — конечно, не видит для себя угрозы во введении Австрией всеобщей воинской повинности и понимает значение этого шага. Однако дело заключается в другом, — продолжал высказывать свои мысли И. Андрич, — Австрия находится в «орбите» Италии. Австрийский шаг последовал сразу же после встречи представителей стран Римских протоколов. В агрессивные намерения самой Австрии никто не верит. Но разве не может Австрия против своей воли стать орудием агрессивных намерений Италии? В этом заключается суть дела, и поэтому Югославия резко реагировала на австрийский шаг, хотя и понимала его смысл. Кроме того, — отмечал И. Андрич, — выбранная для этого Австрией форма несколько не облегчает положения дел. Если Австрия не ответила на протест Малой Антанты, зачем надо было официально и демонстративно разглашать об этом повсюду? Это было сделано ради дешевого эффекта ущемить престиж Малой Антанты. «Это язык сеньора Муссолини», — подводит итог своим рассуждениям И. Андрич³².

Намерение Югославии передать вопрос о нарушении Австрией Сен-Жерменского договора в Лигу Наций не было поддержано ее союзниками по Малой Антанте и осталось без последствий. Впрочем, само югославское правительство не питало иллюзий в отношении возможных результатов таких действий.

С весны 1936 г. под влиянием непрерывно возраставших противоречий среди своих членов Малая Антанта вступила в период разложения. Было совершенно очевидно, что «единство» ее политической ориентации все больше становилось лишь пропагандистским лозунгом, за которым на деле стояли различные интересы. Каждая из входивших в Малую Антанту стран хотела видеть в ней свою опору. Для Чехословакии в это время это была в первую очередь защита от угрозы со стороны Германии, а для Югославии — со стороны Италии. Их подход к отношениям с Советским Союзом был различным. Чехословацко-югославские противоречия в вопросе о политической линии Малой Антанты были определяющими для дальнейшей судьбы этого блока. И к лету 1936 г. они подошли к такому пункту, за которым пути обеих стран расходились. Особенно остро эти противоречия проявились в борьбе за третьего члена Малой Антанты — Румынию, за влияние на ее внешнюю политику.

В самой Румынии в этот период шла острая борьба по вопросам внешней политики. В политической жизни страны в начале 30-х годов возникло течение, стремившееся к укреплению Малой Антанты и выступавшее за тесный союз с Францией и сближение с Советским Союзом. Во главе этого течения стоял Н. Титулеску, против которого уже давно вели интриги гитлеровцы³³.

³¹ ОРФ ИИАН, ф. «Ж», д. 40, лл. 99—101 (Документы австрийской миссии в Белграде).

³² ОРФ ИИАН, ф. «Ж», д. 40, лл. 115—116 (Запись беседы австрийского посланника в Белграде Шмида с И. Андричем 30 апреля 1936 г.).

³³ «Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934—1935 und 1939—1940». Göttingen, 1956, S. 52—56.

От позиции Румынии в тот период зависело развитие дальнейших событий на Балканах. Поэтому усилия внутренней и международной реакции были направлены на то, чтобы сорвать достижение договора между Советским Союзом и Румынией. В качестве непосредственных исполнителей планов фашистских держав и международной реакции активную роль сыграли Польша³⁴ и Югославия. Показательно, что обе эти страны, имевшие союзные отношения с Румынией и проводившие яркую антисоветскую политику, объединили свои усилия в деле срыва советско-румынского договора.

Сильный нажим был оказан на Румынию со стороны Югославии. Незадолго до Бухарестской встречи глав государств Малой Антанты в Белграде стало известно, что румынское правительство намерено приурочить к ней достижение соглашения с Советским Союзом³⁵. В правящих кругах Югославии это вызвало резкие возражения. Принц Павел по договоренности с М. Стоядиновичем заявил, что Югославия в таком случае окажется в стороне от Бухарестской встречи³⁶. Позиция Югославии была по сути дела прямой угрозой пойти на раскол Малой Антанты в случае подписания советско-румынского договора.

Испытывая на себе давление с разных сторон, Румыния пошла на уступки Югославии, Польше и тем, кто стоял за ними. Советско-румынские переговоры вновь были приостановлены. Накануне назначенного срока Бухарестского совещания, которое оказалось под угрозой, Титулеску неожиданно нанес визит в Белград. Состоявшиеся здесь переговоры увенчались компромиссным решением. Югославия дала ясно понять, что она не желает участия Советского Союза в делах Центральной Европы. Только при этом условии она согласилась на участие в Бухарестской встрече. Однако было решено, что Югославию в Бухаресте будет представлять только принц-регент Павел³⁷. Стоядинович, являвшийся также и министром иностранных дел, демонстративно отсутствовал.

Встреча глав государств Малой Антанты в Бухаресте состоялась 6—9 июня 1936 г. Естественно, что основным вопросом, обсуждавшимся на совещании, был вопрос о необходимости укрепления союза входивших в Малую Антанту стран. Чехословакия выдвинула на этом совещании проект пакта Малой Антанты, дававшего гарантию против агрессии с любой стороны. Чехословацкое предложение встретило возражение со стороны Югославии. Высказываясь против него, принц-регент Павел говорил, что в случае заключения пакта «мы восстановили бы против себя Германию»³⁸. Проект не был отвергнут на этом совещании, и было решено про-

³⁴ В конце мая 1936 г. в Белград прибыл польский министр иностранных дел Бек. Его визит вызвал некоторое удивление в дипломатических кругах, поскольку в отношениях Югославии с Польшей в тот период не было таких вопросов, которые требовали бы этого визита. Единственным объединявшим их звеном была антисоветская политика обеих стран. Судя по сообщениям прессы того времени, Беку удалось достичь взаимопонимания со Стоядиновичем по интересовавшим его вопросам. Последующие события дают возможность установить известное единство действий обеих стран в стремлении оказать давление на Румынию. В связи с румыно-советскими переговорами весной 1936 г. Польша через своего посланника в Бухаресте запросила румынское правительство, признает ли оно договор о дружбе с Польшей, а также соглашение генеральных штабов обеих стран. ОРФ ИИАН, ф. «Ж», д. 10, лл. 248—252 (Документы австрийской миссии в Риме).

³⁵ По сообщениям прессы, сразу же вслед за Бухарестским совещанием Малой Антанты должен был последовать визит Титулеску в Москву, который откладывался уже несколько раз.

³⁶ ОРФ ИИАН, ф. «Ж», д. 10, л. 248 (Информационный циркуляр австрийского МИДа от 4 июня 1936 г. о предстоящей в Бухаресте встрече глав государств Малой Антанты).

³⁷ Там же.

³⁸ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939». М., 1959, стр. 414.

должить консультации между странами Малой Антанты, а также с Францией. Однако было ясно, что принятие его маловероятно. Совещание стран Малой Антанты «на высшем уровне» окончилось в итоге безрезультатно.

Бухарестское совещание явилось тем переломным моментом, с которого началось постепенное разложение Малой Антанты. Подготовка и проведение этого совещания показывали, что Югославия играла в тот период ведущую роль в ослаблении связей стран Малой Антанты и подрыве их союза. В основе отхода Югославии от Малой Антанты лежали многочисленные факторы, главными из которых были антисоветская направленность ее внешней политики и заинтересованность в сотрудничестве с Германией. Антисоветская позиция белградских правителей проявилась в это время с особой силой и была наиболее отличительной чертой их внешней политики. Она вызывала одобрение фашистских государств и всей европейской реакции. В этом отношении весьма показательна беседа М. Стоядиновича с австрийским посланником Шмидом, состоявшаяся 3 июля 1936 г., т. е. вскоре после Бухарестского совещания Малой Антанты. Коснувшись отношения Югославии к Советскому Союзу, Шмид заметил в беседе, что «большая часть Европы относится с искренней симпатией к отрицательной позиции Югославии по отношению к стремлениям Советской республики укрепиться в Центральной Европе при помощи Малой Антанты»³⁹. Стоядинович ответил, что он знает об этом, а также «верит, что европейский фронт против большевизма необходим и что он должен образоваться»⁴⁰. При этом Стоядинович как бы мимоходом упомянул, что составными частями такого фронта могут в будущем явиться Германия, Польша, Венгрия и Югославия⁴¹. Упоминание Югославии в таком сочетании было весьма многозначительным.

30 августа 1936 г. Титулеску был вынужден уйти в отставку. На пост министра иностранных дел Румынии был назначен В. Антонеску, являвшийся сторонником «нейтралистского» курса. Смысл происшедшей перемены не укрылся от современников и свидетелей событий. «Отставка Титулеску останется отмеченной в будущих исторических книгах как большой поворотный пункт», — писала в те дни Женевьева Табуи⁴². Ее политические последствия не заставили себя долго ждать. Уже в сентябре 1936 г. на сессии Постоянного Совета Малой Антанты в Братиславе, где обсуждался предложенный летом в Бухаресте проект пакта Малой Антанты, Чехословакия оказалась перед лицом общего фронта Югославии и Румынии. Наиболее заметно это отразилось на отношениях Малой Антанты с Советским Союзом. Все важные и принципиальные вопросы, подлежавшие рассмотрению на Братиславской сессии, были в основном разрешены на состоявшейся накануне встрече Стоядиновича и Антонеску с Бенешем в его летней резиденции Топольчанке. Румынская газета «Курентул» в номере от 15 сентября 1936 г. так подытожила результаты этого совещания: «Произошла неожиданная эволюция. Все политические проблемы, касающиеся взаимоотношений Малой Антанты и Советской России, были просто напросто сняты с повестки дня конференции по соображениям политического оппортунизма, а равно и по тем соображениям, что в первую очередь необходимо произвести срочную работу по внутренней консолидации... Малой Антанты».

³⁹ ОРФ ИИАН, ф. «Ж», д. 40, лл. 2—3 (Запись беседы Шмида со Стоядиновичем 3 июля 1936 г.).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² «Europäische Stimmen», 15 November 1936, № 1, S. 3.

К концу 1936 г. в Малой Антанте накопились значительные центробежные силы. Ее политические связи были ослаблены. Внешняя политика Югославии и Румынии оказалась на перепутье и нарушала сложившуюся систему международных отношений на Балканах. Значительную роль в происшедших в Юго-Восточной Европе переменах сыграла Югославия. Антисоветская позиция ее внешней политики была тем исходным рубежом, с которого начался отход Югославии от союза с Францией и Чехословакией. В этот период Югославия выступила активной антисоветской силой в рамках Малой Антанты и открыла своей политикой широкие возможности для вмешательства гитлеровской Германии в дела балканских государств.

* * *

Антикоммунизм югославских правящих кругов сослужил плохую службу стране. Наибольшую угрозу для Югославии в тех условиях, которые сложились в Европе в середине 30-х годов, представляла агрессивная политика германского фашизма. Замыслы Гитлера прямо угрожали Югославии. Национальные интересы страны настоятельно требовали ее активного участия в создании системы коллективной безопасности в Европе и сотрудничества на этой основе с Советским Союзом. Для этого имелись благоприятные предпосылки. Союзники Югославии — Франция и Чехословакия — заключили в мае 1935 г. договоры о дружбе и взаимопомощи с Советским Союзом. Но Югославия не последовала их примеру. Как и прежде, она отказывалась даже установить дипломатические отношения с СССР. Больше того, именно в этот период она резко активизировала свою антисоветскую политику и встала на путь раскола Малой Антанты и отхода от Франции. Антисоветская политика Югославии послужила основой ее сближения с гитлеровской Германией и фашистской Италией. История показала, что антисоветская политика правящих кругов королевской Югославии в конце концов привела страну к катастрофе.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Р. И. АВАНЕСОВ

К ИТОГАМ РАБОТЫ НАД ОБЩЕСЛАВЯНСКИМ ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ АТЛАСОМ (1958—1964 гг.)

Уже более пяти лет ведется беспрецедентная в языкознании как по масштабам и количеству участников, так и по сложности задач коллективная работа над Общеславянским лингвистическим атласом (ОЛА). Достаточно сказать, что в этой работе принимают участие диалектологи Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии, Югославии, а также Австрии и Италии.

Работа над ОЛА была начата в связи с решениями IV Международного съезда славистов в Москве, принятыми по докладам Р. И. Аванесова и С. Б. Бернштейна (СССР) «Лингвистическая география и структура языка. О принципах Общеславянского лингвистического атласа» и З. Штибера (Польша) «О проекте общеславянского диалектологического атласа». Было признано, что создание ОЛА является одной из важнейших и насущных задач славянского языкознания. Съезд образовал инициативную группу из представителей заинтересованных стран, которая собралась на свое первое учредительное собрание сразу же по окончании съезда, 10 сентября 1958 г. На этом заседании был намечен план работы на ближайшие годы и распределены обязанности. Были созданы национальные центры, во главе которых стали крупнейшие слависты — чл.-корр. ЧСАН Я. Белич, акад. Б. Гавранек (Чехословакия), акад. В. Дорошевский, акад. З. Штибер (Польша), акад. М. Храсте, проф. Й. Вукович (Югославия), акад. Э. Петрович (Румыния), проф. С. Стойков (Болгария) и др. Такой центр был организован и в Советском Союзе. Активное участие в его работе принимают С. Б. Бернштейн, В. Г. Орлова (Москва), Н. В. Бирилло (Минск), Ф. Т. Жилко (Киев), И. А. Дзедзелевский (Ужгород) и др. В 1961 г. инициативная группа ОЛА была реорганизована в самостоятельную комиссию ОЛА при Международном комитете славистов, которой поручено было объединить работу национальных центров и осуществлять организационное руководство. Председателем комиссии был избран Р. И. Аванесов.

В 1958—1964 гг. в Польше, Чехословакии, ГДР, Румынии, СССР, Болгарии, Югославии состоялся ряд заседаний комиссии ОЛА, посвященный теоретическим, методическим и организационным вопросам ОЛА. В одних случаях это были пленарные заседания, в других — заседания бюро комиссии, в третьих — заседания рабочей группы. Каждое из этих заседаний знаменовало собой определенный шаг вперед в разработке ОЛА. В 1963—1964 гг. наиболее важными были заседания в Душниках

(Польша, март-апрель 1963 г.), где был составлен первый вариант Вопросника ОЛА, установлена сетка обследования пунктов и принят перспективный план работы над ОЛА, и в Сараеве (Югославия, май-июнь 1964 г.), где были утверждены к печати Вопросник и инструкция к нему, а также уточнена сетка пунктов по каждой стране. Состоялись также более частные международные встречи, посвященные разработке отдельных специальных проблем.

Перед комиссией стоял ряд весьма сложных теоретических, методических и научно-организационных задач. Прежде всего необходимо было четко сформулировать теоретическую проблематику ОЛА, его специфику сравнительно с национальными атласами. Можно прямо сказать, что проблематика ОЛА в настоящее время стала значительно яснее по сравнению с тем, как она была сформулирована в 1958 г. в докладе Р. И. Аванесова и С. Б. Бернштейна и в докладе З. Штибера. Позволим себе лишь краткое замечание о проблематике ОЛА.

Как известно, язык изменяется во времени и неодинаков на разных территориях. Лингвистическая география изучает одновременные разнотерриториальные языковые отличия, доступные непосредственному наблюдению. Эти отличия представляют как бы пространственную проекцию развития языка в течение длительного времени его истории на данной территории, отражающую в свою очередь весь пройденный народом исторический путь развития. Отсюда ясно, что лингвистическая география, которая картографирует соотносительные языковые особенности, неодинаковые на разных территориях, имеет важное значение для решения целого комплекса исторических проблем — истории данного языка, происхождения близко родственных языков, истории народа, экономические и политические объединения, развития материальной и духовной культуры, связей с соседними народами — с близко родственными и неродственными языками, колониционных движений и т. д. Поэтому в развитии исследований по лингвистической географии заинтересованы не только лингвисты, но также историки, археологи, этнографы. Лингвистическая география — в особенности применительно к группе родственных языков — имеет существенно важное значение не только для исторических и сравнительно-исторических исследований, но также и для исследований типологических.

Лингвистическая география, возникшая еще в последней четверти XIX в., в течение XX в. добилась огромных успехов. Лингвистический атлас Франции Ж. Жильерона и Э. Эдмона, немецкий лингвистический атлас Ф. Вреде и Г. Венкера, лингвистический атлас Италии и Южной Швейцарии К. Яберга и Ю. Юда, а также ряд новейших атласов западноевропейских языков являются работами национального значения. В течение последних десятилетий стали появляться лингвистические атласы и славянских языков¹. Однако все эти атласы охватывают территорию одного языка или даже часть территории одного языка.

¹ M. Małeckii, K. Nitsch. Atlas językowy polskiego Podkarpacia, t. I—II. Kraków. 1934; Z. Stieber. Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny, zesz. I—VIII. Łódź, 1956—1964; «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». М., 1957; «Mały atlas gwar polskich», t. I—VI. Wrocław — Kraków, 1957—1963; С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко, Э. И. Зеленина. Атлас болгарских говоров в СССР. М., 1958; И. О. Дзендзелівський. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (лексика), ч. 1—2. Ужгород, 1958—1960; К. Dejna. Atlas gwarowy województwa kieleckiego, zesz. 1—3. Łódź, 1962—1964; «Дыялекталогічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963; «Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich», t. I. Wrocław etc., 1964.

Идея лингвистического изучения славянской языковой территории возникла давно, еще на I Международном съезде славистов в 1929 г. в Праге. На этом съезде А. Мейе и Л. Теньер выступили с докладом «Проект славянского лингвистического атласа»², а И. А. Бодуэн де Куртене с докладом «Изогlossen в славянском языковом мире»³. Однако в то время задача лингвогеографического изучения славянских языков и задача общеславянского лингвистического атласа как работы особого типа в области лингвистической географии, а именно единого атласа группы родственных языков, не были в достаточной мере разграничены между собой. Между тем, как это стало ясно позднее, эти работы — хотя они и имеют немало точек соприкосновения — являются работами принципиально различными, имеющими свои особые объекты, различные задачи и специфическую проблематику.

Объектом национального лингвистического атласа является тот или иной национальный язык (например, русский, польский и т. д.). Объектом ОЛА является группа близко родственных языков — славянские языки в их совокупности. Следует подчеркнуть, что это различие имеет не только количественный, но и качественный характер. Предметом картографирования в национальном атласе являются диалектные различия в пределах данного языка, в то время как предмет картографирования в ОЛА — различия в пределах всей славянской группы языков. Все то, что является общим для данного языка, в национальном атласе остается в стороне, не картографируется. Но общая черта отдельного языка в масштабе всей славянской языковой территории может оказаться чертой частной, отличительной, так как ей в других славянских языках или их диалектах могут соответствовать другие соотносительные варианты. Поэтому она становится в ОЛА предметом картографирования. Так, например, в «Программе собрания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (М.—Л., 1947) содержится вопрос о названиях утки (anas). Однако собранный материал показал, что данный вопрос в пределах русской территории некартографируем, поскольку отсутствуют территориальные противопоставления отдельных групп русских говоров по названиям утки. При сопоставлении же материала данного вопроса по разным славянским языкам, которое проводилось при пробном картографировании материалов для ОЛА к IV Международному съезду славистов, выяснилось, что название утки в общеславянском масштабе не только может быть объектом картографирования, но и дает весьма интересную карту. На этой карте выделяются территория южнославянских языков, где несколько разных корней дают очень мелкое диалектное членение территории, и изоглосса корней *ut-* и *kač-* (*kach-*), проходящая по территории восточнославянских языков и противопоставляющая западнославянские языки вместе с украинским и западнобелорусскими говорами восточнобелорусским говорам и русскому языку⁴. Таким образом, в ОЛА картографируются различия (существенные в общеславянском масштабе), которые противопоставляют друг другу, например, разные славянские языковые группы (восточнославянские, западнославянские, южнославянские) или один из славянских языков всем другим, в том числе языкам той же группы, или один из диалектов данного язы-

² См. «Sbornik prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze, 1929», sv. II. Praha, 1932.

³ См. И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию, т. II. М., 1963, стр. 353—355.

⁴ Н. Horodyska, Z. Pożaricka ja. Nazwy kaczkki w językach słowiańskich.— «Poradnik językowy», 1959, № 3—4.

ка другим его диалектам и одновременно другим славянским языкам и т. д. Если национальный лингвистический атлас (или региональный атлас, т. е. атлас части данной языковой территории) сравнить с топографической съемкой, то ОЛА можно уподобить аэрофотосъемке, потому что, как и последняя, она охватывает весьма обширную территорию и фиксирует в ней наиболее общие отличия, существенные для этой территории в целом, минуя частности, свойственные отдельным ее районам.

Национальный лингвистический атлас дает материал для изучения истории данного языка в те его периоды, когда картографированные диалектные отличия появлялись, а также для изучения структуры данного языка как совокупности местных разновидностей. В противоположность этому ОЛА должен дать материал, характеризующий происхождение славянской группы языков, ее общие корни и специфическое развитие на разных территориях, а также типологию славянских языков, специфику структуры каждого из них в их взаимоотношениях. Таким образом, проблематика ОЛА относится к сфере сравнительно-исторической грамматики славянских языков, к взаимно соотносительным явлениям в истории отдельных славянских языков, а также к их типологии. ОЛА будет строиться на основе собранных по специально составленному Вопроснику материалов из всей славянской языковой территории. Он должен отразить элементы строя славянских языков, характеризующие все его уровни (фонологию, просодию, морфологию, синтаксис, лексику) в том виде, как они сохранились во второй половине 60-х годов XX в. в устах жителей сельских местностей, носителей традиционного типа местной речи в ее стилистически нейтральной форме. Подбор явлений должен быть таким, чтобы ретроспективно и опосредствованно (сквозь изменения позднейшего времени) охарактеризовать историю славянских языков и диалектов в их взаимоотношениях от эпохи, когда сложились современные славянские языки и диалекты, до поздней праславянской эпохи, когда появились древнейшие диалектные различия.

Сказанным определяется та территория, которая будет картографироваться в ОЛА: это будет территория, на которой сложились славянские языки и их основные диалекты. ОЛА не охватит поэтому северо-восток и юго-восток европейской части СССР, Сибирь и Дальний Восток. Не будет картографироваться также Слободская Украина, Донбасс, Новороссия. ОЛА охватит всю территорию древнего расселения славян, в том числе и такую, на которой преобладает неславянское население (например, сербо-лужицкую область в ГДР).

Такова в самых общих чертах проблематика ОЛА. Этой проблематике должны отвечать основные документы — Вопросник, по которому будет собираться материал, и инструкция к нему; общая и единая транскрипция, которой будет записываться материал всех славянских языков; сетка населенных пунктов на всей славянской языковой территории, которые будут обследованы; основная карта ОЛА.

При работе над каждым из этих документов были высказаны разные взгляды, порою весьма противоречивые. Однако в результате дискуссий обычно удавалось найти общую точку зрения.

Наибольшую трудность представляло составление Вопросника — решающего документа ОЛА. Трудность заключалась прежде всего в том, что Вопросника, который предназначался бы для собирания материала по группе родственных языков, предшествующая наука не знала. Каков должен быть его объем? Как должны быть сформулированы вопросы — с генетической или синхронической точки зрения? В связи с этим —

должны ли полученные ответы дать материал для сравнительно-исторического или типологического изучения славянских языков? Какова должна быть структура Вопросника? Должен ли он строиться систематически (например, фонетика, морфология, синтаксис, лексика) или тематически (например, растительный мир, животный мир, человек и т. д.)? На каком языке должен быть написан текст Вопросника и на каких языках должны даваться примеры? Все это и многое другое было предметом длительных и оживленных дискуссий.

Было решено, что вопросы (имеются в виду те разделы Вопросника, которые исходят из слов и форм, из их материальной стороны, — фонетика, просодия, флексия, семантика) будут формулироваться, исходя из генетической точки зрения, но так, чтобы дать материал не только для сравнительно-исторического, но и для типологического изучения славянских языков.

При решении вопроса о структуре Вопросника была принята во внимание рекомендация автора этих строк, как председателя Комиссии ОЛЯ, изложенная в его обращении к участникам совещания по ОЛЯ в Будапеште в апреле 1962 г. В этом обращении указывалось, что лингвистические «вопросники-анкеты до известной степени всегда носят синкретический характер; с одной стороны, это — список языковых явлений, по которым нужно собрать материал, с другой стороны, методический документ, определяющий во многом порядок и метод собирания материала»⁵. Предлагалось также учитывать, что «собираение материала (по ОЛЯ.— Р. А.) будет вестись в разных странах с разными традициями диалектологической работы, с которыми нельзя не считаться»⁶. Поэтому было особенно важно указанные выше два аспекта лингвистической анкеты отразить в самой структуре Вопросника. В связи с этим высказывалось мнение, что «Вопросник по своей структуре должен распасться на две следующие части: 1. Список языковых явлений, который определяет объем материала, не предвещая, однако, того, как и в каком порядке он будет собираться... 2. «Комплексный» или тематически обработанный Вопросник, в котором материал группируется не по структурно-языковому, а по тематическому признаку, цель которого определить порядок и в значительной мере характер и метод собирания материала (анкетирования)»⁷. Эта рекомендация — с существенными поправками и уточнениями чехословацких диалектологов, а также других участников дискуссии — была принята на совещании в Душниках, где был составлен первый вариант Вопросника. Раздел I Вопросника — «Список языковых явлений» — строится в соответствии с отдельными уровнями языка: фонетика, просодические явления, морфология, словообразование, лексика (по отдельным частям речи), семантика (в алфавитном порядке), синтаксис. В разделе II — «Списке вопросов» — основное место занимают вопросы лексики и словообразования, расположенные по тематическим группам и сформулированные ономастологически — по типу «как называется такой-то предмет». К тематически сформулированным вопросам присоединены примеры, относящиеся к фонетике, просодии, морфологии. Грамматические вопросы, которые не удалось объединить с тематическим подразделом, составляют подраздел II₁, а вопросы семантические (сформулированные по типу «какое значение имеет такое-то слово») составляют два остальных подраздела II₂ и II₃ раздела II.

⁵ Р. И. Аванесов. О работе над Общеславянским лингвистическим атласом. — «Studia Slavica», VIII, № 4, 254, 1962.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Было решено Вопросник выпустить на русском языке с иллюстративным материалом на трех славянских языках — русском, сербско-хорватском и польском. Если тот или иной пример отсутствует в одном из указанных языков, то с соответствующими отметками дается пример другого языка той же группы (например, чешский или словацкий вместо польского).

Первоначальные проекты отдельных систематических разделов Вопросника были подготовлены по поручению Комиссии ОЛА в разных странах. Эти проекты многократно обсуждались на проведенных после 1958 г. международных совещаниях по ОЛА, а также при других встречах ученых разных стран, и на основе этих обсуждений перерабатывались. В Душниках (март-апрель 1963 г.) все имевшиеся проекты, не связанные друг с другом, были коренным образом переработаны в соответствии с принятой структурой Вопросника и объединены в одно целое. Были также сформулированы и снабжены языковыми примерами вопросы. В этой работе активное участие приняли представители Болгарии, ГДР, Польши, Советского Союза, Чехословакии, Югославии. Поэтому Вопросник ОЛА в полной мере является результатом коллективной работы ученых названных стран, а также Венгрии и Румынии, представители которых принимали участие на более ранних этапах работы.

Подготовленный в Душниках Вопросник был издан Польским центром ОЛА ротационным способом в количестве 300 экземпляров⁸ для опытного собрания по нему материала и окончательной доработки. В 1964 г. по Вопроснику были собраны материалы более чем в 20 населенных пунктах по всей славянской языковой территории. На основании этого материала Вопросник был пересмотрен на совещании в Москве (февраль 1964 г.) с участием представителей Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии и СССР. Проверка Вопросника на практике подтвердила целесообразность принятой структуры. Вместе с тем выяснилось, что получение полного ответа на все вопросы в одном населенном пункте требует сравнительно длительного времени, что имеются вопросы, дающие материалы, не существенные для проблематики ОЛА, и вопросы, на которые трудно или невозможно получить ответы; имеются также неудачные формулировки и примеры. На совещании в Москве был согласован проект сокращения Вопросника, улучшения и уточнения формулировок, замены примеров, технического редактирования. Эта работа по отдельным разделам была продолжена в Праге, Варшаве, Москве и в других национальных центрах ОЛА, а затем критически проанализирована и в основном завершена на заседании Комиссии ОЛА в Сараеве (май-июнь 1964 г.). Комиссия ОЛА в Сараеве утвердила Вопросник к печати, возложила окончательное его редактирование на советскую комиссию ОЛА и просила ее издать Вопросник в Советском Союзе. В настоящее время Вопросник готовится к печати и выйдет в свет в 1965 г. Вместе с Вопросником будет опубликована инструкция к нему, составленная при преимущественном участии чехословацких диалектологов, а также документ о системе принятой в ОЛА транскрипции, разработанной проф. З. Штибером с участием представителей других стран.

Признано необходимым, чтобы материал для ОЛА поступал в центр, где он будет картографироваться, записанным в единой и обязательной фонетической транскрипции на латинской основе. Принятая система

⁸ См. «Вопросник Общеславянского лингвистического атласа», вып. I—III. Warszawa, 1963 (Международный комитет славистов, Комиссия Общеславянского лингвистического атласа).

транскрипции содержит сравнительно небольшое количество знаков (как буквенных, так и диакритических), поскольку карты ОЛА должны отражать основные различия, имеющие дистинктивную функцию для значительных территориальных групп славянских диалектов, и не могут фиксировать всех деталей фонетических различий, имеющих значение только в рамках отдельных славянских языков. Однако предусматривается возможность транскрибирования и более частных различий с использованием дополнительных знаков, которые должны быть утверждены Международной комиссией ОЛА. Предлагаемая в Вопроснике система транскрипции была использована при пробном обследовании 20 населенных пунктов на территории разных славянских языков, подтвердившем ее практическую пригодность.

Большая трудность стоило Комиссии ОЛА принять решение о сетке обследования населенных пунктов, так как по этому вопросу были высказаны две весьма различные концепции, которые удалось согласовать между собой только после длительной дискуссии. Эти разные концепции частично отражены в дискуссии на страницах журнала «Вопросы языкознания» и в двух статьях автора этих строк: «К вопросу об Общеславянском лингвистическом атласе» («Slavia», XXXI, 4, 1962) и «О работе над Общеславянским лингвистическим атласом» («Studia Slavica», VIII, 3—4, 1962). Поэтому нет необходимости подробно излагать ее здесь. Отметим лишь, что согласно одной концепции первостепенное значение имеет равномерная густота сетки, а согласно другой — частота сетки должна следовать за степенью диалектной дифференциации отдельных областей. На совещании в Душниках по докладу Р. И. Аванесова «О сетке обследования ОЛА в связи с характером Вопросника»⁹ было решено иметь два варианта вопросника и два варианта сетки: полный вопросник и вопросник сокращенный (в котором не учитываются многие синтаксические явления, менее дифференцированные в территориальном отношении или трудно фиксируемые в условиях полевой работы); густую сетку (с расстоянием пункта от пункта в среднем 50—60 км) и редкую сетку (1 населенный пункт на 8 пунктов густой сетки). При этом по полному вопроснику будут обследоваться населенные пункты редкой сетки (12,5% количества населенных пунктов густой сетки), а по сокращенному вопроснику — населенные пункты густой сетки.

Проект сетки был уточнен в Сараеве в 1964 г. Согласно принятой сетке, должно быть обследовано около 830 славянских населенных пунктов, в том числе: русских — 309, украинских — 130, белорусских — 71, польских — 89, чешских — 37, словацких — 37, серболужицких — 4, словенских — 33, сербско-хорватских — 58, македонских — 24, болгарских — 32. Предполагается включить также некоторое количество неславянских населенных пунктов так, что общее количество их может дойти до 850.

Следует отметить, что в процессе первоначальных поисков был создан специальный пробный вопросник ОЛА¹⁰, по которому были собраны материалы более чем в 40 населенных пунктах, во многом содействовавшие работе над большим вопросником. Результаты работы по пробному вопроснику частично изложены в статье С. Утешены, опубликованной в журнале «Вопросы языкознания»¹¹.

⁹ Основные положения доклада опубликованы в «Вопросах языкознания», 1963, № 4, стр. 41—44.

¹⁰ См. «Пробный вопросник к Общеславянскому лингвистическому атласу». — «Вопросы языкознания», 1963, № 1.

¹¹ См. С. Утешены. О результатах обследования по Пробному вопроснику к Общеславянскому лингвистическому атласу. — «Вопросы языкознания», 1963, № 5.

Работа над ОЛА является коллективной. Точно так же коллективно, как составлялись Вопросник, сетка обследования и другие документы, в дальнейшем, совместными усилиями ученых разных стран, должны составляться карты атласа и комментарии к ним. При этом составители ОЛА будут стремиться к тому, чтобы результаты работы над атласом публиковались не по окончании работы в целом, которая рассчитана на ряд лет, а по мере ее разворачивания, выполнения той или иной ее части или решения той или иной проблемы. В этих целях еще Будапештское совещание по ОЛА в 1962 г. выразило пожелание, чтобы выпускалось специальное издание, посвященное работе над ОЛА. Это было подтверждено и конкретизировано на последних совещаниях, где предлагалось выпустить издание в Советском Союзе. В осуществление этой рекомендации Институт русского языка АН СССР подготовил первый сборник «Общеславянский лингвистический атлас», где освещаются вопросы теории и методики, а также публикуются исследования по славянской лингвистической географии (сборник будет выпущен в 1965 г.). В сборнике участвуют как советские, так и зарубежные ученые.

Таково состояние работ по ОЛА. К сказанному следует добавить, что еще в Душниках весной 1963 г. по докладу Р. И. Аванесова был принят перспективный план работ по ОЛА. Согласно этому плану, вся работа над ОЛА делится на три этапа: 1) до V Международного съезда славистов (1958—1963 гг.); 2) до VI Международного съезда славистов (1963—1968); 3) после VI Международного съезда славистов (1968—1973 гг.). Основной задачей первого этапа было составление Вопросника; одновременно с этим было начато собирание материала по полному Вопроснику и велась подготовительная работа к картографированию: составлена сетка обследования и проект основной карты. Важной задачей второго этапа является собирание материала. Перспективный план предусматривает не только общее число населенных пунктов, подлежащих обследованию в каждой стране, но также и количество населенных пунктов на каждый год по каждой стране. Основной задачей третьего этапа явится составление карт ОЛА и завершение работы в целом. Перспективный план предусматривает также сроки и место международных встреч для коллективной работы над ОЛА в течение предстоящих лет.

С удовлетворением можно отметить, что принятый план работы над ОЛА до сих пор в основном выполнялся в намеченные сроки. Однако впереди большие трудности. Огромный коллектив составителей ОЛА работает во многих странах, в каждой из них — свои научные традиции, своя методика работы. Нужны систематические и достаточно длительные контакты, чтобы обеспечить согласованность и коллективность в работе, без чего ОЛА вообще осуществлен быть не может; нужны большие материальные средства и достаточные коллективы исполнителей. В институтах Академий наук стран, участвующих в работе над ОЛА, необходимо организовать специальные группы ОЛА и укрепить существующие, так как с 1964 г. началось широкое собирание материала. Это касается всех стран и в особенности Советского Союза, потому что значительная часть территории (с подавляющим количеством населенных пунктов), картографируемая в ОЛА, падает на СССР. Для того чтобы представить себе объем этой работы, следует иметь в виду, что для получения материала по одному населенному пункту два человека должны поработать в среднем две недели. Между тем в Советском Союзе (по РСФСР, УССР и БССР) в 1966—1968 гг. должно быть обследовано до 150 населенных пунктов в год. В других странах объем работ по собиранию материала также велик (имеются страны, где подлежит обследованию 100 и более

населенных пунктов в течение четырех лет). Кроме собирания материала, необходима его обработка, представляющая собой трудоемкий процесс, а в дальнейшем и картографирование материала. Для собирания материала будут привлечены работники университетов и других учебных заведений, однако основная часть работы падает на сотрудников академических институтов. Иными словами, необходимо в каждой стране своевременно создать условия для того, чтобы эта важнейшая работа в области славянского языкознания была осуществлена.

Через восемь лет будет создан Общеславянский лингвистический атлас — первый в мире атлас группы родственных языков. Этот атлас не только существенно обогатит теорию языкознания и стимулирует дальнейшие сравнительно-исторические и типологические исследования славянских языков, но также окажется необходимым пособием для историков, археологов, этнографов. Вместе с тем Общеславянский лингвистический атлас явится крупнейшим достижением славянской культуры, примером дружной коллективной работы ученых разных стран.

В. Н. ЖЕЛАНОВ

МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ВАРШАВЫ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ

Освобождение столицы Польши Варшавы явилось крупным военно-политическим событием зимней военной кампании 1945 г. Гитлеровское командование, учитывая, что Варшава находится на главном стратегическом направлении Красной Армии, на ее кратчайшем пути к Берлину, сильно укрепило этот город. Оно рассматривало Варшаву как «главнейшую крепость среднеевропейского вала», как «ключ к воротам Берлина». На территории Варшавы и ее пригородов было создано большое количество противотанковых и противопехотных препятствий, установлено 33 минных поля и заминированы все важные сохранившиеся от разрушений здания. Войскам 9 немецкой армии, действовавшей на варшавском направлении, была поставлена задача любой ценой удержать этот город.

В освобождении Варшавы принимали участие войска 61, 47 и 2 гвардейской танковой советских армий, а также 1 армии Войска Польского, входивших в состав 1 Белорусского фронта. Операция фронта началась 14 января 1945 г. прорывом обороны противника на вислинских плацдармах к югу от Варшавы. Затем в наступление перешли войска, действовавшие к северу от города. Под угрозой окружения основные силы варшавской группировки противника поспешно оставили город и начали отходить на запад. 17 января столица польского государства была полностью очищена от остатков противника, и войска фронта развернули решительное преследование отступившего врага в западном направлении, освобождающие другие города и села Польши.

Советское Верховное Главнокомандование, подготавливая наступательную операцию на варшавском направлении, решило использовать 1 Польскую армию непосредственно для освобождения Варшавы. При этом имелось в виду ввести ее в бой после прорыва советскими войсками обороны противника. В директиве Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии от 28 ноября 1944 г. предписывалось командующему 1 Белорусским фронтом: «...1 Польскую армию первоначально использовать для обороны по восточному берегу р. Висла в районе Варшава и после прорыва, последовательно переправляя ее через р. Висла, ввести в бой за овладение городом Варшава...»¹.

В соответствии с директивой Ставки командованием 1 Белорусского фронта был разработан план Варшавско-Лодзинской наступательной операции. План датирован 25 декабря 1944 г. (№ 001224/ОП, карта 200 000). В нем определялись задачи войск фронта и отдельных соединений и частей в операции. Приводим здесь данные, относящиеся к соединениям, непосредственно участвовавшим в освобождении Варшавы.

«...1. Ближайшая задача войск фронта разгромить варшавскую и радомскую группировки противника и не позднее 12 дня наступления главными силами общевой-

¹ Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 9493, лл. 306—308.

сковых армий выйти на фронт: Петркувек, Жихлин, Лодзь. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Познань...

4. Задачи армий по дням и рубежам: 61 армия в составе: 9 гв ск* (12, 75 гв и 415 сд), 80 ск (82, 212, 356 сд); 89 ск (23, 314, 397 сд), 119 ур с 4 кабр, 25 иптап, 59 и 41 гмп; 88 тп, 85 тп; 5 омпмб, 13 омпмб, 2 и 3 миб (1 гв мибр), 81 и 82 инж. б-ны (17 пшбр). 29 обхз, кроме того, на период прорыва главной полосы обороны противника для усиления 61А привлекаются: артиллерия 3 уд. А (девять ап стрелковых дивизий, одна пабр, один иптап и один мап); артиллерия 1ПА (одна пабр и одна габр); артиллерия 2 гв РК (один иптап, один мап и один тмп).

Фронт прорыва — 4 км. Плотность артиллерии — 226 стволов на 1 км фронта прорыва.

Задача армии — прорвать оборону противника на участке Остроленка, Пилице, частью сил наступать на левом фланге во взаимодействии с 5 уд. армией и, развивая удар в общем направлении на Гонски, Двалев, Тарчин, овладеть рубежами:

а) в первый день операции — Подгужиче, Гонски, Ляски, Бжегожевице;

б) на четвертый день операции — Вулевка Дворска (5 км сев. Гура Кальвария), Дебеш, Лось, Тарчин, Быстржанув, Каролев, Юзефов (14 км юго-зап. Тарчин).

В дальнейшем частью сил нанести удар в направлении Тарчин, Гродзиск, Блоне с целью во взаимодействии с 1ПА и 47А уничтожить варшавскую группировку противника, главными силами армии наступать в общем направлении м. Гродзиск, Сохачев, Кутно и на двенадцатый день операции выйти на фронт: иск. Люшин (30 км с.-в. Кутно), Жихлин, Бедльно, Валишев, Орлув (18 км ю.-в. Кутно).

Разграничительные линии:

а) справа — Лятович, Гура Кальвария, Толкув (5 км ю.-з. Пясечно), Блоне, Сохачев, Кернозя, Люшин, все пункты, кроме Блоне и Сохачев, для 61А исключительно.

б) слева — Гарволин, Скурча, Грабув Залесны, ф.л. Марынки, Госьневице, Мшонув, Лович, Собота, Орлув (18 км ю.-в. Кутно), все пункты, кроме Гарволин и Лович, для 61А включительно...

...2 гв танковая армия в составе: 9 гв тк, 12 гв тк, 1 мк с 3 отабр, 316 тмп и 24 аендивизией, 4 отд. мотопонт. мостовым полком, 25 обхз, с вводом пехоты и танков 5 уд. армии на рубеж: Гневице, Заборув, Гоцин, Пшибышев в третий день операции войти в прорыв на участке: Гневице, Заборув, Гоцин и, развивая удар в общем направлении на Мшонув, Сохачев, Гомбин — в тыл варшавской группировки противника, отрезать ей пути отхода на юго-запад и запад из района Варшава и на пятый день операции выйти в район: Гуры (5 км ю.-з. Плоцк), Гостынин, Стшельце (10 км сев. Кутно), Санники.

В дальнейшем развивать удар на Ковалы, Бжесць-Куявски, Радзеюв, Иновроцлав.

Артиллерийское и инженерное обеспечение ввода в прорыв 2 гв ТА возлагаю на командующего 5 уд. армией.

Авиационное обеспечение — на командующего 16 воздушной армией...

47 армия в составе: 77 ск (234, 328, 185 сд), 125 ск (76, 60, 175 сд), 129 ск (132, 143, 260 сд) с 5 польской пабр, 2 польской габр, 75 тмп, 31 зен. дивизией; 70 кв тп, 334 сап, 274 омб, 20 оохб, 77 обхз — фронт прорыва — 4 км. Плотность артиллерии 151 ствол на 1 км фронта прорыва.

Задача армии — в первый день операции сильными отрядами вести разведку боем на всем фронте армии с целью сковать противника.

На второй день операции — прорвать оборону противника на участке Калущин, иск. Хотомов и, развивая удар на Новы Двур, уничтожить 5 тд сс «Викинг» в междуречье и на третий день операции выйти на р. Зап. Буг и р. Висла на участке: Тополина, Новы Двур, Яблонна.

В дальнейшем форсировать р. Висла на участке: Новы Двур, Яблонна и, развивая удар в общем направлении на Ломна, Янувск, Лешно, во взаимодействии с войсками 1ПА и 61А уничтожить варшавскую группировку противника. После чего наступать в направлении Камчана, Млодзешин, Санники; на двенадцатый день операции выйти на фронт: Петркувек, Санники, Люшин (5 км ю.-з. Санники).

Начать наступление в первый день операции 47А не может в силу того, что ее исходное для наступления положение простреливается фланкирующим огнем всех видов из района Дембе. Поэтому, во избежание излишних потерь, армия перейдет в наступление на второй день операции, когда левофланговые части 2 БФ овладеют районом Дембе.

1 Польская армия в составе: 1, 2, 3, 4 и 6 пзд, пкбр, 1 тбр с выходом 61 армии на фронт Гура Кальвария, Тарчин, используя ее успех, главными силами армии, не менее трех пехотных дивизий со всеми средствами усиления, переправиться на запад-

* Перечень сокращений см. в конце статьи.

ный берег р. Висла на участке: Гура Кальвария, Черск и наступать в направлении Гура Кальвария, Пясечно, Прушкув, с задачей — свернуть боевые порядки противника на западном берегу р. Висла, во взаимодействии с войсками 47 и 61А уничтожить варшавскую группировку противника и овладеть городом и районом Варшава.

Занимаемые позиции на участке Яблонна, Прага, Карчев оборонять силами не более двух пехотных дивизий.

По мере продвижения главных сил армии, обороняющими частями, последовательно слева направо, переправляться на зап. берег р. Висла и наступать на Варшава...»²

Этот документ показывает, что освобождение Варшавы планировалось путем окружения противника, оборонявшего Варшаву, нанесением двух фланговых ударов из районов севернее и южнее Варшавы по сходящимся направлениям на Блоне (западнее Варшавы). Главный удар наносили войска 61, 2 гвардейской танковой армий и три дивизии 1 Польской армии и вспомогательный удар — 47 армия. Внешний фронт окружения создавали основные силы 61 и 47 армий и 2 гвардейская танковая армия, а внутренний фронт окружения — борьба непосредственно за Варшаву — все силы 1 Польской армии и часть сил 61 и 47 армий. В плане указано, что на период прорыва обороны противника 1 Польская армия выделяла для действия в полосах 61 и 47 армий четыре артиллерийские бригады, а пехотные части должны были перейти в наступление последовательно после прорыва вражеской обороны войсками 61 армии, с нанесением одностороннего удара к югу от Варшавы.

В оперативной директиве № 0024/ОП (2 ч. 00 мин. 4.1.45 г., карта 100 000) штаба 1 Белорусского фронта командующему 1 армии Войска Польского указывались противостоящие армии силы противника, уточнялись задачи армии и предлагалось ей, кроме главного удара, нанести вспомогательный удар левым флангом после форсирования Вислы 47 армией. В документе говорится:

«...1. Два батальона 11 мд сс «Горланд», 73 пд, 183 охранный полк, 337 народно-гренадерская дивизия, 25 и 71 отдельные пулеметные батальоны, усиленные тремя артдивизионами РГК и 302 танк. батальоном, обороняют сильно укрепленные позиции на рубеже: Тополлина (16 км с.-в. Модлин), Хотомов, Кемпа Келчиньска и далее по зап. берегу р. Висла до Гура Кальвария.

Эти позиции противник укреплял от 2 до 4 месяцев и развил их в глубину до 10 км.

Во втором эшелоне, в районе Варшава, противник имеет до пяти отдельных батальонов. В районе м. Блоне — предположительно 383 пд.

2. Справа 47 армия переходит в наступление с задачей прорвать оборону противника на участке: Калушин, иск. Хотомов и развить удар через р. Висла в общем направлении на Скерды, Ломна, Янувск, Лешно, м. Блоне.

Разграничительная линия с ней — до Яблонна, Легионово прежняя, далее Горнувск (14 км сев.-зап. Варшава), м. Блоне, все пункты для 1 АВП исключительно.

Слева 61 армия переходит в наступление с задачей прорвать оборону противника на участке: иск. Пщклет (9 км сев.-вост. Варка), Пиллице (6 км сев.-вост. Варка) и развить удар в общем направлении на Гонски (6 км сев. Варка), Тарчин, м. Гродзиск, м. Блоне.

Разграничительная линия с ней: Лятович, Гура Кальвария, Голкув (5 км юго-зап. Пясечно), м. Блоне, все пункты, кроме м. Блоне, для 1 АВП включительно.

3. 1 АВП: 1, 2, 3, 4 и 6 пдд, 1 польская танковая бригада, 1 польская кавалерийская бригада, с выходом 61 армии на фронт: Гура Кальвария, Тарчин, используя ее успех, главными силами армии — не менее трех пехотных дивизий, со всеми средствами усиления, переправиться на западный берег р. Висла на участке: Гура Кальвария, Крулевски ляс и наступать в направлении Гура Кальвария, Пясечно, Пястув (11 км юго-зап. Варшава), с задачей: свернуть боевые порядки противника на западном берегу р. Висла, во взаимодействии с войсками 47 и 61 армий уничтожить варшавскую группировку противника и овладеть столицей Польши — городом Варшава.

Занимаемые позиции на восточном берегу р. Висла от Яблонна до Карчев оборонять силами не более двух пехотных дивизий.

² Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2356, д. 425, лл. 90—106.

После форсирования р. Висла войсками 47 армии и по мере продвижения их в юго-западном направлении, а также по мере продвижения главных сил армии, обороняющимися частями последовательно с правого и левого флангов переправиться на западный берег р. Висла и наступать на Варшаву с севера и с юга.

4. Подготовку наступательной операции, перегруппировку и выход войск в исходное для наступления положение производить скрытно от противника, с соблюдением всех мер маскировки, стремясь при этом обязательно достигнуть внезапности действий армии.

5. С директивой разрешаю ознакомить начальника штаба и начальника оперативного отдела штаба армии. Остальным исполнителям ставить задачи в пределах выполняемых ими обязанностей.

Задачи на наступление в письменном виде поставить дивизиям за два дня до начала наступления. До постановки задач в письменном виде, распоряжения по перегруппировке и подготовке войск к наступлению отдать устно.

Командирам полков письменных распоряжений не давать, задачи поставить устно за два дня.

По службе тыла общих директив не давать, ограничиться отдельными распоряжениями.

Всему личному составу войск армии продолжать разъяснять, что нашей задачей является упорная оборона на длительное время.

6. Время начала наступления согласно данных мною лично указаний.

7. План наступательной операции представить мне на утверждение к 12.00 8.1.45 г.»³.

О боевых действиях 1 армии Войска Польского по освобождению Варшавы дает представление донесение штаба армии № 068 от 17 января 1945 г. (22 ч. 00 мин., карта 100 000) командующему 1 Белорусского фронта. В нем говорится:

«...1. Части армии продолжали наступление в направлении Беляны, Варшава и Черникув. К 10.00 17.1.45 г. 2 пд вышла на рубеж Изабелин и частью сил 6 пд — 250 м южнее Южного моста, Парка, Фильтры, одновременно с 1-й кавбр. овладев Хабздин, Оборы, продолжала наступать в направлении Езера Крулевска.

В 10.00 стремительным ударом 2-й пд с севера, частью сил 6-й пд с востока и юго-востока, 1-й тбр с юго-запада сломила сопротивление противника непосредственно в районе Варшава и, преодолевая минные поля и инженерные заграждения, к 20.00 овладела столицей Польской республики г. Варшава.

Успеху операции содействовали 1 кавбр, 1, 3 и 4 ппд, наносившие фланговые удары противнику юго-западнее Варшава.

К 20.00 17.1.45 г. 2 пд отдельными отрядами продолжала очищать северную и центральную часть города от мелких групп противника, засевших в отдельных зданиях, подвалах и на крышах.

6 пд вела бой по очищению восточной и юго-восточной части города;

1 тбр — юго-западной части;

1 кавбр — по выполнении боевой задачи сосредоточилась в районе 2 км севернее 1, 3 и 4 пд. В соответствии с полученным приказом с 17.00 на марше в новые районы сосредоточения.

2. Разрозненные мелкие группы противника, засевшие в отдельных зданиях г. Варшава, оказывают неорганизованное сопротивление нашим частям.

3. Потери противника: за 16 и 17.1.45 г. по предварительным данным уничтожено свыше 300 солдат и офицеров, орудий различного калибра — 7, минометов — 11, пулеметов — 17, автоматов и винтовок около 400; захвачено свыше 50 пленных, 2 паровоза, 40 вагонов, 5 орудий различного калибра, 9 минометов, 18 пулеметов, свыше 10 автоматов и винтовок и большое количество боеприпасов и различного имущества»⁴.

Интересные сведения о положении в освобожденной Варшаве содержатся в донесении начальника Политуправления 1 Белорусского фронта в Главное политическое управление Красной Армии от 18 января 1945 г.

«...18 января группа политработников по моему заданию знакомилась с положением в Варшаве. Политработники весь день ходили по городу, побывали во многих кварталах, беседовали с жителями.

Из этих докладов выяснилось:

1. Варшава разрушена. Политработники, воюющие с первого дня [войны], говорят, что таких разрушений они еще нигде не видели. На всех улицах, где они побывала

³ Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2356, д. 425, лл. 155—157.

⁴ Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2356, д. 443, л. 80.

в течение дня, не встретили ни одного неповрежденного дома. Самые лучшие здания, целые кварталы превращены в развалины. Наибольшему разрушению подверглись те кварталы города, где происходило восстание (площадь Вильсона, площадь Мицкевича, район Старого города и другие). На месте главного вокзала — гигантская яма и груды щебня. Есть относительно сохранившиеся дома, но и в них много трещин, выбиты двери и окна, пробиты крыши. Лучше сохранились дома на тех улицах, где размещалось гестапо и другие учреждения немцев. Но и эти дома в настоящее время для жилья непригодны.

2. По многим улицам невозможно проехать — все разбито, во многих местах сохранились баррикады.

3. Культурные ценности города разрушены и разграблены. От Большого театра остались одни колонны, но и под них немцы готовились заложить аммонал, но не успели. Разрушен Королевский замок. Стекланный дворец и другие. Не осталось ни одного памятника.

4. Всюду следы огромных человеческих жертв. Во рвах, канализационных трубах валяются трупы замученных и расстрелянных поляков. На улице Окопов есть могильные холмы. Жители говорят, что тут похоронено до 120 тыс. убитых и сожженных немцами поляков. Есть многочисленные могилы на улице Тышкевича и других. Почти в каждом дворе есть одна-две могилы. По рассказам жителей, немцы уничтожили в Варшаве до 400 тыс. человек.

5. В день освобождения Варшавы жителей там почти не было. Выходили одиночки. Это те, кто скрывался в подвалах и канализационных трубах. На второй день стали прибывать жители Варшавы из окрестных сел. Как теперь выясняется, после подавления восстания немцы под угрозой оружия выгнали все население Варшавы. Многие варшавяне жили в пригородных селах. К полудню 18 января большие массы варшавян, узнав об освобождении родного города, двинулись из сел в Варшаву. Но жить им негде. Люди возвращаются в места своего временного жительства — в села, многие изъявляют желание устроиться на временное жительство в Праге. Это объясняется, в первую очередь, тем, что они узнали о продовольственной помощи, которую получает население Праги от Советского правительства. Некоторые жители занимаются поисками вещей в уцелевших домах. Есть случаи мародерства.

6. Красную Армию и Войско Польское жители города встречают восторженно. Люди часами стоят на улицах и площадях, горячо приветствуют проходящие войска. Исключительно внимательно и тепло относятся к бойцам и офицерам, готовы оказать любую услугу... Стоит только нашему офицеру обратиться к кому-либо из жителей, как вокруг него образуются толпы народа.

О чем говорят жители Варшавы?

а) Горячо благодарят Советский Союз и Красную Армию за освобождение Варшавы от немцев. Искренность этих чувств не вызывает никаких сомнений.

б) Много говорят о зверствах немцев, о том, как немцы расстреливали мирных жителей, как сжигали на кострах детей. Спрашивают: «Так ли разрушены другие польские города, как Варшава?» Ругают немцев на все лады. Говорят: «Надо так сделать с Берлином, как они с Варшавой»...

г) С чувством горечи вспоминают о восстании. Далеко не все знают, что это была авантюра лондонцев. Некоторые рассуждают так: «восстание провалилось потому, что у поляков было мало амуниции (вооружения)». Но есть и такие люди, которые хорошо знают о предательстве и проклинают Бура. Политработники встретили двух участников восстания из состава Армии Крайовой. Они заявляют, что приняли приказ о восстании как должное, что надо было бороться с немцами, о предательстве ничего не знали. Это — рядовые аковцы, обманутые предателями и авантюристами...

Вывод: Население Варшавы восторженно встретило Красную Армию и Войско Польское. Варшавяне теперь твердо убеждены в том, что единственной избавительницей их от немецкой неволи является Красная Армия и Войско Польское.

Заслуживают внимания неотложные нужды населения Варшавы: а) огромные трудности с питанием, б) отсутствие жилищ в Варшаве»⁵.

Освобождение Варшавы от гитлеровских оккупантов, 20-летие которого торжественно отмечается в Польше и Советском Союзе, является одним из ярких примеров боевого сотрудничества советского и польского народов в годы второй мировой войны.

⁵ Архив МО СССР, ф. 233, оп. 2374, д. 86, лл. 8—9.

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ
В ПРИЛАГАЕМЫХ МАТЕРИАЛАХ

БФ — Белорусский фронт	мибр — моторизованная инженерная бри- гада
ВП — Войско Польское	отабр — отдельная тяжело-артиллерий- ская бригада
АВП — Армия Войска Польского	ур — укрепленный район
ПА — Польская армия	сп — стрелковый полк
А — армия	пп — пехотный полк
Уд. А — ударная армия	мап — минометно-артиллерийский полк
ТА — Танковая армия	гмп — гвардейско-минометный полк (ре- активный)
ск — стрелковый корпус	ттп — тяжелый танковый полк
тк — танковый корпус	тп — танковый полк
мк — механизированный корпус	иптап — истребительно-противотанковый артиллерийский полк
ед — стрелковая дивизия	сап — самоходно-артиллерийский полк
пд — пехотная дивизия	тмп — тяжелый минометный полк
тд — танковая дивизия	оммп — отдельный мотополотонный мо- стовой полк
мд — моторизованная дивизия	омб — отдельный мостовой батальон
пдд — польская пехотная дивизия	миб — моторизованный инженерный ба- тальон
зен. дивизия — зенитная дивизия	обхз — отдельный батальон химической защиты
тбр — танковая бригада	оохб — отдельный огнеметно-химический батальон
кбр — кавалерийская бригада	гв. — гвардейский
пкбр — польская кавалерийская бригада	
пабр — пушечная артиллерийская бри- гада	
габр — гаубичная артиллерийская бри- гада	
мибр — минометная бригада	
пшисбр — пштурмовая инженерно-сапер- ная бригада	

В. И. ЗЛЫДНЕВ

ИЗ ИСТОРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКО-БОЛГАРСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

(конец 20-х — начало 30-х годов)

Процесс складывания советско-болгарских культурных и литературных связей был довольно длительным, протекал в сложных политических условиях и до настоящего времени остается все еще мало изученным. Поэтому для исследователя приобретают важное значение свидетельства современников и новые архивные документы, позволяющие восстановить разные моменты в истории взаимоотношений деятелей болгарской и советской культуры.

Уже в первые годы советской власти широкие круги болгарской общественности проявили глубокий интерес к событиям, последовавшим за Октябрьской социалистической революцией. Они открыто выражали свое стремление к расширению традиционных русско-болгарских связей, искусственно прерванных во время первой мировой войны. Самыми пламенными и последовательными поборниками установления и развития советско-болгарских общественно-политических и культурных связей были деятели Болгарской коммунистической партии. Г. Димитров, В. Коларов, Х. Кабакчиев и другие видные деятели болгарского рабочего движения и партии «тесных» социалистов еще в 1918 г. выступили на страницах своей революционной печати со статьями об Октябрьской революции, о политических событиях, происходивших в Советской России, стремясь выразить в них свои интернациональные чувства солидарности. Одновременно с повышенным интересом к политическим событиям в литературных кругах Болгарии парастал интерес к культурной и литературной жизни Советской России. В революционных журналах и газетах стали появляться статьи и заметки о советской литературе, о театре, издательствах; печатались в переводах и стихотворения советских поэтов. Однако отсутствие дипломатических отношений между Болгарией и Советской Россией и враждебное отношение правящих кругов монархической Болгарии ко всякой правдивой информации о молодом социалистическом государстве явились серьезной преградой для установления непосредственных контактов между болгарскими и советскими литераторами. В результате сведения о литературной жизни Советской России проникали в болгарскую печать лишь отрывочные и часто шли окольными путями — через Германию, где были русские издательства, или через Францию. Вскоре прогрессивные болгарские критики, поэты и прозаики остро ощутили необходимость в более глубоком освоении достижений советской литературы. Но изменить существующее положение они были бессильны. Не увенчались успехом и открытые протесты в печати в 1924—1926 гг. Г. Милева, Г. Бакалова, Д. Полянова против враждебной политики правящих кругов в отношении советской литературы.

Отдельные болгарские литераторы по своей инициативе не раз пытались установить более тесные связи с советскими культурными учрежде-

ниями и организовать книгообмен между издательствами. Об одной из таких попыток рассказывает в своих воспоминаниях С. Чукалов¹. Весной 1922 г. он полулегально приехал в Одессу и посетил ряд книжных складов. Ему удалось договориться с ответственными лицами об обмене советских книг на муку. Об этом он поставил в известность главу земледельческого правительства А. Стамболийского, который, со своей стороны, обещал поддерживать это начинание. Весной 1923 г. С. Чукалов продолжил переговоры уже с официальными представителями Красного креста, прибывшими из Советской республики в Болгарию. Однако наступивший фашистский переворот 9 июня 1923 г. и новая волна реакции, направленная на изоляцию Болгарии от Советской России, не позволили осуществить эти планы.

Во второй половине 20-х годов ни одному болгарскому издательству или печатному органу не удалось установить регулярной непосредственной связи с советскими культурными или литературными учреждениями. Материалы о советской литературе по-прежнему публиковались не систематически. Больше всего их печатали журнал «Наковалня» (многие из них шли через Г. Бакалова, находившегося тогда в Париже) и газета «Младежка дума». В конце 20-х и самом начале 30-х годов приток информации о советской литературе в болгарскую революционную печать усилился. Кроме журнала «Наковалня» широко стали освещать культурную жизнь в Советском Союзе газеты «Поглед», «Работнически литературен фронт» (РЛФ), эсперантистские издания — «Международен език», «Международен рабселкор».

В оживлении культурных советско-болгарских связей сыграло большую роль «Всесоюзное общество культурной связи с заграницей» (ВОКС), которое оказывало разностороннюю помощь приезжавшим в Советский Союз болгарским общественным деятелям, работникам театра, печати, науки. Кроме того, ВОКС высылал отдельным лицам, редакциям газет и общественно-культурным организациям в Болгарии свои материалы о культуре и литературе в Советском Союзе. Одним из первых корреспондентов ВОКСа был болгарский писатель Л. Огнянов-Ризор, который нелегально посылал письма в ВОКС на эсперанто, используя при этом своих корреспондентов в Германии. В Центральном государственном архиве Октябрьской революции в Москве хранятся три его письма от 1929 г. Они проливают новый свет на характер советско-болгарских связей тех лет, содержат сведения о состоянии революционной печати, а также показывают, каким образом болгарские революционные журналисты использовали советские материалы в периодических изданиях коммунистов и в либеральной буржуазной печати.

Первое письмо Л. Огнянова-Ризора было переведено с эсперанто на болгарский язык. О нем впервые сообщает в своей статье болгарский исследователь Й. Митев², кратко излагая содержание и цитируя небольшой отрывок. Два других письма до сих пор не были известны. Они переведены с эсперанто на русский язык. Так как все три письма касаются вопроса установления непосредственных связей пролетарских журналистов в Болгарии с ВОКСом и реализации получаемых советских материалов в болгарской печати, мы приводим их здесь полностью: первое в переводе с болгарского языка, а два других — в том виде, как они хранятся в архиве³.

¹ «Съветската литература в България. 1918—1944. Сборник от материали, спомени и документи». София, 1961, стр. 182—185.

² Й. Митев. Връзки между български и съветски научни Институт и културни дейци в периода 1927—1937 г. Списание на Българската Академия на науките. София, 1959, № 3, стр. 70—82.

³ Централный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 5283, оп. 2, д. 59, лл. 122—123.

№ 1

София. 15.01.1929.

(Письмо в ВОКС из Болгарии через Берлин)

Дор. товарищи,

Недавно я попросил у тов. Лерхнера для ознакомления экземпляр «Бюллетеня ВОКС'а» на немецком языке и несколько дней тому назад получил его. Мы перевели на болгарский язык первую и вторую статьи, которые будут напечатаны в болгарских пролетарских газетах. Это побудило меня обратиться в ВОКС со следующим предложением.

Имея в виду, что в Болгарии не существует сейчас отделения ВОКС'а или какой-либо другой коммунистической организации, которая взяла бы на себя задачу доставлять через ВОКС информации, статьи, фото и проч. для пролетарских газет, а также имея в виду, что такие нам необходимы, потому что Болгария — одна из стран, в которой английский империализм готовится [к войне] против СССР, я предлагаю статью, так сказать, представителем ВОКС'а в Болгарии. Разумеется, это не лично мое решение, предварительно мы говорили с товарищами — руководителями нашего движения, редакторами газет, журналов и др. То, что эта работа будет полезна, доказывает распространение трудовых газет (коммунистических, но не официальных) у нас:

- 1) «Наковалия» — еженедельный литературно-научный журнал, ред. Д. И. Полянов. Есть специальный отдел ВОКС'а, к сожалению, ведется не регулярно.
- 2) «Рабселкор» — иллюстрированная газета рабселькоров в Болгарии, которая начнет выходить через 1—1½ недели. После выхода первого номера пошлем вам официальное письмо от редакции, в которой я также работаю. Газеты снабжают «AJZ» и «Nos Regards» (эсперантистские организации.— В. З.) и для нее особенно нужны фотографии.
- 3) «Единство» — еженедельный орган Н. П. С. (Независимого профессионального союза.— В. З.).
- 4) «Работническо дело» — официальный орган Р. П. (Рабочей партии.— В. З.). выходит два раза в неделю (разумеется, не социал-демократической партии).
- 5) «Младежка искра». Официальный орган РМС (Рабочего молодежного союза.— В. З.), сейчас выходит два раза в неделю, но не регулярно, потому что... нет денег: конфискации бывают часто.
- 6) «Младежка дума» — еженедельная газета трудовой молодежи. Некоторое время не выходила из-за конфискации. Вскоре ее издание возобновится.
- 7) «Новини» — ежедневная газета, которая сейчас не выходит, потому что редакторы в Центральной тюрьме. Последний редактор арестован в связи с провалом ЦК Коммунистической партии в сентябре 1928 года. Проектируется вместо «Новини» издание другой ежедневной газеты.
- 8) «Работнически малък вестник на трудящите жени». Первый номер газеты вышел несколько дней тому назад. Вскоре выйдет и второй. По-видимому, через неделю.
- 9) «Balkano Laboristo» — ежемесячный журнал рабочих.
- 10) «Народная просвета» — ежемесячный журнал просвещения, культуры и марксизма. Редактор Самодумов.
- 11) «Студентска трибуна» — еженедельная народная студенческая газета.

До настоящего времени эти газеты снабжались [материалами] AJZ и буржуазными газетами на французском и немецком языках. Эсперантская SAT, представителем которой я являюсь (GoL), дает много, но не все нужное. «S-ulo» — также. Нужна организованная, регулярная поставка статей, документов, фото и др. материалов от СССР для наших трудовых газет. Мы верим, что ВОКС может выполнить это блестяще.

Разумеется, я не могу сделать все необходимое: я занят еще и в рабочем эсперантистском движении, в молодежном движении, в редакциях «Рабселкора», «Раб. дело» и т. д., в эсперантистской службе SAT. Но есть товарищи, которые также готовы работать.

Конкретно мое предложение следующее:

1) Вы мне посылаете: а) регулярно по 2 экз. немецкого издания *Wochenbericht der WOKS*, б) все другие печатные издания, которые могут быть использованы нашими редакциями, на русском, немецком, французском, английском языках и эсперанто; в) если возможно, просьба выслать вышедшие до настоящего времени годовые комплекты «*Wochenbericht*»; фотографии; специальные статьи и проч.; книги — главным образом на русском языке — с содержанием о советской технике, индустрии, науке, борьбе с безграмотностью в СССР, библиотеках, театре, литературе, клубах и пр.

2) Мы вам будем высылать: а) регулярно все упомянутые газеты, журналы и проч.; б) фотографии о политическом движении в Болгарии — убийства, аресты,

страдания политзаключенных и эмигрантов, политические преследования и т. д., фотографии из жизни рабочего и буржуазного движения в Болгарии. (В последнее время много говорят о «Союзе рабселькоров», который будет вскоре основан. В него войдут также и все новые фоторабселькоры — они через нас будут поставлять вам фотографии, т. к. наш комитет Эсперанто действует на базе редакции «Рабселкора».)

Посылаю Вам для сведения по одному экземпляру вышеуказанных газет и журналов.

Теперь другая просьба, товарищи. Не забывайте, что Болгария — страна белого террора, что мы ограждены со всех сторон. Главным образом от Советов. Ни одна советская газета не разрешается у нас: жестокий ЗЗД («Закон о защите государства». — В. З.) не разрешает этого. Поэтому непосредственно из СССР мы не можем их получать.

Я удивлен, что получил номер «Wochenbericht». Так, прямой путь оказывается самым долгим. Возможно, я получу первую посылку и больше нет. После этого может последовать «неприятность».

Поэтому нужен другой путь. Вы видите, что это письмо и газеты мы посылаем через тов. Бесслера. По-моему, этот путь более надежен: через Германию. Но через тов. Бесслера мы не можем поддерживать связи: он очень занят.

Нужен другой адрес в Германии. Не может ли это быть «Gesellschaft der Freunde des neuen Russlands»? Или какой-либо товарищ? Я прошу вас выяснять этот вопрос и сообщить мне.

Адрес будет использован таким образом: все для меня вы будете посылать адресату, который будет мне пересылать, а я буду высылать адресату, который будет пересылать вам.

Другая «очень важная» просьба — денежная. Мы не можем вам посылать деньги: наши редакции очень бедны и не могут расходовать средства на такую работу, хотя она очень полезна. Я прошу, чтобы ВОКС взял на себя расходы, которые не очень велики.

Ожидаю ваш ответ. В это время выйдет «Рабселкор», и я вышлю вам первый номер одновременно с официальным письмом Редакции.

Ваш ответ шлите или через Esperanto Servo de SAT (Otto Bässler, Gelberstr. 24, Leipzig C 1), или через другого адресата, если сможете найти. Если через тов. Бесслера, прибавьте: pro GoL, Sofia. Если через другого адресата, то пусть он пересылает на мой собственный адрес: Любомир Огнянов, Schliessfach 279, Sofia, Bulgario; или на адрес Р. Партии: Раб. Партия, пл. Pozitano 1, Sofia (для Esperanto Servo).

В иной адрес ничего не высылайте. Предпочтительно использовать первый (мой) адрес, потому что часто посылки для клуба Рабочей Партии просматриваются полицией. Если пошлете в адрес Раб. Партии, то не указывайте моего имени, все может случиться. По-моему, предпочтительнее первый адрес.

Таким образом, товарищи, мы ожидаем ваш ответ.

Должен сказать кое-что и о себе — вы ведь не знаете, от кого письмо, так как я впервые вам пишу.

Мне 19 лет. Коммунистом стал с 1920 года, когда вступил в комсомол. Сейчас я член Рабочего молодежного союза, Рабочей эсперантистской группы, в которой являюсь секретарем SAT'a (№ 10286). Кроме того, систематически выступаю как корреспондент газетной службы по SAT, сотрудничаю и перевожу (с русского, немецкого и эсперанто) в газетах и журналах, упомянутых выше. Член общества Красного Креста в Лейпциге № 1575.

Если нужно, я вышлю документы от Рабочей эсперантистской группы, Раб. молодежного союза и многих редакций о «моей личности».

Разумеется, я мог бы вам также написать и о других делах, но если письмо случайно попадет в руки тех, к которым не должно попасть, то «другое» будет опасно...

Итак, товарищи, пишите ваш ответ.

Л. Огнянов. SAT 10286.

№ 2

София, 10.06. 1929.

1) До сего времени я получил последовательно 4 номера «Wochenbericht» и начал работу с ними. Кажется, что «Wochenbericht» будет приходить регулярно. Вчера я получил также 4 статьи (на французском языке), из которых — 3 спортивные. Правда, я как-то просил у Вас материалы для газеты «Работнически спорт», но моя инициатива не имела успеха: первый № «Работнически спорт», в котором было напечатано много материала о спорте в СССР, был конфискован и за недо-

статком средств новое издание газеты было отложено — возможно до сентября. Поэтому я попробую напечатать спортивные статьи в буржуазной спортивной газете. Я думаю, там будет успех. Другую статью «Les maisons de coiffeur en URSS» я передам в редакцию «Наковалия». Но примите во внимание, что я не знаю французского языка, поэтому я сам не могу перевести эти статьи. Поэтому я передам их товарищам, знающим французский язык, но все это приведет к известной задержке. В будущем, если возможно, посылайте статьи на немецком языке.

2) Относительно фотографий. По случаю 1 мая я просил двоих товарищей сделать какие-либо снимки. Они сделали, но один из них был арестован и у него были отобраны 5 снимков; второй, по случаю слабой восприимчивости аппарата (объектив 1:8), не имел успеха. После были важные события (арест комсомольцев, забастовка табачных и других рабочих и прочее), но мне не удалось получить оттуда каких-либо фотографий: а) за недостатком организованности в этом деле и б) за недостатком денежных средств. Чтобы устранить хоть несколько эти преграды, я думаю по прошествии 1—2 дней поместить в рабочей прессе объявление, в котором буду просить всех рабочих фотографов записаться у товарища, который возьмет на себя должность (в смысле обязанность.— В. З.) организовать все; денежные затруднения — после осуществления названной организации — я думаю устранить просьбой о поддержке со стороны рабочих организаций. Но не позднее, чем через месяц, — у нас уже будет функционировать фотослужба. Специально мы стремимся организовать ее к предстоящим демонстрациям 1 августа, когда будут непременно хорошие темы для фотографирования. Я теперь уже обещаю выслать вам не менее 6—10 фотографий августовских событий. По истечении 1—2 недель я, может быть, сумею выслать вам фотографии и других событий. Но будьте уверены, что скоро фотослужба начнет свою деятельность.

3) Теперь, когда основалась педагогическая Подсекция ВОКС, я вновь ставлю вопрос о сношении редакций советских педагогических журналов с рабочим педагогическим журналом, издающимся в Болгарии, «Народна просвета» под редакцией Т. Самодумова. Передайте в вашу подсекцию эту просьбу и известите меня о результатах.

4) Я вновь пробовал послать в Советскую Россию книги для моего товарища (Дм. Снежко) и успешно. Он известил меня, что книги получены. Поэтому, чтобы избежать излишних затрат, я теперь намереваюсь посылать вам печатные произведения непосредственно. Письма я буду пересылать через... (следует пропуск.— В. З.), потому что это дает мне больше уверенности, что они достигнут цели. В письмах я буду давать вам названия №№ посланных печатных произведений, где будут напечатаны переводы из ... (следует пропуск.— В. З.) и специальные статьи, посланные мне. Вы можете сравнить по этим таблицам №№ получаемых газет и, если что-нибудь будет потеряно, вы можете это заметить и известить меня, прося о новой посылке. Итак, через ... (пропуск.— В. З.) я буду слать только письма. Вы же посылайте для меня все через ... (пропуск.— В. З.). Этим путем мы снизим расходы и возможно установим регулярный обмен почтой. Я высылаю вам №№ ... (пропуск.— В. З.), № 6, июнь.

5) Библиотека журнала «Народна просвета» издала на болгарском языке следующие книги: а) «Думата на животните и човека» Е. М. и Д. Д. Лубоцких, б) «Диалектический метод и...». Это я сообщаю Вам на случай. Тов. Самодумов замышляет издание и других сочинений, в том числе известных советских коммунистических философов и ученых.

№ 3

(Получено 5.07.1929 через Бесслера). Пер. с эсперанто.

Тов. Б. Бреслау,

«Вохенберихт», вероятно, будет приходить регулярно. Я получил №№ 11—12, 13—14, 15—16 и скоро, значит, и 17—18. «Политика» — буржуазная иллюстрированная газета печатает материалы о СССР при условии, если они «не опасны». Статью «Ашуги» взял из № 13—14. Статью «Развитие советской нефтяной промышленности» и «Аэросани в СССР» ред. «Политики» отказалась напечатать, потому что таковые «опасны». Но в общем работа идет вперед.

Печатаются:

Из № 11—12:

- 1) „Научные и культурные учреждения БССР“ — журнал «Наковалия».
- 2) „Нефтяная промышленность“ — газ. «Работн. дело».
- 3) „Культурные дела Ленинграда“ — газ. «Единство».
- 4) „Аэросани“ — «Иллюстрир. седмич.» (бурж. иллюстрированный журнал).

5) „Астрономический съезд“ — вероятно, в журнале Физико-математического общества.

6) „Цирк в СССР“ — «Политика».

Из № 13—14:

7) „Крымские ханы“ — «Политика».

8) „Музыкальная жизнь Москвы“ — «Български артист».

9) „Музыкальная культура на Украине“ — «Студентска трибуна».

10) „Музейная конференция“ — «Наковалня».

11) „Детская книга“ — «Студентска трибуна».

12) „АРК и ОДСК“ — вероятно, в Киногазете.

13) „Новые фильмы“ — «Студентска трибуна».

14) „Трам“ — в «Бълг. артисте» или «Студ. трибуне».

15) „Женщина на Востоке“ — газ. «Работничка».

(Остальные статьи мы еще не перевели).

Самый главный успех, по-моему, в том, что официальный орган Союза болгарских артистов «Български артист» охотно помещает материалы о советском театре. Также и в «Политике» думаю поместить некоторые «опасные» статьи.

Одним словом, дела улучшаются. Я надеюсь, что, возможно, по прошествии нескольких месяцев ВОКС будет иметь в Болгарии сравнительно успешную культурную связь.

Идем ответа через Лейпциг.

Ризор.

Как показывают приведенные письма, Л. Огнянову-Ризору удалось не только установить связь с ВОКСом, но и получить ряд номеров журнала «Вохенберихт», которые были использованы в революционной и либерально-буржуазной печати для пропаганды культурных и народнохозяйственных достижений Советского Союза. В следующем, 1930 г., с ВОКСом устанавливает связь газета «РЛФ», которая ставила одной из своих главных задач — информировать болгарского читателя о развитии социалистической культуры в Советском Союзе, об успехах советских писателей. С помощью ВОКСа газета организовала международную анкету о советском киноискусстве (№ 15). Ряд материалов для этой анкеты был подобран работниками ВОКСа и переслан в Софию. Однако наметившиеся контакты газеты с ВОКСом не получили своего развития. Видимо, в этом большую роль играли болгарские условия, когда каждый шаг печатного органа или революционного писателя находился под неослабным надзором полицейской охраны.

В том же году с ВОКСом устанавливает связь культурно-просветительное объединение «Киноуниверситет», во главе которого были Д. Божков и С. Чукалов. Их просьба получить некоторые советские фильмы для демонстрации в Болгарии встретила поддержку со стороны работников ВОКСа и некоторых советских деятелей науки. В частности, их инициативу настойчиво поддерживал акад. Н. С. Державин. Но и эти связи были кратковременными.

В начале 1932 г. с ВОКСом устанавливает связь редакция газеты «Поглед». В одном из первых писем, от 12 февраля 1932 г., редакция сообщала: «Получили с большим опозданием №№ 7—9 журнала ВОКС (на французском языке). Просим высылать нам и в будущем журнал и по возможности на русском языке. Будем посылать вам нашу газету, которая является у нас пока что, к сожалению, единственным пропагандистским органом социалистического строительства. Для укрепления ее, если можете, посылайте нам и другие материалы, например: о положении женщин работниц — крестьянок, о положении в национальных республиках и пр., о положении молодежи...»⁴.

⁴ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 816, л. 23. Газета «Поглед» (1930—1934) — иллюстрированный еженедельник болгарских коммунистов; широко освещал жизнь Советского Союза. Все письма высылались в ВОКС на русском языке.

На следующий день, 13 февраля 1932 г., как бы в дополнение к предыдущему редакция писала: «Нам очень нужно для обслуживания нашего пролетарского фронта иметь кое-что из произведений советских поэтов и беллетристов, поэтому очень просим иметь в виду и эту нашу просьбу. Конкретно нам на первое время надо иметь: Вишневский «Первая конная», Тригермея «Фронтвики», Никитин «Линия огня», Киршон «Хлеб», Тригер М. «Свет с востока», Вафа «Продажная забастовка», Фалеев «Первое мая», Дементьев «Последняя гроза», Арский «Красный фронт», Андронов «Комсомольские мастерские», Акимов «Вредители», Гард Е. «Дева Мария», Лернер «Подполье» и др.»⁵.

В ответ на эту просьбу ВОКС выслал в адрес редакции «Поглед» в апреле 1932 г.: «Подполье» Лернера, «Свет с Востока» Тригера, «Баню» Маяковского⁶. Кроме того, для редакции газеты выслались номера журналов «СССР на стройке», «За рубежом»⁷. Первый из них широко использовался для освещения жизни в Советском Союзе, а второй — как указывали в одном из писем болгарские товарищи — давал им необходимый материал для зарубежного отдела газеты.

В том же году инициативная группа, положившая начало «Союзу друзей СССР» в Болгарии, также установила связь с ВОКСом. Секретарь этого Союза, известный журналист и художник А. Жендов информировал работников ВОКСа о характере складывавшегося Союза друзей, о его задачах, а также о намерении организовать «Общество культурного сближения с СССР». В своем письме, посланном в ВОКС на русском языке, от 15 августа 1932 г. А. Жендов сообщал:

Дорогие товарищи!

Месяц тому назад у нас организовался Союз друзей СССР, о подготовке организации которого Вы были извещены⁸. Перед нами стоит и задача организации Общества культурного сближения с СССР. Однако надо нам сначала укрепить ту, что создали, а потом приступить ко второй. Руководство по этому вопросу мы от Вас уже имеем.

А теперь к Вам у нас просьба:

1) Пожалуйста, свяжите нас с соответствующим центром Союзов друзей в СССР, а также с Западноевропейским центром этих Союзов.

2) Пришлите нам образцы уставов этих организаций — наш устав еще в виде проекта-устава принят.

3) Пришлите нам литературу, обобщающую жизнь и деятельность этих Союзов, а также литературу, которую мы бы могли использовать для своей пропагандистской работы. Нам, например, надо организовать курс лекций о пятилетках — первой и второй, а материалов мы не имеем.

С товарищеским приветом Ал. Жендов — Секретарь Союза.

Адрес: Царица Йоана, № 7, София
Д-р Куюмджиев, адвокат⁹

В ответ на это письмо секретариат ВОКСа сообщал, что «по вопросу о связи с центром Обществ Друзей мы снеслись с соответствующими организациями... Как подвигается вопрос о создании Общества культурного сближения? Желательно, чтобы Вы держали нас в курсе дела... Материалы по пятилеткам подбираем. Высылаем фото по строительству и фотографии М. Горького»¹⁰.

⁵ Там же, л. 22.

⁶ Там же, л. 20.

⁷ Там же, лл. 13, 20.

⁸ Как это письмо, так и другие документальные данные позволяют говорить о том, что Союз друзей СССР был организован в Болгарии в 1932 г., а не в 1930 г., как ошибочно сообщается в Краткой Болгарской Энциклопедии (см. т. 1, София, 1963, стр. 406).

⁹ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 816, л. 11.

¹⁰ Там же, л. 9.

Вскоре эти материалы были получены болгарскими товарищами, о чем уведомил ВОКС Куюмджиев в своем письме от 6 октября 1932 г.: «Ваше письмо за № 37—2—1... получили. Снимки (шесть) — тоже. Идем присылки материалов о пятилетках и к 15 годовщине Октября, о чем своевременно писали. По линии Общества друзей СССР ничего еще нет, а надо бы давно нам с ними связаться. Сделайте, пожалуйста, опять что надо. Своевременно сообщим об организации Общества культурной связи. С тов. приветом. За Союз друзей СССР С. Куюмджиев»¹¹.

Однако, как показали события, в условиях усилившегося реакционного режима болгарским товарищам не удалось создать Общества культурной связи, да и Общество друзей СССР вскоре было запрещено властями.

В конце сентября 1932 г. болгарская полиция перехватила письмо Интернационального комитета Союза друзей СССР в Берлине, адресованное софийскому Обществу. В этом письме Интернациональный комитет приветствовал образование болгарского национального комитета, рекомендовал усилить в нем пролетарскую прослойку, а также подготовить делегацию от рабочих для поездки в СССР на празднование 15 годовщины Октябрьской революции¹². Со своей стороны, директор софийской полиции разослал доверительные письма окружным полицейским управителям, в которых говорилось, что им высылается копия письма Интернационального комитета Союза друзей СССР Болгарской секции того же союза, и он предлагает: «1) Установить и собрать сведения о местных организациях в округе (когда образованы, сколько их, кто члены и специально установить членов их руководства), завести на них дела. 2) Выявить лиц, которые будут членами делегации в СССР, ни в коем случае не допускать их выезда из страны, и 3) Имена делегатов сообщить отделению государственной безопасности, а в ежемесячных докладах регулярно сообщать о жизни и деятельности указанной организации»¹³.

Члены центрального руководства Общества друзей СССР сразу же почувствовали вмешательство властей в их общественно-культурную деятельность. Это выразилось в арестах некоторых активных работников, в усилении полицейского надзора, ограничении книжного обмена, конфискации художественной, политической и научной литературы, высылаемой из Советского Союза. 9 октября 1932 г. они вынуждены были опубликовать в газете «Поглед» (№ 40) официальный протест против произвола властей. «Союз друзей СССР» поставлен под исключительный полицейский режим, — говорилось в протесте, — который отнимает у него всякую возможность легальной работы. Не только публичные, но даже и организационные собрания запрещаются... Несмотря на все, однако, Союз друзей СССР заявляет, что он продолжит свою борьбу как против клеветнической антисоветской кампании всех ее разновидностей, так и против произвола власти, которая препятствует его работе»¹⁴.

Практически же эти намерения осуществить не удалось, и к концу 1932 г. Общество фактически прекратило свою работу. Связи различных болгарских организаций и печатных органов с ВОКСом резко уменьшились, что отрицательно сказалось на пропаганде советской художественной литературы и культуры в Болгарии. Однако существовавшие контакты не прошли бесследно. Они нашли свое отражение в периодической революционной печати и сыграли большую роль в правдивом освещении жизни Советского Союза, в воспитании целого поколения болгарской прогрес-

¹¹ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 816, л. 11.

¹² ЦДИА, София, ф. 370, оп. 1, а. е. 372, лл. 47—48.

¹³ Там же, лл. 60—62.

¹⁴ Там же, л. 59.

сивной молодежи. Начиная в те годы свою литературную деятельность критик В. Александров рассказывает в своих воспоминаниях: «Из легальных изданий партии особенно много мне удалось узнать о различных сторонах жизни и устройства Советского Союза, о героизме и трудовых подвигах его народов, об их литературе и искусстве, о Красной Армии — прочном оплоте социализма, о новой науке и технике в газетах «Ехо», «Поглед», «РЛФ», «Научная трибуна», «Международен език», «Международен ребселкор» и др. Они открыли тысячи окон к великой стране, через которые я ее увидел, познал и полюбил. И это было так сильно, что она стала для меня желанной мечтой, моей родной страной, для защиты которой я готов был отдать все»¹⁵. В этом признании выражены чувства и настроения многих болгар, следивших с глубокой любовью за успехами Советского Союза.

Так складывались советско-болгарские культурные связи в конце 20-х и самом начале 30-х годов, когда они получили широкий резонанс в общественной и культурной жизни Болгарии. Новый этап их развития начинается с 1934 г., когда между Болгарией и Советским Союзом устанавливаются дипломатические отношения, расширяются связи между деятелями культуры и литературы, открываются возможности для посещения болгарскими делегациями Советского Союза.

¹⁵ В. Александров. Как се роди една голяма обич.— В кн.: Съветската литература в България. София, 1961, стр. 209.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

СБОРНИК ИЗБРАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. ГОМУЛКИ

Под руководством своего авангарда — Польской объединенной рабочей партии польский народ прошел славный путь, добившись замечательных успехов в строительстве социализма. ПОРП, как и ее предшественница Польская рабочая партия, направляет творческие усилия трудящихся на построение светлого будущего — коммунистического общества. В тесном братском сотрудничестве с Коммунистической партией Советского Союза ПОРП цементирует польско-советскую дружбу на благо наших народов, на благо всего социалистического содружества.

Исторические победы польского народа, достигнутые им на пути социалистического строительства, всесторонне освещаются в книге Первого секретаря ЦК ПОРП Владислава Гомулки «Избранные статьи и речи»¹. Опубликованные в сборнике произведения охватывают период 1959—1961 гг. Они посвящены важнейшим проблемам внутренней и внешнеполитической жизни Народной Польши — развитию промышленности и сельского хозяйства, партийному и государственному строительству, укреплению фронта единства нации, воспитанию трудящихся в духе социализма и интернационализма, международному положению.

В книге нашла отражение многогранная деятельность ПОРП, активная борьба Польской Народной Республики за претворение в жизнь принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем, за упрочение мира, за предотвращение новой мировой войны. Ценный материал по вопросам истории Народной Польши и истории ПОРП, содержащийся в сборнике, представляет большой интерес как для широкого читателя, так и для исследователей, занимающихся проблемами новейшей истории Польши.

В результате победы народной революции в Польше были осуществлены радикальные социально-экономические преобразования. Аграрная реформа ликвидировала помещичье землевладение, было улучшено положение трудового крестьянства, созданы социально-экономические предпосылки для перехода его от единоличного к крупному коллективному хозяйству. Национализация крупной и средней промышленности, банков и транспорта коренным образом изменила положение рабочего класса. Из бесправного пролетария он превратился в хозяина и руководителя промышленности. Социалистическая индустриализация привела к увеличению численности рабочих. Еще больше повысилась их руководящая роль в обществе.

Материалы, помещенные в сборнике, ярко отображают многогранную экономическую, политическую и культурную жизнь польского народа, плодотворную деятельность Польской объединенной рабочей партии, творчески применяющей марксизм-ленинизм и успешно укрепляющей дружбу со всеми странами, строящими социализм.

¹ Владислав Гомулка. Избранные статьи и речи (1959—1961). М., Госполитиздат, 1962, 720 стр.

Большое место в сборнике занимают вопросы руководства ПОРП сельским хозяйством. Узловым проблемам развития сельского хозяйства посвящены многие выступления В. Гомулки, помещенные в рецензируемом сборнике: доклад на II Пленуме ЦК ПОРП (июль 1959 г., стр. 11—112), речь на съезде представителей сельскохозяйственных кружков 5 сентября 1959 г. (стр. 137—166), выступление на III съезде Объединенной крестьянской партии 27 ноября 1959 г. (стр. 217—225). В них дан глубокий анализ положения в сельском хозяйстве и определены задачи его дальнейшего развития. Серьезное внимание уделяется развитию социалистических форм в деревне — государственного сектора, производственных кооперативов, сельскохозяйственных кружков.

III съезд ПОРП поставил одну из наиболее важных задач — к концу 1965 г. увеличить сельскохозяйственное производство на 30%. «Обеспечение предусмотренного III съездом партии роста сельскохозяйственного производства,— указывал в своем выступлении В. Гомулка на II Пленуме ЦК ПОРП,— является, пожалуй, самой трудной задачей во всей программе развития нашего народного хозяйства» (стр. 11). Дальнейший подъем сельского хозяйства,— отмечал В. Гомулка,— может быть достигнут за счет дополнительных капитальных вложений, механизации сельского хозяйства, мелиорации, расширения кормовой базы животноводства, использования достижений науки и техники. Он подчеркнул также необходимость изыскания резервов для выполнения этой задачи и для ликвидации различий в уровне развития отдельных сельскохозяйственных районов. Один из путей к этому — активизация деятельности массовых сельскохозяйственных кружков, призванных воспитывать в крестьянстве дух коллективизма. «Обеспечение основным массам малоземельных крестьян и середняков,— пишет В. Гомулка,— широкого доступа к современной технике может произойти только путем коллективного приобретения более крупных и дорогостоящих сельскохозяйственных машин на общественные средства, а также путем коллективного пользования ими» (стр. 59).

Партия и государство всемерно поддерживают массовые сельскохозяйственные кружки, помогают им в приобретении сельскохозяйственных машин, в обеспечении их кадрами. Эти кружки являются именно той общественной формой, которая соответствует нынешнему уровню сознания крестьянства.

Выступая на III съезде Объединенной крестьянской партии 27 ноября 1959 г., В. Гомулка заявил, что ныне перед союзом рабочих и крестьян стоят новые задачи, решение которых приведет к построению социализма. Он подчеркнул, что только социализм обеспечит деревне прочное благосостояние, процветание и культуру. Говоря о значении социализма как о единственно правильном пути исторического развития Польши, В. Гомулка указывал: «Социализм доказал, что является единственным путем, гарантирующим таким странам, как наша, когда-то слабым и отсталым, быстрое и всестороннее развитие, рост общественного богатства и культуры масс, независимость страны и безопасность ее границ» (стр. 225).

За годы народной власти благодаря усилиям партии и правительства сельское хозяйство ПНР достигло больших успехов. Исчисление в сопоставимых ценах показывает, как среднегодовая стоимость валовой сельскохозяйственной продукции в 1961—1963 гг. по сравнению с 1934—1938 гг. выросла на 31%, а в пересчете на душу населения на 47%. Урожайность четырех основных зерновых культур в сравниваемые годы поднялась на 51%. Если среднегодовое производство этих культур за период 1934—1938 гг. на душу населения составляло 368 кг, то за период 1961—1963 гг. оно равнялось 477 кг.

Большое внимание дальнейшему развитию сельского хозяйства уделяется в новом пятилетнем плане Польши (1966—1970 гг.), основные производственные показатели которого были рассмотрены и утверждены IV съездом ПОРП (июнь 1964 г.). К 1970 г. урожайность четырех зерновых культур должна составить 21 ц с гектара. На техническое оснащение сельского хозяйства в течение пятилетки поступит 140 тыс. тракторов, 16 тыс. зерновых комбайнов, 7 тыс. свеклоуборочных комбайнов, 19 тыс. картофелесажалок и др. Важная роль в дальнейшем развитии сельского хозяйства отводится интенсификации сельскохозяйственного производства, которая будет сопровождаться ростом производительности труда и увеличением урожайности основных сельскохозяйственных культур.

В выступлениях В. Гомулки, опубликованных в сборнике, большое место занимают вопросы дальнейшего развития социалистической промышленности. В его докладах на VIII Варшавской конференции ПОРП (стр. 226—247) и на V Пленуме ЦК ПОРП 21 июня 1960 г. (стр. 332—359) рассматриваются вопросы капиталовложений, в частности, совместных капитальных вложений стран социализма, правильной организации труда и заработной платы, снижения себестоимости продукции, внедрения в производство достижений науки и техники, повышения квалификации кадров.

В своем выступлении на Варшавской конференции ПОРП В. Гомулка указал на значение пересмотра норм и выравнивания заработной платы в промышленности. Эти меры партии и государства были одобрены рабочим классом. В. Гомулка отметил необходимость улучшения организации труда, повышения трудовой дисциплины на производстве, лучшего использования капиталовложений в промышленности, увеличения сырьевой и материальной базы, снижения себестоимости, дальнейшего технического прогресса, повышения квалификации кадров и борьбы против расточительства.

За годы народной власти Польша стала мощной индустриально-аграрной страной. За двадцать лет своего развития она прошла путь, для преодоления которого некоторым западным капиталистическим странам потребовались столетия.

Успехи Народной Польши привели к повышению жизненного уровня населения, росту реальной заработной платы рабочих и служащих, увеличению личного и общественного потребления, доходов крестьян, улучшению системы социального обеспечения.

Важнейшими задачами в области промышленного развития в Народной Польше ПОРП считает дальнейшее повышение производительности труда, увеличение продукции и улучшение ее качества, кооперирование польского промышленного производства с промышленностью других социалистических стран, и прежде всего усиление экономических связей с Советским Союзом. В новом пятилетнем плане предусматривается увеличение промышленной продукции на 45—47%. Капитальные вложения в народное хозяйство составят 830—840 млрд. злотых, что на 38% превысит объем капитальных вложений в предыдущей пятилетке.

Решение экономических проблем ПОРП тесно увязывает с идеологической работой партии, с воспитанием социалистического сознания трудящихся, в первую очередь молодежи.

Этим вопросам в сборнике уделяется большое внимание. В частности, в речи на VII съезде Союза польских учителей (стр. 530—541) В. Гомулка говорил о повышении роли школы в коммунистическом воспитании молодежи, о профессиональной подготовке учащихся, о перестройке школы, о ее связи с практикой социалистического строительства.

Вопросы идеологии получили подробное освещение также в статье В. Гомулки «Знамя нашей эпохи», опубликованной в «Правде» 19 апреля 1960 г., в выступлениях перед интеллигенцией, в которых ставились задачи об активном участии ее в строительстве нового общества. В речи на IV съезде Союза польских студентов и в выступлении на встрече с членами Президиума ПАН В. Гомулка подчеркивал, что переломная эпоха как в области общественных отношений, сознания, так и в области науки и техники ставит перед интеллигенцией новые ответственные задачи. В условиях быстрого развития производительных сил при социализме, социальной и научно-технической революции происходит сближение интеллигенции с рабочими, приобщение людей так называемых «свободных профессий» к коллективному труду.

Говоря о роли науки, В. Гомулка подчеркивал важность и значение глубокой ее связи с практикой социалистического строительства, с решением конкретных задач народного хозяйства. Он указывал на необходимость улучшения планирования, координации научных исследований как внутри страны, так и в рамках мировой социалистической системы.

В. Гомулка отметил возросшую роль общественных наук как средства воспитания коммунистического мировоззрения у всех членов социалистического общества. Он подчеркнул, что основой развития общественных наук является марксистско-ленинское учение.

В выступлениях В. Гомулки за период 1959—1961 гг. одно из центральных мест занимают проблемы войны и мира, разоружения, мирного сосуществования государств с различным социальным строем и укрепления международных позиций Польши.

Эти проблемы нашли широкое отражение в выступлениях В. Гомулки на Пленуме Катовицкого воеводского комитета ПОРП 6 июля 1960 г. (стр. 360—379), на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1960 г., в Сейме ПНР 24 октября 1960 г. — отчет о деятельности польской делегации на XV сессии ООН (стр. 469—497), на встрече с жителями Варшавы 18 марта 1961 г. и на торжественном заседании в Катовицах 21 июля 1961 г. по случаю праздника возрождения Польши (стр. 695—706).

Особое место в политике ПОРП занимают вопросы укрепления лагеря социализма и единства мирового коммунистического движения (Отчетный доклад на VII Пленуме ЦК ПОРП о Совещании представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве в ноябре 1960 г., выступление на XXII съезде КПСС).

В условиях победы социалистического строя, в тесном союзе с СССР и другими социалистическими странами, польский народ обрел и укрепил подлинную независимость и суверенность, стал действительным хозяином своей страны. Польша стала активным фактором мировой политики.

Говоря о социалистическом содружестве, В. Гомулка всегда отмечал, какое значение имеет для Польши помощь и поддержка со стороны Советского Союза. В докладе 21 июля 1959 г. и в выступлениях по случаю 15-летия освобождения Вроцлава 7 мая 1960 г. и празднования Дня металлурга 14 мая 1960 г. он напоминал, что именно антисоветская политика польской буржуазии привела к сентябрьской катастрофе и что только политика союза и дружбы с СССР освободила польский народ из-под власти фашизма, помогла ему утвердить новый общественный строй, добиться невиданных успехов и занять достойное место в мире.

Подчеркивая возросшую роль мировой системы социализма и ее значение для Польши, В. Гомулка отмечал: «Наша принадлежность к социалистическому лагерю, объединенному на принципах пролетарского интерна-

ционализма, взаимопомощи, равенства и братской дружбы, во много раз увеличивает наши собственные силы, постоянно укрепляет международное положение Польши и дает возможность развивать инициативу в борьбе за упрочение мира в Европе» (стр. 131).

Принадлежность Польши к социалистическому лагерю, ее участие в Совете экономической взаимопомощи, всесторонние экономические отношения Польши с Советским Союзом и другими социалистическими странами являются фактором, без которого была бы немислима индустриализация Польши и быстрое развитие ее народного хозяйства.

Польская объединенная рабочая партия вместе с другими марксистско-ленинскими партиями ведет активную и неустанную борьбу за сплоченность и укрепление международного коммунистического движения. В своих выступлениях В. Гомулка отмечал, что по вопросам международного коммунистического движения ПОРП стоит на позициях Заявления Совещания представителей коммунистических и рабочих партий в 1960 г. Он подчеркивал, что единство в главном, единство в отношении к империалистическому миру не исключает специфического и особенного в конкретной политике отдельных партий (стр. 590, 591).

Международная политика Польской объединенной рабочей партии и правительства Польской Народной Республики идет в одном русле с политикой СССР и других социалистических стран. Она направлена на борьбу против господства империализма, предотвращение новой мировой войны, поддержку освободительного движения колониальных и зависимых народов, новых государств Азии и Африки (стр. 456—465).

Проблема сотрудничества Народной Польши с Советским Союзом, идея польско-советской дружбы пронизывает все выступления В. Гомулки, опубликованные в сборнике. В докладе на торжественном заседании, посвященном 15-летию Народной Польши, он отметил выдающуюся роль Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии и его решающее значение в восстановлении независимости польского народа и создании новой Народной Польши. «Освобождение и независимость,— указывал В. Гомулка,— принесли польскому народу Советская Армия и сражавшееся плечом к плечу с ней Войско Польское» (стр. 123).

В выступлении на съезде польских студентов 24 марта 1960 г. В. Гомулка говорил об использовании опыта Советского Союза в подготовке кадров технической интеллигенции. Здесь же он отмечал необходимость сочетания теоретической учебы с практикой социалистического строительства (стр. 259).

В статье «Знамя нашей эпохи», посвященной 90-летию со дня рождения В. И. Ленина (стр. 262—272), большое внимание Гомулка уделил вопросам русско-польского революционного союза, советско-польской дружбы, ленинским идеям, роли Октябрьской революции в восстановлении независимости Польши. Он отмечал, что революционное движение Польши всегда было тесно связано с русским революционным движением и Лениным, который оказывал огромное влияние на польских революционеров. В. И. Ленин определил задачи польского пролетариата в национальном вопросе. «С предельной ясностью,— указывал В. Гомулка,— и теоретическим совершенством определил Ленин интернациональные обязанности и задачи русского и польского пролетариата в совместной борьбе против царизма» (стр. 263).

Подчеркивая значение Октябрьской революции для установления независимого Польского государства, В. Гомулка пишет: «История доказала, что в 1918 году свободу Польше принесла не ориентация отдельных групп польской буржуазии и примиренцев на тот или иной блок воюющих империалистических держав. Ее принесла в соответствии с предвидением Ленина социалистическая революция в России» (стр. 266). Основанная

Лениным страна Советов спасла Польшу от ига фашизма, и теперь свободный польский народ строит социализм и добился на этом пути огромных успехов.

Отмечая роль и историческое значение польско-советской дружбы и всестороннего сотрудничества Польши с Советским Союзом, В. Гомулка указывал, что «братская дружба Народной Польши с Советским Союзом сыграла и играет огромную роль в упрочении нашей безопасности, а взаимная помощь в экономической, научной и технической областях является первостепенным фактором в социалистическом развитии нашей страны» (стр. 271).

Под знаменем ленинизма, под руководством Польской объединенной рабочей партии трудящиеся Польши создали и укрепили народную власть, социалистическое государство, основанное на прочном союзе рабочего класса и крестьянства, осуществили глубокие социально-экономические преобразования, создали современную социалистическую индустрию, подняли культуру, добились значительного повышения материального и культурного уровня жизни народа. Задачи дальнейшего экономического и культурного развития Народной Польши намечены в новой пятилетке. Осуществление этих задач еще более приблизит польский народ к заветной мечте человечества — к коммунизму.

Советские люди, глубоко интересующиеся жизнью и достижениями братского польского народа, гордятся историческими победами, которые одержали трудящиеся Польши, строящие социалистическое общество под руководством своей марксистско-ленинской партии.

И. А. Хренов

КНИГА ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹

Монография И. М. Маергойза — первая в советской литературе капитальная научно-исследовательская работа, посвященная экономико-географической характеристике Чехословакии 1945—1960 гг. Она состоит из трех частей. В первой части рассматриваются вопросы формирования государственной территории, дается описание границ, природных условий и ресурсов, состава населения, общая характеристика народного хозяйства. Кратко показаны важнейшие особенности развития экономики страны до 1945 г., основные итоги развития социалистической экономики, отраслевая и территориальная структура народного хозяйства.

Наиболее интересна, на наш взгляд, вторая часть монографии, посвященная географии промышленности. В ней автор на основе изучения статистических материалов и специальной литературы дал обстоятельный экономический анализ ведущих отраслей чехословацкой промышленности, отметил успехи, достигнутые за годы социалистического строительства, а также трудности в развитии той или иной отрасли. Сравнение чехословацкой промышленности с промышленностью других социалистических, а также капиталистических стран позволило автору рельефнее показать специфику социалистической экономики Чехословакии и ее преимущества перед капиталистической. Одним из важных преимуществ, облегчающих создание материально-технической базы социализма, является

¹ И. М. Маергойз. Чехословацкая Социалистическая Республика. Экономическая география. М., 1964, 732 стр.

наличие высококвалифицированных рабочих кадров. В ведущих отраслях ее промышленности доля квалифицированных рабочих составляет от 60 до 80% (стр. 168).

В книге отмечены узкие места в развитии чехословацкой промышленности. В 1950—1960 гг. медленно росла стоимость основных фондов на одного рабочего в ряде отраслей обрабатывающей промышленности, где до сих пор имеется еще большое количество физически изношенного и устаревшего оборудования (например, в текстильном производстве 37% машинного парка старше 30 лет). В машиностроительной, легкой и пищевой промышленности еще много небольших по размеру фабрик и заводов, а номенклатура продукции исключительно велика, что ограничивает возможности массового производства и рост производительности труда.

Автор приводит характерные для Чехословакии данные о высоком удельном весе в валовой промышленной продукции реконструированных предприятий. Последние в 1960 г. дали почти вдвое больше продукции, чем предприятия, построенные в 1949—1960 гг. (стр. 170). Реконструированные заводы и по количеству занятого персонала в среднем больше новых.

В книге отмечается различная степень концентрации производства в отдельных отраслях. Автор выделяет три группы отраслей в зависимости от численности рабочих, занятых в среднем на одном заводе (за исключением черной металлургии): первую группу (600—700 человек, что вдвое больше числа занятых в среднем на одном заводе по всей промышленности в целом) составляют машиностроение, химическая, топливная, коженно-обувная; вторую (300—400 человек) — текстильная, швейная, стекольно-керамическая и бумажная; третью (100—150 человек) — производство строительных материалов, деревообрабатывающая, полиграфическая и пищевая промышленность. Автор обращает внимание на то, что за этими средними показателями скрывается множество мелких предприятий.

Далее рассматриваются отраслевая структура промышленности, ее особенности, показывается изменение удельного веса важнейших отраслей в валовой продукции, подчеркивается благотворное влияние международного социалистического разделения труда на промышленность Чехословакии.

Интересен раздел, посвященный территориальной структуре промышленности. Автор рассказывает о размещении чехословацкой промышленности — процессе, происходившем в течение веков, и о тех существенных сдвигах, которые произошли в размещении за годы народной власти. Говоря о поставленной народно-демократической властью задаче более равномерного распределения промышленности по территории страны, И. М. Маергойз правильно подчеркивает, что равномерность следует понимать как стремление к возможно более полному использованию промышленных ресурсов и выгод экономико-географического положения всех районов страны, а отнюдь не как стремление к одинаковому насыщению территории промышленным производством (стр. 195—196). Большой сдвиг в размещении промышленности связан с индустриализацией Словакии. Автор приводит данные, свидетельствующие об успехах Словакии: ее доля в производстве ЧССР увеличилась за десятилетие почти на 50%, а по сравнению с довоенным временем ее промышленная продукция возросла в 12 раз. В 1963 г. Словакия дала 18,5% промышленной продукции страны (стр. 197).

Крупнейшим изменением в размещении чехословацкой промышленности автор считает снижение доли районов с преимущественным развитием легкой индустрии на севере и западе чешских областей и большое увеличение удельного веса отсталых в прошлом, прежде всего восточных,

районов страны (стр. 202). Автор показывает особенности территориальной концентрации чехословацкой промышленности по сравнению с другими странами Европы.

В монографии дается обстоятельная характеристика отдельных отраслей промышленности и промышленных районов страны. Избранный автором критерий для классификации предприятий, основанный на изучении технологии производства, позволяет правильно определить особенности отдельных отраслей, глубже проанализировать их структуру.

Сельскому хозяйству, транспорту, внешнеэкономическим связям посвящена третья часть книги. Несмотря на то, что этим отраслям народного хозяйства уделено значительно меньше места, автор сумел осветить их основные черты и особенности.

В главе о внешнеэкономических связях автор подчеркнул важное значение внешних связей для Чехословакии в силу ряда особенностей ее экономического развития и отметил широкое участие Чехословакии в международном социалистическом разделении труда.

Книга снабжена картами, таблицами, большим списком использованной литературы, указателем географических названий. Имеющиеся отдельные недостатки (например, небрежность некоторых формулировок во «Введении», недостаточное внимание к сложной проблеме подготовки квалифицированных кадров, еще далеко не решенной в Чехословакии) не снижают общей высокой оценки работы.

Книга представляет большой интерес не только для людей, занимающихся экономической географией. Она несомненно привлечет внимание всех, интересующихся социалистическим строительством в Чехословакии.

Н. А. Шленова

VLADO STRUGAR. *Jugoslavenske socijaldemokratske stranke 1914—1918*. Zagreb, 1963, 322 s.

В. СТРУГАР. *Югославянские социал-демократические партии в 1914—1918 гг.*

В. Стругар уже известен советским историкам-славистам своими исследованиями в области социалистического и рабочего движения народов Югославии.

По словам автора, в отличие от его предыдущих работ, где говорилось в основном о пропаганде социалистам идеи национального объединения¹, в данной книге он хотел показать историю югославянской социал-демократии в период, когда эта идея претворялась в жизнь (стр. 4).

Период первой мировой войны занимает особое место в истории югославянских социал-демократических партий. В сложных условиях военного времени, когда решался вопрос о судьбе югославянских народов, социалисты должны были сохранить и упрочить свое влияние в массах, выработать новую программу деятельности с учетом сложившейся обстановки и возглавить борьбу за социальное и национальное освобож-

¹ V. Strugar. *Socijalna demokratija o nacionalnom pitanju jugoslovenskih naroda*. Beograd, 1956; V. Strugar. *Socijaldemokratija o stvaranju Jugoslavije*. Beograd, 1963.

дение. Отстаивая свои классовые пролетарские позиции, представители социал-демократических партий неизбежно сталкивались с националистическими устремлениями и шовинизмом буржуазных кругов. Кроме того, югославянские социалистические организации и группы действовали в этот период обособленно. Внутри самих организаций выявились разногласия по ряду принципиальных вопросов: об отношении к правительству и политике буржуазных партий, о характере войны, о судьбе II Интернационала и международного рабочего движения. На заключительном этапе войны, особенно под влиянием победы Великой Октябрьской социалистической революции и в результате революционного подъема в югославянских землях, эти разногласия привели к размежеванию и к более четкому оформлению революционного и оппортунистического течений в югославянском социал-демократическом движении. Все отмеченное выше свидетельствует о сложности стоявших перед В. Стругаром задач, тем более, что ни в югославской, ни в зарубежной историографии нет монографических исследований, посвященных этой важной и интересной теме.

Автор сосредоточил свое внимание на деятельности четырех социал-демократических партий югославянских земель в годы первой мировой войны: Сербской социал-демократической партии (ССДП), Социал-демократической партии Боснии и Герцеговины (СДПБиГ), Социал-демократической партии Хорватии и Славонии и Югославянской социал-демократической партии (Словении). Изложение истории социал-демократических партий дается, к сожалению, в отрыве от рабочего движения и анализа социально-экономических условий.

Большим достоинством работы В. Стругара является введение в научный оборот ранее неизвестных или малоизвестных архивных документов. Широко используются материалы социалистической и буржуазной прессы, а также мемуары деятелей рабочего и социалистического движения.

В своем исследовании Стругар выдвигает некоторые положения, с которыми нельзя согласиться. Так, характеризуя международное социалистическое движение в годы первой мировой войны, автор видит в нем три течения: интернационалистское, представители которого остались верными идее классовой борьбы, социалистов-националистов, и, наконец, социал-патриотическое течение (стр. 8). К социалистам-националистам автор относит тех социалистов «в поработанных странах, которые сотрудничали со всеми классами своего народа в борьбе за национальное освобождение» (стр. 8). При этом Стругар полагает, что в югославянских социал-демократических партиях не было социал-патриотов, а основная масса социалистов-националистов якобы сразу после освобождения страны и создания единого государства присоединилась к левому интернационалистскому течению, отказавшись от своих прежних концепций (стр. 9). Думается, что такое категоричное утверждение автора неправомерно.

Прежде всего применение термина «социалисты-националисты» является неудачным. В. И. Ленин использовал его для определения крайних оппортунистов в период империалистической войны. Так, в работе «Под чужим флагом» Ленин писал: «Основная идея оппортунизма есть союз или сближение (иногда соглашение, блок и т. д.) буржуазии и ее антипода. Основная идея социал-национализма совершенно та же самая. Идеино-политическое родство, связь, даже тождество оппортунизма и социал-национализма не подлежит никакому сомнению»².

² В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 151.

Далее, в рядах югославянского рабочего класса в годы войны имели место социал-патриотические взгляды, на что указывали и наиболее авторитетные руководители социал-демократического движения. Душан Попович, например, отмечал социал-патриотические воззрения у ряда деятелей Парижского комитета ССДП, а его печатный орган — газету «Будущее» («Будућност») упрекал в пропаганде национализма³, хотя в целом ССДП в годы войны занимала наиболее левые позиции. Что же касается лидеров хорватских и словенских социалистов, то их политика по ряду вопросов фактически не отличалась от политики национальной буржуазии.

И, наконец, автор упрощенно подходит к вопросу об объединении рабочего и социалистического движения в югославянских землях после окончания войны. Оппортунисты не прекратили выступлений против революционной теории и практики и в послевоенные годы после создания единой Социалистической рабочей партии Югославии (коммунистов). Об этом говорил, в частности, Иосип Броз-Тито, в политическом отчете ЦК КПЮ на V съезде КПЮ⁴.

Первая глава книги В. Стругара посвящена Сербской социал-демократической партии (стр. 11—111). На основе большого фактического материала буквально день за днем прослежена деятельность сербских социалистов в первые месяцы войны: их выступления в печати и в скупщине за мир, против милитаризма и злоупотреблений правящих кругов. Удачно использованы мемуары депутата-социалиста Триши Кацлеровича. Большой интерес представляют материалы о работе сербских социалистических групп на Солунском фронте, во Франции и Швейцарии, о выступлениях социалистов Сербии на международных конференциях, об их контактах с болгарскими «тесняками».

К сожалению, приходится отметить, что в ряде случаев автор ограничивается простым пересказом событий. В работе отсутствует критический анализ деятельности Парижского комитета ССДП, нет принципиальной оценки политики отдельных лидеров рабочего движения (Драгиши Ланчевича и др.). Слабо показан процесс воссоздания партийных и профсоюзных организаций в 1917—1918 гг., без чего нельзя правильно оценить роль сербских социал-демократов в образовании СРПЮ(к) в апреле 1919 г.

Во второй главе рассмотрены важнейшие события в истории Социал-демократической партии Боснии и Герцеговины (стр. 133—186). Основное место в главе отводится изложению позиций СДПБиГ в период оживления рабочего движения. Специальные разделы посвящены присоединению Социал-демократической партии Боснии и Герцеговины к Циммервальдскому движению, областной партийной конференции в феврале 1918 г. и взаимоотношениям с другими социалистическими партиями. На наш взгляд, автор несколько преувеличивает значение присоединения СДПБиГ к Циммервальдскому движению в декабре 1917 г. Следовало бы подчеркнуть, что в этот период «все циммервальдское большинство скапилось к социал-пацифизму»⁵.

В третьей главе показана деятельность Социал-демократической партии Хорватии и Славонии (стр. 187—246). В связи с мобилизацией и чрезвычайными правительственными мерами социалистическая пропаганда в этих югославянских областях с началом войны была прекращена и

³ «Српски социјалистички покрет за време првог светског рата». Београд, 1958, с. 117, 147.

⁴ См. Ј. Броз-Тито. Говори и чланци. III књига. Загреб, 1959, стр. 290, 293, 297—298.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 176.

возобновилась только спустя три года. Процесс воссоздания рабочих организаций, начавшийся с весны 1917 г., шел параллельно с идейным и организационным размежеванием в рядах социалистов. Стругар излагает позиции двух противоположных течений в социалистическом движении Хорватии и Славонии: группы «пассивных», которая избрала тактику выжидания и сотрудничества с национальной буржуазией, и группы «активных», составлявших левое крыло.

Большой интерес вызывают приведенные в главе материалы архивов и прессы о праздновании 1 Мая 1918 г. в городах Хорватии и Славонии, о создании Рабочего совета, об откликах на события в Советской России.

В четвертой главе освещается деятельность Югославянской социал-демократической партии Словении (стр. 247—311). Как и в Хорватии, в Словении в первые годы войны была затруднена пропаганда социалистических идей. Партийные организации функционировали только в нескольких промышленных центрах Словении и в эмиграции. В частности, в главе приводятся сведения о выступлениях словенских социалистов в США.

Центральное место отводится изложению программных заявлений по национальному вопросу отдельных представителей ЮСДП (Хенрика Тумы, Ивана Цанкара, Албина Препелуха и др.). Суть разногласий, содержащихся в этих заявлениях, остается, однако, нескрытой. Автор, к сожалению, не дает последовательной критики теории культурно-национальной автономии.

В целом работа В. Стругара оставляет впечатление незавершенной. Отчасти это объясняется отсутствием в ней заключительного раздела и обобщающих выводов. Порой трудно понять, где автор кончает цитировать источники и переходит к изложению своей точки зрения.

В заключение следует отметить, что книга В. Стругара, базирующаяся на большом фактическом материале⁶, представляет собой первое систематическое изложение деятельности югославянских социал-демократических партий в годы первой мировой войны. Поэтому, несмотря на серьезные недостатки, о которых говорилось выше, она является известным вкладом в дальнейшую разработку этой темы.

М. М. Сумарокова

⁶ Ряд замечаний по отдельным неточностям фактического материала содержится в рецензии югославского историка Славолюба Цветковича. См. «Jugoslovenski istorijski časopis». Beograd, 1963. № 4. с. 113—116.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ПАМЯТНИКА СРЕДНЕВЕКОВОГО СЛАВЯНСКОГО ПРАВА

Три новых издания законника Стефана Душана (критическое, выпущенное Сербской академией наук и искусств¹, и два хрестоматийных²) явились немаловажным пополнением обширной историографии этого ценного источника.

¹ Н. Радојчић. Законик цара Стефана Душана 1349 и 1354. Београд, 1960, 176 стр.

² «Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы». М., 1961, стр. 891—915 (125 статей, сост. Г. В. Александренко); «Хрестоматия по истории средних веков», т. II. М., 1963, стр. 687—697 (88 статей, сост. Г. В. Раевский).

Публикации сводного текста Законника (в оригинале и современном сербском переводе) акад. Н. Радойчич предпослал подробный перечень сохранившихся списков данного кодекса и весьма интересный обзор его изданий и переводов. Он будет во многом содействовать дальнейшему, еще более углубленному исследованию истории феодальной Сербии и смежных с нею областей, входивших в состав громадной Сербо-греческой империи Душана, изучению социально-экономического и политического строя этих районов Балканского полуострова, истории славянского права и культурных связей Византии и южнославянских народов. В свою очередь, появление переводов Законника в двух новых советских хрестоматиях тем более полезно, что русские переводы данного памятника в советских изданиях истекшего десятилетия включают гораздо меньше статей³, а полный русский перевод Ф. Ф. Зигеля (1872), ставший библиографической редкостью, требует уже определенных исправлений и уточнений⁴.

На наш взгляд, самым существенным — и притом общим для двух хрестоматийных изданий — недостатком является чрезмерное предпочтение Призренского списка Законника (в качестве основы издания его текста) всем другим, в том числе и наиболее древним спискам памятника. Если ранее такое предпочтение Призренского списка можно было объяснить существовавшим представлением о нем как о самом старом списке, происходящем к тому же из Призрена, средневековой столицы Сербии, то теперь уже установлено, что Призренский список относится лишь к началу XVI в. Кроме того, он во многом неточен, содержит прямые ошибки и пропуски статей, хотя и восходит к весьма полному протографу.

Ввиду этого акад. Н. Радойчич, подготавливая свое критическое издание источника, отказался от простого повторения текста Призренского списка, как это сделал С. Новакович (1898)⁵, и попытался создать сводный текст по Стружскому, Афонскому, Бистрицкому, Призренскому, Ходошскому и Раковацкому спискам. Несомненно, что отказ Н. Радойчича от перепечатывания всех статей Призренского списка является весьма важным шагом вперед в изучении Законника и создает перспективы для воссоздания текста данного законодательного кодекса, наиболее близкого оригиналу. Однако, сделав этот шаг, Н. Радойчич не был вполне последователен в отборе статей и заголовков для своего издания, зачастую без достаточных оснований следуя Призренскому списку.

Так, например, в сводный текст Законника им включены 26 статей из Призренского списка, хотя, по нашему мнению, в издание следовало включить лишь четыре (ст. 38, 39, 164, 186), отсутствующие в наиболее древних рукописях. Вызывают возражения и весьма частые ссылки на Призренскую рукопись (в частности, при заглавиях статей, при хронологической пометке 1353—1354 гг.). Ст. 34-ю («О сель мирошьскомъ»), весьма интересную и важную для выяснения положения церковных и монастырских крестьян, для изучения церковного иммунитета и хозяйства в царских имениях, Н. Радойчич дает только по Призренскому списку, не указывая значительных разночтений по Афонской и Бистрицкой рукописям⁶. Между тем, начало статьи по этим двум древним спискам

³ «Хрестоматия по истории средних веков», т. II. М., 1950, стр. 202—208 (57 статей); Э. М. Черниловский. История феодального государства и права. М., 1959, стр. 349—354 (48 статей).

⁴ Перевод Ф. Ф. Зигеля был перепечатан П. А. Лавровым (П. А. Лавров. История южных славян. Лекции, прочитанные в Московском университете в 1895—96 г. М., литограф. изд., б/г, стр. 3—39).

⁵ С. Новаковић. Законик Стефана Душана цара српског 1349 и 1354. Београд, 1898.

⁶ Н. Радойчић. Там же, стр. 49.

гораздо точнее и стилистически последовательнее, чем в Призренском списке. В частности, в Афонской⁷ и Бистрицкой⁸ рукописях нет весьма неопределенного и сомнительного термина «Загорие», который безуспешно пытался объяснить еще С. Новакович⁹.

В издании Н. Радойчича, к сожалению, отсутствует раздел о структуре Законника и хронологии отдельных его составных частей, о различных его редакциях, а также указатель статей по отдельным его спискам. Это затрудняет пользование публикацией.

Если издание Н. Радойчича несомненно является шагом вперед в исследовании Законника, то новые русские переводы в двух названных выше хрестоматиях представляют, на наш взгляд, шаг назад с точки зрения текстологии памятника в силу того, что составители (Г. В. Раевский и Г. В. Александренко) опирались на издание Ф. Ф. Зигеля, а не на общепризнанную и общеупотребительную в работах советских историков публикацию Законника, подготовленную С. Новаковичем (в особенности это касается нумерации статей и полноты текста, представленного по многим спискам). Перепечатка статей Законника со старой нумерацией создает лишь путаницу, если учесть, что в издании Зигеля некоторые номера статей повторяются (например, ст. 182, 186 и др.).

Е. П. Наумов

⁷ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 87, № 1708, лл. 213 об.—214 (ср. Т. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888, прил. II, стр. 17).

⁸ Отдел рукописей Государственного Исторического музея, собрание Е. В. Барсова, № 151, л. 184 (ср. С. Новакович. Законник..., стр. 32—33).

⁹ С. Новакович. Законник... стр. 32—33.

W. HENSEL. Archeologia o początkach miast słowiańskich. Wrocław — Warszawa — Kraków. 1963, 187 s.

В. ХЕНСЕЛЬ. Археология о начале славянских городов

Книга видного польского археолога и историка проф. Витольда Хенселя является первой в историографии славянских стран попыткой на основании новейших достижений советской, польской, чехословацкой и немецкой археологии дать синтетический, построенный в сравнительно-историческом плане труд о происхождении и развитии славянского города с момента его зарождения по XIII в. включительно. Речь идет о городе до периода немецкой колонизации и заимствования с запада норм городской права, т. е. именно в той эпохе в истории славянского города, которая является предметом длительного спора между марксистской историографией и значительной частью буржуазных историков, не желающих вопреки имеющимся фактам признавать существование славянского города до периода немецкой колонизации и отрицающих закономерности появления города и городской жизни у славян в силу внутренних процессов их социально-экономического развития¹.

¹ См., например, H. Preidel. Die slawische Stadt und ihre Problematik.— «Die Welt der Slawen», 1959, № 3. Подробный разбор концепции буржуазных историков о происхождении славянских городов, особенно городов Киевской Руси, см. в кн.: В. П. Шухарин. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964, стр. 51—67; А. Л. Хорошкевич. Русский город 11—16 вв. в современной буржуазной науке. В сб.: «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». М., 1962.

Предметом исследования автора являются не все славянские земли. В. Хенсель ограничил свои задачи изучением городской жизни у восточных и западных славян², оставив вне поля своего зрения южнославянский город. Такое ограничение (оно, кстати, оговорено в книге) представляется нам вполне закономерным. В то время как у восточных и западных славян феодальный город складывался в аналогичных или весьма близких условиях и раннефеодальному городу не предшествовал здесь город античной эпохи, на Балканах и в Паннонии дело обстояло иначе. Исследование южнославянского города неизбежно должно поставить перед историком проблему социально-экономического синтеза античного и варварского мира на Балканах, которая, если исключить Византию, совершенно не изучена еще в литературе и порою просто обходится даже в трудах сводного характера³.

Рассматриваемая книга состоит из введения, четырех глав («Из области методики изучения городских центров», «Отличительные моменты и узловые даты развития ранних городов», «Зародыши городов» и «Города на локальном праве») и заключения. К книге приложены указатели имен, географических названий и список иллюстраций, вместе с картами и схемами насчитывающий 129 названий.

Богатый картографический материал, так же как и многочисленные схемы и иллюстрации, выполняют в книге не просто вспомогательные функции. Они в определенной мере — самостоятельная и очень важная часть труда В. Хенселя, избавляющая его от необходимости давать слишком пространные и тяжелые для восприятия пояснения к своим мыслям, а порою даже повторяться. Читатель же имеет возможность легко ориентироваться в сложном материале, с предельной лаконичностью излагаемом в книге.

Приступая к анализу археологических источников, характеризующих средневековый город, автор совершенно закономерно связывает вопросы зарождения городов как экономических центров с вопросами классового образования и возникновения государственности. На историческую связь между этими явлениями — возникновением городов и образованием классового общества, появлением цивилизации указывал еще Ф. Энгельс⁴.

В соответствии с такой методологической установкой В. Хенсель и строит свою книгу. Автор принадлежит к числу тех исследователей, которые относят начало раннефеодального периода к сравнительно ранней дате. В данной книге речь идет о VI в. (стр. 17). В свое время автор этой рецензии предложил считать начальной гранью раннефеодального периода VII в.⁵

Нужно сказать, что такое решение вопроса о начальном рубеже феодальной эпохи у славян не является общепринятым. Ряд советских, польских и особенно чехословацких историков придерживаются более поздней датировки ее начала, относя его к VIII и даже IX в.⁶

Проанализированный В. Хенселем археологический материал позволяет говорить о зародышах городской жизни у славян (речь идет о территории Моравии) уже в VII—VIII вв. (стр. 37—40) и как нельзя лучше, на наш взгляд, подтверждает точку зрения на периодизацию феодально-

² В книге Хенселя значительно менее подробно изложена история городов и городской жизни у полабо-прибалтийских славян, что объясняется неразработанностью этой проблематики в специальной литературе.

³ См., например: «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 47—54; «История Югославии», т. I. М., 1963, стр. 27—40.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 164.

⁵ В. Д. Корольюк. Некоторые общие закономерности раннефеодальной истории восточных и западных славян. КСИС, № 39, М., 1963.

⁶ Там же.

го периода, изложенную в ряде работ самого Хенселя, а также других историков как за границей, так и в СССР.

Не менее показателен в этом смысле выделяемый В. Хенселем конечный рубеж этого первого периода в истории славянского города, когда он существовал лишь в своей зародышевой форме. Таким рубежом для восточных и западных славян автор считает X в. С этого времени можно уже определенно говорить о существовании славянского города в полном смысле этого слова. К сожалению, автор, в сущности, не касается вопроса о том, с какой степенью интенсивности процесс эволюции городов-зародышей в развитые средневековые города происходил в пространстве и времени в отдельных славянских странах. X век берется как общая грань.

Но если проанализированный автором археологический материал дает такую общую картину исторического развития славянского города, то нельзя не заметить, что она достаточно хорошо совмещается с неоднократно предлагавшимися уже в литературе схемами внутренней периодизации раннефеодального периода и развития раннефеодальной государственности. Речь идет о попытках выделить в рамках раннефеодального периода два подпериода: 1) зарождения феодальных отношений и возникновения государственности и 2) становления феодальных отношений и образования относительно единых крупных раннефеодальных держав. Применительно к Польше условной гранью между двумя этими подпериодами можно было бы считать вторую половину IX в. и первую половину X в.⁷

Самой крупной в книге является глава IV, в которой трактуются вопросы исторического развития славянских городов на местном (локальном, по терминологии автора) праве. Эта глава наиболее насыщена материалом как археологических, так и письменных источников. В ней же сконцентрирована и основная масса иллюстративного материала, что вполне понятно, принимая во внимание широкий размах изучения славянского города IX—XII вв. В этой главе автор подробно характеризует внутреннее устройство и социальную организацию славянского города, останавливается на вопросах организации и роста городской территории, в связи с развитием городского ремесла касается проблемы численности городского населения и показывает тесную связь, существовавшую между городом и его сельскохозяйственной округой. Расстояние между крупными городскими центрами (В. Хенсель оперирует данными, относящимися к Руси и Польше) в среднем составляло 50—60 км, между крупными и средними — около 25—30 км, а между ними могли находиться совсем мелкие центры ремесла и торговли (стр. 109—113). Много внимания уделяется вопросам местной и международной торговли.

Вопросы классовой борьбы в раннефеодальных городах на Руси и влияния выступлений городского населения на эволюцию его правового положения довольно подробно разработаны в советской историографии, особенно в трудах М. Н. Тихомирова и Б. А. Рыбакова⁸. В самое последнее время было обращено внимание на активное участие с начала IX в. русского городского населения в политической жизни страны⁹.

К сожалению, применительно к Польше, из-за недостатка письменных источников, вопросы эти до сих пор фактически не изучались. Используя сравнительный материал и опираясь на некоторые косвенные по-

⁷ «История Польши», т. I, 2-е изд. М., 1956, стр. 34; В. Д. Королук. Древнепольское государство. М., 1957, стр. 84.

⁸ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956; Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955; Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

⁹ В. Д. Королук. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964.

казания письменных источников, В. Хенсель приходит к заключению, что борьба за городские свободы, хотя и в более слабой форме, чем на Руси и на Западе, происходила и в Польше, подготавливая тем самым юридическое оформление средневекового городского строя (стр. 120—121)¹⁰. Таким образом, и применительно к Польше В. Хенсель делает принципиально тот же самый чрезвычайно важный вывод, который был сделан еще прежде применительно к Руси¹¹. В самой краткой форме он может быть сведен к следующим положениям: 1) в своем развитии славянский город проходил те же стадии развития, что и города Западной Европы; 2) в славянских городах складывались принципиально те же, типичные для феодализма формы организации ремесла и торговли, что и на Западе; 3) у славян так же шел процесс формирования особого городского строя с особым городским правом, и поэтому нет никаких оснований противопоставлять славянские города городам остальной Европы: они были самостоятельным и активным участником общеевропейского процесса образования городов как центров ремесла и торговли и складывания городского строя.

Вывод этот и определяет большую научную ценность книги В. Хенселя, которая, несомненно, привлечет к себе внимание советских историков и археологов.

В. Д. Корольюк

¹⁰ В этой связи, возможно, не лишним будет отметить, что эти проблемы польской истории поднимались уже в советской литературе (см. «История Польши», т. I. М., 1954, стр. 62), но не встретили в свое время поддержки со стороны польских рецензентов (см. рецензию С. Арнольда, Ю. Бардаха и С. Кеневича на первый том «Истории Польши», «Kwartalnik historyczny», 1964, № 4).

¹¹ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, стр. 5.

BOGO GRAFENAURE. Kmečki upori na Slovenskem. Ljubljana, 1962, 482 s.
Б. ГРАФЕНАУЕР. *Крестьянские восстания в Словении*

Тема крестьянских восстаний — давняя и любимая тема известного югославского историка, профессора Люблянского университета Б. Графенауера, первая работа которого по этому вопросу вышла еще в 1939 г.

Данная книга является плодом более чем двадцатилетнего труда ученого. Это первое исследование, специально посвященное крестьянским восстаниям в Словении и написанное на огромном фактическом материале с марксистских позиций.

Монография Графенауера охватывает период с конца XV в. до 1848 г., т. е. до ликвидации в словенских землях феодальной системы. Она состоит из одиннадцати глав. В первой главе освещается положение словенских крестьян в конце XV — начале XVI в. и причины крестьянских восстаний в это время, во второй — восстание словенских крестьян в Каринтии 1478 г. Но наиболее интересна третья глава — о восстании 1515 г., самом крупном не только в словенских землях, но и одном из наиболее значительных среди крестьянских восстаний того времени в Европе. Ф. Энгельс писал о нем, как об одном из восстаний, предшествовавших Великой крестьянской войне в Германии¹.

В четвертой главе рассматриваются положение крестьян и их волнения в середине XVI в., в пятой — хорватско-словенское восстание 1573 г. В шестой и седьмой главах дается обзор крестьянских волнений с конца XVI до конца XVII в., в частности рассматривается и крупнейшее в XVII в.

¹ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 390.

восстание штирийских и краинских крестьян в 1635 г. Глава восьмая посвящена Великому Толминскому крестьянскому восстанию 1713 г.

В главе девятой рассказывается о крестьянских волнениях во второй половине XVIII — первой половине XIX в., в десятой — о крестьянском движении 1848 г., нанесшем окончательный удар феодальным порядкам в австрийских землях. Наконец, последняя, одиннадцатая глава посвящена характеристике и значению крестьянских восстаний в истории Словении.

Поскольку в период феодализма классовое и национальное деление в Словении совпадало (крестьяне были словенцами, а феодалы — немцами), Графенауер совершенно справедливо приходит в своем труде к выводу, что именно благодаря крестьянским восстаниям словенский народ после многих веков молчания вновь вышел на арену политической истории своей страны, как главная движущая сила исторического прогресса.

Важной чертой исследования Графенауера являются тщательный анализ и критика источников. Так, например, ему удалось выяснить, что упомянутое одним источником и широко использованное в историографии сражение под Брежицей в сентябре 1515 г. в действительности не происходило.

При всех своих достоинствах работа Б. Графенауера не лишена недостатков. В частности, вызывает сомнение трактовка им протестантского движения в Словении, как движения, выразившего прежде всего чаяния дворянства, его стремления к неограниченной эксплуатации крестьян. Участие многих дворянских фамилий в реформационном движении еще не говорит об исключительно феодальном характере последнего: многие из дворян (особенно из числа протестантов) были связаны с ранним капитализмом.

Некоторое сомнение вызывает и утверждение Б. Графенауера, что восстания 1809 и 1813 гг. против французской оккупации являются сугубо делом рук австрийских властей (стр. 404). Несомненно, агенты австрийского правительства использовали недовольство крестьян, но само оно было вызвано объективными условиями: ростом налогов, различных поборов и повинностей в пользу французских оккупантов.

Монография Б. Графенауера — одна из наиболее интересных книг по истории народов Югославии, вышедших за последние годы. Присуждение ей государственной премии Югославии — доказательство высокой оценки труда ученого.

И. В. Чуркина

ВОПРОСЫ ЧЕШСКО-РУССКИХ И СЛОВАЦКО-РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В ДВУХ ИЗДАНИЯХ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) к V Международному съезду славистов подготовил ряд изданий, посвященных русско-славянским литературным связям¹. На освещении вопросов, связанных в основном с изучением русско-чешских и словацко-русских литературных связей, в двух из этих изданий нам и хотелось бы коротко остановиться.

¹ «Русская литература XVIII века и славянские литературы». М.—Л., 1963; «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.». М.—Л., 1963.

В первой книге прежде всего привлекает внимание статья П. Н. Беркова «Русская литература XVIII века и другие славянские литературы XVIII—XX вв.». Автор вполне прав, поднимая вопрос о пересмотре отношения ученых к проблеме «взаимоотношения русской и славянских литератур в XVIII веке», а также о необходимости изучения перекрестных взаимосвязей славянских литератур XIX и XX вв. с традициями словесности славян, восходящими к XVIII в. Содержащиеся в статье примеры, особенно из истории литературных отношений России с южными славянами, убедительно доказывают правомерность и важность этого вопроса. Что касается чешско-русских и словацко-русских отношений, то эти примеры могли бы быть пополнены. Так, для изучающих литературные связи XVIII в. определенный интерес, как нам кажется, представляли бы сведения о первых русских переводах трудов Коменского «Orbis pictus» («Мир в картинках») и «Janua linguarum» («Дверь языков»), осуществившихся по указанию Петра I примерно тогда же, когда и перевод книги Мауро Орбини «История царства славян...», о которой подробно говорится в статье, а также — о русских изданиях работ Коменского в 1768, 1788 и 1793 гг., об их влиянии на развитие русского просвещения того времени. Мы уже не говорим о многочисленных публикациях трудов Коменского в России в XIX в. Не исключено, что заслуживающие внимания сведения о русско-чешских связях могут быть обнаружены в малоизвестных и малоизученных сочинениях чешских иезуитов, живших в России в эпоху Петра I. Исследователь мог бы, вероятно, обнаружить немало интересного и в путевых дневниках (на лат. яз.) словацкого протестантского священника Даниела Крмана (1663—1740). В 1708—1709 гг. через Польшу, Литву, Восточную Пруссию и Белоруссию Крман прибыл в Могилев с прошением к Карлу XII о помощи евангеликам, далее он шел со шведским войском, а потом вернулся на родину через Украину, Молдавию и Карпаты. По свидетельству словацких литературоведов, в его «живых» путевых заметках, помимо религиозной обстановки, описан «культурный уровень» жителей тех мест, которые он посетил, охарактеризованы «жизнь, нравы, язык, фольклор, образование». Любопытным фактом словацко-русских связей в XVIII в. является стихотворение о Волге, написанное словацким сочинителем и издателем Адамом Колларом (1718—1783). О давнем интересе к чешской и словацкой словесности в России позволяет говорить один из рукописных песенников XVIII в., приобретенных библиотекой Московского университета. Этот, написанный кириллицей, сборник духовных и светских песен содержит 21 песню чешского и словацкого происхождения, среди которых особенно интересны две словацкие песни светского характера («Дина, дина, Руснади...» и «Добра душа ест руснак...»).

Интересны и, думается, плодотворны мысли П. Н. Беркова о проблематике, аспектах и методике изучения литературных связей. Соглашаясь с большинством из них и с особым удовлетворением отмечая в статье пафос поиска новых, более совершенных путей в изучении связей, мы хотели бы обратить внимание лишь на одно обстоятельство. На стр. 15 автор, как можно понять, отождествляет «компаративистское» и «сравнительно-историческое» литературоведение, противопоставляя им «историко-соотностительный» или «историко-сопоставительный» анализ. Не будем касаться правомерности отождествления современной буржуазной компаративистики со сравнительно-историческим изучением литературы, даже таким, каким представляли его в прошлом, так же как и вопроса о принципиальном терминологическом различии между словами «сравнительно-историческое», с одной стороны, и «историко-соотностительный» или «историко-сопоставительный», — с другой. Более существенным нам кажется

здесь иное. Можно ли и нужно ли без каких-либо оговорок считать само понятие «сравнительно-историческое изучение литератур» однозначно отрицательным? С этим, если мы правильно поняли соответствующее место статьи, было бы трудно согласиться. Ведь сравнительно-историческое изучение наряду с конкретно-историческим является вторым ведущим методом научного познания вообще. Напомним, что основной проблематикой V съезда славистов, состоявшегося в Софии, было «сравнительно-историческое изучение славянских языков и литератур».

Конкретному факту из истории культурных отношений XVIII в. посвящено сообщение Е. С. Кулябко «К истории словацко-русских научных связей в XVIII веке. Письма М. Беля в Архиве АН». Оно уточняет историю взаимоотношений словацкого ученого-энциклопедиста, автора ряда известных трудов по истории и лингвистике, с деятелями Российской академии. Жаль, что в сообщении мало сказано о собственно филологической деятельности Беля, если, конечно, для этого давало основание содержание его писем к Бейеру и Гольдбаху.

Вторая книга, посвященная связям XIX в., открывается статьей С. Г. Потепалова «Путешествие П. И. Кеппена по славянским странам», содержащей новые небезынтересные материалы о начальном периоде развития научных контактов между русскими, южнославянскими и западнославянскими, в частности чешскими и словацкими, учеными-славистами. Думается, что статья С. Г. Потепалова могла бы выиграть, если бы автор не сузил ее рамки рассмотрением поездки русского ученого на основании его дневников, а попытался бы дать оценку результатов путешествия, определить его значение для развития славистики в России и славянских странах. Статью обогатили бы и отзывы чешских и словацких культурных деятелей о П. И. Кеппене.

Две обстоятельные работы — «Эрбен и русско-чешские литературные связи» и «Поэзия Эрбена в русских переводах» опубликовал К. И. Ровда.

Первая — синтетический научный разбор историко-филологических и литературных связей крупного чешского поэта и ученого с Россией. Она восполняет существенную страницу в летописи чешско-русских культурных связей. Можно, правда, пожалеть, что автор не использовал 12 пространных писем Эрбена к Срезневскому (1858—1870 гг.), хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства, хотя и ссылается на некоторые отрывки из них, содержащиеся в статье словацкого ученого Р. Бртаня. Заслуживало специального рассмотрения в статье и посещение Эрбеном России в 1867 г. Очевидно, могла бы быть полезной для статьи и заметка об Эрбене, напечатанная в связи с его смертью в «Современной летописи» (1871). И последнее замечание. На стр. 24 чешский историк Фр. Палацкий назван идеологом «австрийского панславизма». Это не точно. По-видимому, здесь имелся в виду его «австрославизм».

Статья К. И. Ровды привлекает не только четкой систематизацией фактического материала, но и стремлением по-новому подойти к изучению литературных связей. Автор, в частности, убедительно показывает, что переводы на чешский язык Пушкина, Гоголя, Тургенева, Лермонтова и других русских классиков включали в «чешский историко-литературный процесс» все «великое наследие русской культуры прошлого, на традициях которого воспитывались эти писатели» (стр. 37). На наш взгляд, это существенная сторона литературных связей, которая недостаточно учитывалась исследователями в прошлом.

Большое удовлетворение доставляет знакомство со второй работой К. И. Ровды, посвященной переводам Эрбена на русский язык. Это едва ли не первый у нас в послевоенные годы профессиональный, тонкий и

умный разбор переводов чешской поэзии. Хорошо, что автор не оказался в плену чар, навеянных именами поэтов, и убедительно раскрыл не только их успехи, но и допущенные в процессе перевода серьезные ошибки. Эту работу весьма полезно было бы прочитать нашим поэтам-переводчикам.

Проблематике русско-чешских и русско-словацких связей XIX в. посвящена также статья Ф. Я. Приймы „Из истории создания «Песен западных славян А. С. Пушкина“. Она интересна, содержит ряд оригинальных наблюдений и выводов, касающихся, главным образом, отношения Пушкина к южным славянам. Однако концентрация внимания автора на выявлении связей «Песен...» с южнославянской словесностью, как нам кажется, несколько помешала ему более четко ответить на вопрос, почему рассматриваемый цикл стихотворений поэт назвал «Песни западных славян» (разрядка наша. — Л. К.). В самом деле, было ли понятие «западные славяне» для Пушкина равнозначно нашему «южные», или же оно включало в себя представление о всех славянских народах, живших за пределами России? Более вероятным представляется второе. Не аргументируя это подробно², мы хотели бы обратить внимание на известную неопределенность позиций Ф. Я. Приймы. С одной стороны, автор полемизирует с В. Йовановичем, который полагал, «что само название «Песни западных славян» появилось у Пушкина вследствие скудости его познаний о географическом местонахождении южных славян» (стр. 108). Правильно считая такую точку зрения ошибочной, Ф. Я. Прийма пишет: «В отличие от Мериме Пушкин не ограничивался миром адриатических славян, он дополнил его Сербией, а включением в цикл «чешской» песни о Яныше Королевиче вышел даже за границы южного славянства. И Пушкин сознательно и не без оснований дал своему циклу название «Песни западных славян», так как оно соответствовало широте замысла поэта». Казалось бы, все ясно. Но несколько дальше стихотворение «Яныш Королевич» характеризуется в статье как возникшее вначале в виде нейтрального в национальном отношении замысла «Русалки» и только впоследствии воплощенное в форму южнославянского эпического стихотворения (стр. 116). А еще дальше, как бы подводя итог размышлениям о работе Пушкина над славянской темой, автор статьи говорит лишь о его занятиях «народной поэзией южных славян». И невольно вновь возникает вопрос, а почему же все-таки «Песни западных славян» поэт назвал «западными»? Такой неопределенности в работе могло бы и не быть при более пристальном и внимательном рассмотрении вопроса об отношении поэта к чешской и словацкой культуре. Помимо упоминающегося в статье сборника «Словацкие песни», в библиотеке Пушкина был ряд чешских книг, позволяющих думать, что он довольно хорошо был знаком с жизнью чехов и словаков. Но еще больше помогло бы ответить на вопрос, почему «Песни...» названы «западными», раскрытие определенной связи стихотворения «Яныш Королевич» с чешской словесностью. Об этом позволяет говорить лексика имен (Яныш, Любуся), «прикрепленность» действия к реке Мораве и некоторые другие элементы чешского колорита. Есть предположение (оно принадлежит П. Г. Богатыреву) что сюжет «Яныша Королевича», так же как и «Русалки», восходит к одной из песен, входящей в упомянутый сборник «Словацких песен», изданный Срезневским.

Итак, многое говорит в пользу того, что «западными» Пушкин называл не только «южных», но вместе с ними и собственно «западных» славян.

² См. «О знакомстве А. С. Пушкина с культурой и общественной жизнью чехов и словаков» (Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР, т. IV, 1951).

Какой-то свет на вопрос об отношении Пушкина к чешской и словацкой культуре проливает любопытное сообщение Плетнева, сделанное им в примечании к повести Гребенки «Мачиха и панна». В нем говорится: «Помещаемая здесь статья напоминает читателям прелестную сказку Пушкина: О мертвой царевне. Он ее заимствовал из чешских преданий»³. Есть и другие факты, позволяющие судить о широте интересов Пушкина по отношению ко всем славянам, жившим за пределами России. Одним из доказательств того, что «западными славянами» Пушкин именовал всех зарубежных славян, является и приведенный в статье черновой перечень стихотворений, которые поэт намеревался включить в цикл «Песни западных славян». Одно из них должно было называться «Конь словака».

В заключение хочется сказать, что обращение русистов к изучению русско-славянских, и в частности чешско-русских и словацко-русских литературных связей, не может не радовать. В упоминавшейся выше статье П. Н. Беркова высказана справедливая мысль, что «успешный ход работы по исследованию взаимоотношений русской литературы XVIII в. и славянских литератур в XVIII—XX вв. зависит от участия в ней как историков русской литературы XVIII в., так и литературоведов-славистов...». В равной мере от объединенных усилий литературоведов-русистов и славистов будет зависеть и дальнейшее изучение русско-славянских литературных связей в XIX—XX вв. Не пора ли организовать и координировать всю работу по изучению русско-славянских литературных связей хотя бы в рамках академических институтов? Для начала это могла бы быть взаимная информация о планируемых работах в этом направлении. Обмен информацией и опытом работы был бы полезен для всех и главное способствовал бы продвижению вперед в изучении одной из важных пока еще мало разработанных областей истории русской и славянских литератур.

Л. С. Кишкин

³ «Современник», 1838, № 4, стр. 97.

ЕЛЕНА ДИМИТРОВА. Христо Смирненски. Живот и творчество Студии. София, 1963

ЭЛЕНА ДИМИТРОВА. Христо Смирненский. Жизнь и творчество

Жизнь и творчество крупнейшего болгарского пролетарского поэта Христо Смирненского привлекают особое внимание исследователей как в Болгарии, так и за рубежом. Существует обширная научная и научно-популярная литература о поэте, изданы воспоминания современников о нем, составлена летопись его жизни и творчества, выпущено полное собрание его сочинений с подробным комментарием. И все же до сих пор ни одна из работ не могла претендовать на целостное и подробное освещение жизненного пути и творчества Смирненского. Книга Элены Димитровой восполняет этот пробел в болгарской критике. Скромный и обаятельный юноша, любящий сын, брат и товарищ, яркий талантливый поэт, певец пролетариата, успевший за свою короткую жизнь создать произведения, которые знаменовали собой новый важный этап в развитии болгарской литературы, коммунист, пламенный борец за освобождение

ние народа из-под ига капитализма — таким предстает читателю образ Смирненского со страниц книги.

Книга состоит из семи монографических глав: «Биография», «Смирненский и болгарская литературная традиция», «По пути к пролетарской поэзии», «Певец восставших рабов», «В творческой лаборатории поэта», «Смирненский — беллетрист» и «Сатирик».

Живо и интересно написана биография Смирненского. Автор умело подошел к богатому фактическому материалу, огромному количеству свидетельств и воспоминаний современников поэта, выбрав наиболее ценное и характерное, достоверное и значительное. Прослежен постепенный процесс формирования Смирненского как поэта и коммуниста. Большое внимание автор книги уделяет идейному становлению поэта, его политическому воспитанию, роли в его жизни и творчестве коммунистической партии. Осенью 1920 г. Смирненский вступает в комсомол, а весной 1921 г. становится членом БКП. Он был образцом дисциплинированного, преданного и сознательного коммуниста. Об этом рассказывают друзья поэта, об этом свидетельствуют его творчество и вся его героическая жизнь.

Большой интерес в книге представляют страницы, посвященные сотрудничеству Смирненского в различных периодических изданиях («К'во да э», «Болгаран», «Червен смях», «Народна армия», «Работнически вестник, научно-литературное приложение» и др.). Э. Димитрова четко характеризует направление каждого из них и отношение к ним поэта. Наряду с участием в партийных изданиях («Червен смях», «Народна армия», «Работнически вестник») поэт на протяжении почти всей своей творческой биографии был связан с популярным юмористическим журналом «Болгаран». Э. Димитрова доказывает, что, сотрудничая в «Болгаране», поэт оставался на строго принципиальных партийных позициях, никогда не шел на компромиссы, а вел настойчивую борьбу за победу прогрессивных тенденций в этом популярном среди широких масс читателей журнале.

Анализируя творчество Смирненского, Э. Димитрова прежде всего останавливается на проблеме литературной традиции. Утверждая, что Смирненский знаменовал новый этап в развитии болгарской литературы, явился основоположником социалистического реализма в Болгарии, она в то же время подчеркивает: «Великое новаторство поэта не возникло на необработанной целине. Оно было подготовлено богатым реалистическим наследством, которое оставили его талантливые предшественники» (стр. 107).

Мысль о творческом усвоении Смирненским достижений классиков болгарской литературы проводится в книге в общем убедительно. Могут вызвать возражения только некоторые конкретные сопоставления. Например, трудно согласиться с утверждением, что существует «известная стилевая близость» (стр. 107) между одами Вазова из «Эпопеи забытых» и стихотворениями Смирненского «Иоганн», «Карл Либкнехт», «Смерть Делеклюза».

Э. Димитрова подробно останавливается на сходстве и различии между творчеством Смирненского и первых болгарских пролетарских писателей Киркова и Полянова, а также говорит об огромном влиянии произведений Горького на формирование художественного метода поэта.

Первый этап творчества Смирненского Э. Димитрова характеризует как период идейных и художественных поисков, формирования пролетарского мировоззрения. Автор не обходит молчанием и заблуждения поэта: кратковременные шовинистические настроения в 1917 г., божественные настроения и нотки отчаяния, явившиеся следствием разочарования в

окружающей действительности. Но Э. Димитрова подчеркивает в то же время, что не это составляло сущность раннего творчества Смирненского. Для лучших его произведений уже на первом этапе характерно реалистическое отношение к действительности, сочувствие народу, резкая критика капиталистических порядков.

«Бессмертные идеи коммунизма придают мощные крылья таланту Смирненского,— пишет Э. Димитрова.—(. . .). Великие революционные события своего времени Смирненский видит глазами партии. Теперь лирическое «я» поэта сливается с миллионами. Он ощущает себя неотделимой частью восставших масс» (стр. 149). Он становится «певцом восставших рабов».

Глава, посвященная зрелому периоду в творчестве Смирненского, в частности его революционной лирике, и по объему и по исследовательскому уровню выделяется в книге. Э. Димитрова дает всесторонний анализ революционной лирики поэта: идейно-тематический, художественный, метрический. В нем много ценных наблюдений и мыслей. Коммунистическая идейность, партийность, народность — черты, свойственные творчеству Смирненского этого периода, которые Э. Димитрова справедливо считает чертами нового метода социалистического реализма. Эти качества особенно ярко проявились в образе лирического героя — убежденного коммуниста, юноши-борца, мечтающего о свободном, счастливом мире для народа и ненавидящего буржуазную действительность.

Вызывают возражение в этой главе некоторые, на наш взгляд, чересчур «сильные», формулировки и высказывания. Например, об «удачном разрешении» Смирненским проблемы положительного героя. Разумеется, нельзя не признать огромных достижений поэта — впервые в его творчестве в полный голос заговорил Пролетарий, Рабочий. Однако надо прямо говорить и об абстрактности положительного героя у Смирненского в большей части его революционных стихотворений. Смирненский действительно «воплотил самые характерные черты рабочего-революционера», но сделал это абстрактно-обобщенно. И здесь скорее прав Пенчо Данчев, утверждая, что поэт не создал «конкретного образа нового героя рабочего класса, революционера из народной среды, рядового партийца...» (стр. 197.— Э. Димитрова возражает против этого утверждения).

Известная абстрактность и обобщенность в обрисовке героя присутствует и в таких стихотворениях Смирненского, как «Иоганн», «Карл Либкнехт», «Смерть Делеклюза», несмотря на то, что в них уже действуют не романтические герои-исполины — «пролетарий», «рабочий», «раб», а реальные лица. Эта характерная для творчества поэта тенденция связана, как нам кажется, с проблемой романтизма у Смирненского. К сожалению, Э. Димитрова уделяет разработке этой проблемы неоправданно малое место.

Серьезные возражения вызывает оценка автором поэзии советского Пролеткульта и «Кузницы» и, особенно, их роли в творчестве Смирненского. Увидев отрицательные стороны поэзии пролеткультовцев и «кузнецов», Э. Димитрова не заметила в ней ничего положительного, нового, полезного. Так, творчество одного из талантливейших рабочих поэтов того времени А. Гастева она представляет исключительно в черном свете. Чувствуется тенденция свалить «вину» за известную абстрактность образов у Смирненского целиком на влияние Пролеткульта и «Кузницы». «Это влияние,— пишет автор книги,— задерживает развитие поэта. Он растет как художник в сложных условиях, которые в значительной мере преодолевает» (стр. 221). Думается, что проблема влияния поэтов советского Пролеткульта и «Кузницы» на Смирненского, или, вернее, их близости, гораздо сложнее. Смирненский смог увидеть в литературе советского Пролеткульта

и группы «Кузница» те главные и, безусловно, положительные стороны, которые сделали эту литературу столь популярной в первые годы после Октябрьской революции, а именно: революционный пафос, исторический оптимизм, революционно-романтическую устремленность в будущее, веру в безграничность возможностей победивших масс. Эти стороны были свойственны и революционной поэзии самого Смирненского, и творчеству пролетарских поэтов некоторых других стран. Причина такой близости не столько в прямом влиянии, сколько в сходной общественно-политической обстановке революционного подъема после победы Октябрьской революции, в пролетарском мировоззрении поэтов. Э. Димитрова упрощает вопрос, объясняя романтическую абстрактность и обобщенность в поэзии Смирненского исключительно влиянием советского Пролеткульта и «Кузницы». Корни этого явления лежат гораздо глубже.

Э. Димитрова считает, что влияние символизма на творчество Смирненского (некоторые образы, поэтический словарь) передавалось отчасти тоже через пролеткультовцев и «кузнецов». Это утверждение она объясняет тем, что Смирненский не разделял реакционные взгляды символистов на поэзию. Но ведь и поэты Пролеткульта и «Кузницы» резко отрицательно относились к упадочническим литературным течениям, однако заимствовали от них поэтические стилевые приемы.

Автор вводит читателя в творческую лабораторию поэта. Приводятся интересные факты, объясняющие появление ряда произведений («Смерть Делеклюза», «Бунт Везувия», «Мы», «Зимние вечера» и др.). Исследователь изучает также процесс работы поэта над своими произведениями, отмечает удивительную легкость, с которой Смирненский писал, и его критическое отношение к своему творчеству, постоянное стремление к совершенствованию, уточнению мысли, идея, улучшению формы.

Две последние главы дают четкое представление о достижениях Смирненского в жанре прозы и сатиры. Э. Димитрова высоко оценивает Смирненского — рассказчика и сатирика, считая, что и этой стороной своего творчества он представляет новый значительный этап в болгарской литературе.

Н. Н. Пономарева

ДВЕ КНИГИ О БОЛЕСЛАВЕ ПРУСЕ

Творчество Б. Пруса постоянно привлекает к себе внимание современных польских литературоведов.

В исследовании Я. Кульчицкой-Салони¹ использован большой документальный материал: польская пресса второй половины XIX—начала XX в., отзывы критики о произведениях Пруса, его письма, воспоминания о писателе и т. д. Автор монографии подробно освещает факты биографии Пруса, о жизни которого нам известно очень мало (Т. Бой-Желенский относил Пруса к числу «наиболее законспирированных писателей»). Особенно интересны страницы, посвященные участию Пруса в восстании 1863—1864 гг. Автором по-новому прочитаны письма Пруса, связанные с восстанием, отмечены отзвуки восстания в произведениях писателя (прежде всего в романе «Кукла»).

¹ Janina Kulczycka-Saloni. Bolesław Prus. Profile. «Wiedza powszechna», Warszawa, 1964, 258 s.

Мировоззрение и творчество Пруса Я. Кульчицкая-Салони анализирует в тесной связи с общественной и литературной жизнью его времени. Наиболее спорным в литературе о Прусе является вопрос об отношении писателя к «варшавскому позитивизму». Автор рецензируемой работы занимает, на наш взгляд, правильную позицию в этом вопросе. Оценивая художественные произведения Пруса, Я. Кульчицкая-Салони отмечает, что их идейно-эстетическая концепция, как правило, расходилась с программой позитивистов. Говоря о рассказах Пруса, автор книги подчеркивает, что в них «проявился скептицизм Пруса по отношению к оптимистической вере в капиталистический прогресс» (стр. 63). В главе о повести «Форпост» исследователь справедливо замечает, что, изображая противоречия между деревней и помещичьей усадьбой, Прус «идет наперекор иллюзиям позитивистов, требующих опеки шляхты над крестьянами» (стр. 117). Но не стоит, как нам кажется, противопоставлять художественному творчеству писателя, «проникнутому глубоким гуманизмом», его публицистику, которая, по мнению автора монографии (см. стр. 98), «служила целям определенного класса» (т. е. буржуазии). Конечно, Прус пропагандировал в своей публицистике отдельные положения позитивизма, но он не был сознательным идеологом буржуазии и развивал позитивистские лозунги в демократическом направлении.

Характеризуя творческий путь писателя, автор показывает эволюцию Пруса-художника от первых, во многом подражательных опытов, от непритязательных юмористических зарисовок к реализму его лучших романов, к яркому художественному новаторству. В книге сделаны интересные наблюдения, раскрывающие художественное своеобразие произведений Пруса, показаны, например, особенности юмора в его романах. Трактовка важнейших произведений Пруса в основном представляется нам убедительной. Однако в некоторых случаях авторская концепция вызывает возражение. В критике, например, давно ведутся споры вокруг образа Вокульского (роман «Кукла»). Автор рассматривает его как представителя «потерянного поколения» после восстания 1863 г. и считает, что писатель стремился прежде всего показать путь молодежи к восстанию, ее участие в нем и судьбы после его поражения. Подобная трактовка несколько сужает, на наш взгляд, замысел романа, который был гораздо шире. Прус показывает в образе Вокульского трагическое столкновение незаурядной, одаренной личности с буржуазным обществом. Предыстория Вокульского нужна писателю не сама по себе, а для того, чтобы показать, в каких условиях сложился характер героя, и объяснить его конфликт с буржуазным обществом. В центре внимания писателя — противоречия и метания Вокульского-буржуа. Об этом говорит и композиция произведения (уже в его начале выступает обогатившийся Вокульский, а предыстория героя рассказывается позже).

Интересны приводимые в книге оценки произведений Пруса критикой, в ряде случаев незаслуженно забытые. К числу их относятся и некоторые работы русских критиков (например, интересная статья Д. Овсяннико-Куликовского «Тургенев и Прус», автор которой, русский ученый, сравнивает образ Мази в романе «Эмансипированные женщины» с образом тургеневской Лизы Калитиной).

Монография Я. Кульчицкой-Салони безусловно является ценным вкладом в изучение творчества Пруса.

Прус много писал по вопросам литературы и эстетики. Борьба писателя за реализм, за активную общественную роль искусства, многие его конкретные высказывания о художественном творчестве не утратили своего значения и до наших дней. Однако специальных работ об этой стороне его деятельности до последнего времени не было. В связи с этим сле-

дует с удовлетворением отметить выход монографии Стефана Мельковского².

Автор опирается в своей работе на литературно-критические статьи и рецензии Пруса, статьи общественно-философского содержания, его газетные фельетоны, не публиковавшиеся ранее рукописные заметки.

В монографии показано, что эстетические взгляды писателя складывались в борьбе за реалистическое искусство, против эпигонов романтизма и идеалистической эстетики.

Интересные новые материалы использованы в разделе, посвященном взглядам Пруса на технику писательского труда. Здесь приводится ряд его наблюдений над композицией литературного произведения, над способами выражения экспрессии, соображения по поводу природы комического, характеризуется прусовская теория повествования и т. д.

Подробно сказано в книге об отношении Пруса к литературной традиции, к современным ему литературным направлениям и авторам. Касаясь рецензий Пруса на произведения Мицкевича, Сенкевича и др., С. Мельковский подчеркивает, что писатель-реалист трактует произведение искусства как общественное явление, требует от художника умения видеть главные тенденции общественного развития.

С. Мельковский не упрощает отношения Пруса к натурализму. Он показывает, что Прус, с одной стороны, защищает произведения Золя и некоторых польских писателей (например, Г. Запольской) от нападок реакционной прессы, обвинявшей их в пропаганде безнравственности и «подрывании основ», с другой стороны, он критикует увлечение натуралистов мелочами и их квазиобъективизм, идущий вразрез с психологической правдой.

Спорным представляется раздел монографии, посвященный отношению Пруса к модернизму. Убеденный реалист, Прус отрицательно отнесся к программе и художественной практике польских модернистов. Для него были неприемлемы концепции Пшибышевского, считавшего, что «искусство не имеет никакой цели», что оно само по себе «абсолют». Автор, трактуя модернизм как новаторское течение, лежащее у истоков всей литературы XX в., делает упор не на критические высказывания Пруса о модернизме, а на те, в которых, по мнению Мельковского, можно найти доброжелательное отношение к модернистам и признание их заслуги. Мы не можем согласиться с утверждением исследователя, что Прус якобы «признавал историческую роль модернистской стилистики в развитии польской литературы» (стр. 245—246). Не рассмотрены в монографии весьма резкие выступления писателя против модернизма в статье «Что такое искусство?» (где Прус солидаризуется со взглядами Л. Н. Толстого в этом вопросе) и в рецензиях на роман «Воскресение». Концепция модернизма, которой придерживается Мельковский, мешала ему, как нам кажется, по достоинству оценить реалистическое мастерство Пруса. «Литературные средства, которыми пользуется Прус при создании образа,— утверждает С. Мельковский,— выглядят чрезвычайно бедными по сравнению с достижениями литературы XX в.» (стр. 122). Сделанные Прусу упреки в «традиционности» его художественного метода вызваны, на наш взгляд, тем, что автор монографии зачастую внешнеисторически оценивает писателя, не выделяет того нового, что он внес в литературу по сравнению с предшественниками. Говоря о реализме XIX в., автор почему-то упорно называет его «буржуазным реализмом». Преувеличено автором, как нам

² Stefan Melkowski. *Poglądy estetyczne i działalność krytycznoliteracka Bolesława Prusa*. PIW, Warszawa, 1963, 274 s.

кажется, влияние позитивизма на общественные и эстетические взгляды Пруса (на стр. 30 говорится, например, что «Прус понимал лозунг общественной полезности искусства как служение широко понятым идеалам философии позитивизма»). Справедливо подчеркивая, что эстетические взгляды Пруса не развивались изолированно от западноевропейской мысли, С. Мельковский сопоставляет их с концепциями И. Тэна, Ж. М. Гийо и Э. Верона, но при этом преувеличивает, как нам кажется, влияние последних на польского писателя.

Тем не менее, при всей спорности отдельных положений, монография С. Мельковского способствует изучению важных вопросов истории польской литературы.

Е. З. Цыбенко

FRANC ZADRAVEC. Miško Kranjec. 1908—1935. Ljubljana, 1963
ФРАНЦ ЗАДРАВЕЦ. Мишко Кранец. 1908—1935

Исследование Ф. Задравца, известного словенского литературоведа, научные интересы которого сосредоточены, главным образом, на литературе 20—30-х годов нашего века, посвящено творчеству крупнейшего современного словенского писателя М. Краньца.

М. Кранец вошел в литературу в конце 20-х годов и очень скоро занял в ней ведущее положение. Он стал одним из зачинателей «нового», или «социального реализма», возникшего в 30-е годы и характеризовавшегося пристальным вниманием к социальной проблематике и революционным духом. Своим высоким эстетическим уровнем словенский социальный реализм был во многом обязан прозе Краньца с ее подлинной художественностью, психологизмом и ярко выраженной индивидуальностью стиля. На протяжении всего творческого пути Кранец был и остается одной из центральных фигур югославской литературы, ее реалистического крыла.

Краньцу посвящено большое количество статей, написанных представителями самых разных течений в югославской критике. Однако монографических исследований творчества писателя до книги Ф. Задравца не существовало.

Работа Ф. Задравца охватывает литературную деятельность Краньца до 1935 г., когда появился его роман «Ось жизни». Этот период творческого пути писателя представляет собой важную фазу в его идейно-художественной эволюции. Ф. Задравец поставил перед собой задачу изучить развитие философских и эстетических взглядов М. Краньца, выяснить соотношение реалистического и романтического начал в его творчестве, определить формы проявления лиризма — одной из доминант эмоционального склада и художественного стиля писателя.

Ф. Задравец использует широкий круг источников — художественные и публицистические произведения Краньца, его литературно-критические статьи, переписку, высказывания критики о нем, материалы периодической печати. Автором хорошо охарактеризованы идейно-философские течения 20—30-х годов в Словении, очень точно обрисована позиция Краньца по отношению к ним. Автор подчеркивает, подтверждая это ссылками на высказывания писателя, что даже тогда, когда Кранец находился под влиянием утопических и идеалистических теорий, он всегда оставался непримиримым к капитализму, не впадал в идеализацию крестьянства и не противопоставлял его пролетариату. Классовое чутье никогда не изменяло ему, помогало преодолевать и религиозные предрассудки и нереаль-

ные представления, о которых исследователь говорит в полный голос, не стремясь навести на изучаемого им писателя «хрестоматийный глянец». Процесс развития взглядов Краньца воспроизведен автором документированно, полно, с тщательным соблюдением принципа историзма.

Эволюция писателя шла, как показывает Задрavec, от ортодоксального католицизма (через Достоевского и агностицизм) к окончательному разрыву с религией. От веры в моральное совершенствование как в единственное средство достижения справедливого общественного строя Кранец пришел к «вере в человеческую натуру, в ее примат над всеми формами и догмами цивилизации, которыми человек огораживает свою жизнь». В дальнейшем эта виталистская вера (сильная сторона которой — в отрицании фальшивых догм господствующей эксплуататорской морали, а слабая — в утопической трактовке человека вне конкретных социально-политических условий) сменилась у Краньца материалистическим пониманием человека как существа, детерминированного общественными отношениями. Писатель пришел к выводу, что только изменение этих отношений создает условия для формирования нового человека, труженика и творца, свободного от капиталистического духа стяжательства.

В монографии убедительно показано, как меняется концепция человека в творчестве Краньца. Вначале его герой «обременен пассивным отношением к общественным вопросам и метафизическим представлением с социальной дифференциации» (стр. 87). Неудовлетворенность героя действительностью, его социальный протест выражаются Краньцем вначале в форме мечты героя о лучшей жизни, которой противостоит безрадостная, почти нищенская реальность. В это время Кранец создает «свой мирный тип» социальной литературы, «которую не заостряет идеологически, но насыщает социальными мечтаниями. Однако социальная мечта не могла долго оставаться нормальной формой борьбы писателя за социальное освобождение человека» (стр. 93). Чем ближе подходит Кранец к материалистическому пониманию общественных закономерностей, тем сильнее развивается в его героях интеллектуальное начало, тем активнее они относятся к действительности, тем яснее они видят, в какую сторону и как она должна измениться. Так появляется у Краньца новый реалистический характер — характер революционера. Задрavec обращает внимание на критику индивидуализма в произведениях Краньца, на утверждение им этических ценностей, выработанных в трудовом коллективе.

Выясняя соотношение романтических и реалистических моментов в творчестве писателя, автор прослеживает процесс преодоления Краньцем романтической условности при сохранении лирической окрашенности его прозы, усиление принципа саморазвития характеров, развитие эпического начала и стремления писателя к историзму повествования. Развивая наблюдения передовой критики 30-х годов, исследователь показывает, как реалистическое изображение жизни в сочинениях Краньца опрокидывает его ошибочные идеологические построения, как растет идейная и эстетическая ценность его произведений.

Ценной стороной книги является глубокое исследование стиля Краньца, который до сих пор характеризовался критиками лишь в общих чертах и не в развитии, а статично, поскольку не было работ, охватывающих творчество писателя в целом.

Ф. Задрavec стремится раскрыть обусловленность выразительных средств писателя особенностями его личности, художественными и идейными задачами, которые он ставил перед собой, литературными воздействиями (в первую очередь воздействием мировой реалистической литературы и творчества И. Цанкера). Так сделан, например, анализ стилистики новелл, написанных до 1934 г.

Однако отдельные разделы книги, посвященные стилю и композиции произведений Краньца (в частности, романа «Песня дороги») перегружены лишними подробностями, вызванными, очевидно, стремлением автора перевести на язык понятий все образное содержание произведений.

Иногда автор прибегает к сугубо абстрактным приемам изложения. Например: «В его эпически-лирическом художественном пространстве эпическое пространство и время обладают особыми эстетическими функциями. Там, где персонажи переживают конфликт между социальным или эротическим идеалом и действительностью, между реальной и предполагаемой действительностью и из своего объективного положения представляют себя в будущее или в иной мир, возникает диссоциация эпического пространства и повествовательного времени как между ними, так и в каждом в отдельности...» (стр. 302—303) и т. д.

Нельзя сказать, чтобы эта интерпретация что-то искажала. Нет, в общем она основана на фактах. Но много ли дают такие формулы? На наш взгляд, они не столь раскрывают особенности повествовательной манеры писателя, сколь омертвляют, обесцвечивают живое «чудо искусства».

Развитие реализма в прозе Краньца, обогащение этого реализма социалистической идейностью справедливо представляется Ф. Задравцем как часть широкого процесса, происходившего в словенской литературе. Передовые деятели литературы, марксистская критика ориентировали Краньца на глубокое изучение социальных процессов современности и их материалистическое объяснение. Этого ждал от него и демократический читатель. И Кранец выполнял «социальный заказ» прогрессивных сил словенского общества, способствуя утверждению нового типа реализма — беспощадно правдивого, раскрывающего революционную перспективу исторического процесса, реализма, которому подвластно все богатство и вся сложность внутреннего мира человека. Таков вывод, к которому Ф. Задравец подводит читателя.

Однако сам автор на завершающем этапе своего труда совершенно неожиданно для читателя и вопреки логике и пафосу всего предшествующего изложения начинает трактовать писателя не как новатора, а как традиционалиста, отставшего от «подлинных новаторов» в лице Дж. Джойса, В. Вульф и М. Пруста. Хотя Кранец в 1930 г. читал Пруста и Вульф, они не повлияли на него, — не без сожаления констатирует Ф. Задравец. И объясняет это тем, что бытовавшие в Словении взгляды на поэтику романа «не наталкивали» писателя «на более глубокие размышления и поиски нового пути в этом эпическом жанре» (стр. 27). Итак, «новые пути» в романе — это пути «потока сознания» и ассоциативного метода. Но Кранец не мог принять их не в силу какой-то эстетической отсталости, а из-за того, что модернистские приемы были совершенно непригодны для выражения его идей и чувств, того общественно-необходимого содержания, которое он хотел вложить в свои произведения.

Возможно, все это связано с определенной недооценкой специфики и новаторства социального, или нового, реализма. Новый реализм и пролетарская литература 20-х годов должны были бы получить более четкое и объективное освещение в работе. Под понятием «пролетарская литература» автор объединяет и революционную поэзию 20-х годов и дилетантские сочинения на «пролетарскую» тему, появлявшиеся в христианско-социалистических журналах. При этом, характеризуя пролетарскую литературу в целом, Ф. Задравец исходит, как нам показалось, из представления о творчестве самых слабых ее представителей, не учитывая художественных достижений тех, кто составлял ее силу (Косовела, Чуфара и др.). Солидаризируясь с резко критической оценкой проле-

тарской литературы, данной Краньцем, он не указывает, к кому она конкретно относится, — а это важно.

Углубленное исследование Ф. Задравцем творчества М. Краньца, судя по появляющимся в печати фрагментам, продолжается. Нам хочется пожелать автору успеха в его работе и дальнейшего развития сильных сторон его исследовательской манеры — в первую очередь историзма.

Е. И. Рябова

«ПУТИ В СЕГОДНЯ»¹

Под таким названием вышел недавно сборник статей по современной чешской литературе, написанных критиками и литературоведами, которые живут и работают в Брно. Авторы — по преимуществу молодые исследователи, но их имена уже достаточно известны литературной обществу. Это М. Сухомел, Ш. Влашин, З. Кожмин и др. Их статьи освещают ряд заметных явлений в литературе последних лет: прозу Трефулки, Прохазки, Фрида, Плугаржа, Кржижа, Ержабека, поэзию Микулашека, Скацела, драматургию Кундеры. На лучших произведениях этих писателей авторы сборника пытаются показать характерные черты современной литературы: подчеркнутый интеллектуализм, аналитичность, отказ от облегченных решений. Некоторые проблемы сегодняшней поэзии — ее «полемическая конфликтность», своеобразие индивидуального творческого поиска — нашли отражение в заметках О. Суса о «мудрой иронии» Скацела, в статье М. Угде.

Естественно, что в статьях с такой тематикой очень много дискуссионного. Различен подход исследователей к материалу. В оценках явлений порой не чувствуется широкого контекста современной литературы. Но в целом сборник представляет несомненный интерес как один из еще немногочисленных трудов по литературе последнего периода и как свидетельство возрастающего внимания к современной литературной проблематике.

С. А. Шерлаимова

¹ «Cesty k dnešku». Redigoval Oleg Sus. Brno, 1964.

СВОД УСТНОГО БОЛГАРСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Софийское издательство «Болгарский писатель» выпустило двенадцатитомную серию книг «Болгарское народное творчество» (1961—1963). Редакционная коллегия (проф. М. Арнаудов, И. Бурин, Х. Вакарельский, проф. П. Динев и Д. Осинин — ответственный редактор), составители и редакторы отдельных томов проделали большую, трудоемкую и сложную работу по отбору и подготовке к печати текстов фольклорных произведений. В серию включены избранные произведения устной народной поэзии из печатных изданий, более чем за сто лет, и архивов институтов Болгарской академии наук и других учреждений. Введение в издание неопубли-

кованных архивных материалов — большая заслуга редакции и составителей томов, так как они расширяют наше знакомство с художественным наследием болгарского народа.

Двенадцать томов этого издания охватывают все основные жанры народного творчества: в первый из них входят юнацкие песни (составитель и редактор И. Бурин), во второй — гайдуцкие (Д. Осинин), в третий — исторические (Х. Вакарельский), в четвертый — мифические (М. Арнаудов), в пятый — обрядовые (М. Арнаудов и Х. Вакарельский), в шестой — любовные (Д. Осинин и И. Бурин), в седьмой — семейно-бытовые (Д. Осинин и Е. Огнянова), в восьмой — трудовые (А. Примовский), в девятый — сказки волшебные и о животных (А. Каралийчев и В. Вылчев), в десятый — бытовые сказки и анекдоты (П. Динеков и С. Стойкова), в одиннадцатый — народные предания и легенды (Ц. Романска и Е. Огнянова), в двенадцатый — пословицы, поговорки и загадки (Ц. Минков). Такой состав серии и такую классификацию жанров можно признать обоснованными. Правда, возникают и некоторые недоумения, например в связи с отсутствием баллад как самостоятельного фольклорного жанра. Разве этот жанр не свойствен болгарскому народному творчеству? Или тут принята классификация, которая не предусматривает выделения этого жанра? На этот вопрос в издании нет ответа.

Книги этой серии имеют четкую композицию. Каждая книга включает в себя вступительную статью, тексты, примечания, список использованных материалов, словарь малоизвестных слов, а в некоторых случаях и указатели. Последний том заканчивается двумя такими указателями: указателем песен и указателем прозаических произведений. К сожалению, оба эти указателя не обозначены в содержании тома, и читатель случайно открывает их для себя.

Внутри каждого тома тексты распределены по традиционному в болгарской фольклористике тематическому принципу. Правда, здесь внесено и кое-что новое. Так, в томах, посвященных юнацким и гайдуцким песням, тексты распределяются по поэтическим разделам. В каждом разделе сгруппированы песни, близкие между собою по изображаемым явлениям. Принцип построения тома исторических песен несколько иной. Песни группируются сообразно историческим периодам и событиям, которым они посвящены. Очевидно, можно было бы соединить оба принципа последовательно. В дальнейших томах редакция возвращается к тематическому принципу. Некоторые тома делятся на весьма мелкие разделы. Впрочем, это обосновано или тематикой песен, или характером обрядов, сопровождаемых песнями.

Издание содержит большой материал: 2466 песен, 430 сказок и анекдотов, 292 предания и легенды, около 13 тысяч пословиц, 960 загадок и др. Но это лишь небольшая часть собранного фольклористами материала. Тем не менее отбор следует признать удачным: он дает представление о всем народном творчестве, его богатстве, его составе. Отбирая тексты редакция руководствовалась следующими правилами: включать в издание лучшие в художественном отношении тексты, представить все основные жанры и тематические группы. И только некоторые разделы народного творчества (например, детский фольклор) представлены немногими образцами.

Перед редакцией стояли сложные и трудные вопросы. Записи текстов были разнотипны, одни точно передавали диалектные особенности речи певцов и сказочников, другие — не передавали их. Составители и редакторы томов стали на правильный путь: они сохранили лишь главные фонетические особенности текстов — те, которые имели художественную ценность. Так и следовало поступить в издании, которое, с одной стороны,

должно удовлетворить интересы широких кругов читателей, а с другой — интересы исследователей народного творчества.

Значительный научный интерес представляют вступительные статьи и примечания к каждому тому этого издания. Статьи значительны по объему и в сумме занимают 705 страниц — это солидное исследование по вопросам болгарского фольклора, освещающее основные его жанры. До сих пор не было еще общего труда, который бы дал картину болгарского народного творчества (книга проф. П. Динекова «Болгарский фольклор» не закончена; пока вышла лишь первая ее часть).

Достоинством статей, как и издания в целом, является разумное и умелое совмещение популярности и научности. Авторы статей использовали основную научную литературу. В статьях высказаны интересные суждения о жанрах болгарского народного творчества. Однако ряд известных работ по болгарскому фольклору, в частности и работы советских фольклористов, не были учтены, поэтому некоторые вопросы освещены недостаточно глубоко.

Фольклористика XIX — начала XX века во многих странах, в том числе и в России, недооценивала трудовые песни, и это было причиной того, что мы сейчас располагаем незначительным числом текстов этих песен. Тем не менее, отбирая материал для издания, надо было обратить на них особое внимание. Таких песен включено в сборник мало. А это важный и в идейном и в эстетическом отношении вид песен. Он необходим для правильного понимания общественных функций устного народного творчества и для решения ряда теоретических и историко-фольклорных проблем.

Нельзя признать удовлетворительным решение вопроса о современном народном творчестве. Читатель должен получить ясное представление о том, в каком состоянии находится сейчас устное поэтическое творчество в Болгарии. Но на этот вопрос он получит весьма приблизительный ответ. А проблема современного фольклора — одна из важнейших проблем и одна из самых трудных для решения.

Тексты в книгах этого издания расположены так, что в них не выделяются произведения современного народного творчества. Даже в томе исторических песен мы находим лишь песни, в которых изображаются события истории болгарского народа, кончая девятнадцатым веком; дальнейшие события истории отражены всего в нескольких песнях. Однако этот том следует считать самым удачным в освещении современного народного творчества, потому что в других томах тексты новых песен разбросаны по разным разделам, и трудно представить себе общую картину, например, состояния современной народной лирики. Во вступительных статьях есть лишь беглые замечания о современном фольклоре, в одних томах несколько более распространенные, в других — более краткие. Даже вместе взятые они не дают представления о тех процессах, какие переживает современное народное творчество в Болгарии.

Мы должны согласиться с замечанием редакции в заключительной характеристике издания, что «примечания сами по себе представляют значительное дополнение к фольклорным материалам. В них конденсирован большой труд; они изобилуют библиографическими данными, историческими справками и станут ценным материалом для будущих научных исследований» (т. 12, стр. 631). Действительно, примечания к томам сделаны тщательно, они весьма богаты сведениями разного характера (историографического, исторического, фольклористического). Примечания составляют 620 страниц; по существу это еще одно исследование о болгарском народном творчестве. Кроме того, к каждому тому приложены словари устаревших или малоизвестных слов. Таким образом, научный

аппарат издания весьма велик. Статьи и примечания стоят на уровне современной науки о народном творчестве.

Рецензируемый свод еще ждет своего подробного разбора. В этом же отзыве мы ставили своею целью информировать читателя о выходе важного, капитального и хорошо подготовленного издания. Выпустив серию «Болгарское народное творчество», издательство и редакционная коллегия выполнили задачи, которые ставили перед собою. Эта серия представила читателям устно-поэтическое творчество болгарского народа как важную часть его духовной культуры, раскрыла его идейное и эстетическое богатство.

И. И. Кравцов

«ПОЛЬСКИЙ ПАРНАС»¹

«Показать, хотя бы несколькими штрихами, живой облик наших великих предков, которые своим творчеством влияли на формирование чувств, впечатлений, симпатий и даже взглядов многих поколений», — так сформулировала основную задачу этой книги ее составительница Галина Пшевоска.

Деятнадцатый век вписал в историю польской литературы и культуры немало имен, составляющих гордость и славу Польши. Шестнадцать крупнейших поэтам, прозаикам и драматургам прошлого столетия и посвящена книга «Польский Парнас». Она представляет собою сборник воспоминаний современников о Ю. Немцевиче, А. Мальчевском, А. Фредро, А. Мицкевиче, Ю. Словацком, З. Красиньском, Ю. Крашевском, Э. Ожешко, Б. Прусе, Г. Сенкевиче, Г. Запольской, Я. Каспровиче, С. Жермском, К. Тетмайере, В. Реймонте и С. Высяньском.

Тщательно и с любовью подобранные в книге материалы мемуарного и эпистолярного характера позволяют ярче и полнее воссоздать не только облик каждого из перечисленных выше мастеров, но и историческую обстановку и духовную атмосферу эпохи, в которую жили и творили эти замечательные художники.

На примере личных и творческих связей писателей в книге подчеркивается глубокая внутренняя связь между различными областями культуры — литературой, музыкой, театром и изобразительным искусством.

Всему этому немало способствует обширный научный комментарий, содержание которого далеко выходит за рамки обычных примечаний. Тут приводятся биографические данные и сжатые характеристики литературного наследия писателей и авторов воспоминаний о них, сообщаются чрезвычайно интересные, порою малоизвестные, сведения о многих представителях литературы и искусства, а также политических деятелях, чьи имена упоминаются на страницах сборника.

С. И. Балза

¹ «Parnas polski». Opracowała Halina Przewoska. Stowarzyszenie Bibliotekarzy Polskich. Warszawa, 1964, 370 s.

МИОДРАГ ПОПОВИЧ. *Вук Стеф. Караџић.* Београд, 1964

МИОДРАГ ПОПОВИЧ. *Вук Стефанович Караџић.*

Многосторонняя прогрессивная деятельность Вука Стефановича Караџича, выдающегося деятеля сербской культурной жизни первой половины XIX в., еще три его жизни привлекла внимание мировой научной общественности. Впервые подлинно научное исследование деятельности Караџича провел сербский историк Л. Стоянович, который собрал и опубликовал его богатейшее наследие и, в частности, обширную переписку. Благодаря этому к пятидесятилетию со дня смерти Караџича у исследователей оказалось множество неизвестных ранее материалов, по-новому осветивших историю борьбы югославских народов за свою национальную культуру.

Используя богатейшие архивные материалы и обширное эпистолярное наследие ученого, Л. Стоянович создал большой труд — «Жизнь и деятельность Вука Стефановича Караџича» (1924 г.). За последующие сорок лет появились сотни новых частных исследований о Караџиче. Особенное оживление в этой области наблюдалось в последние годы — в канун сотой годовщины со дня смерти Караџича, которая была широко отмечена в Югославии, у нас в Советском Союзе и в других странах. Среди работ югославских ученых, появившихся в юбилейном году, значительное, можно сказать, ведущее место принадлежит монографии проф. Миодрага Поповича «Вук Стеф. Караџич». Этот труд логически продолжает работу Л. Стояновича, хотя по своему методу освещения отдельных вопросов существенно отличается от нее.

Если Л. Стоянович в своем исследовании со скрупулезной точностью воссоздал творческую биографию Караџича, детально описывая отдельные его сочинения и день за днем прослеживая творческий путь великого реформатора, то М. Попович поставил перед собой иную цель. Его усилия были направлены на создание цельного образа Караџича — человека, культурного и общественного деятеля — на фоне широкого эпического полотна современной ему эпохи. Опираясь на богатый материал, накопленный наукой о Караџиче, а также на большое количество архивных документов, М. Попович создал оригинальную и интересную работу. Его книга является как бы своеобразным синтезом научного исследования и художественного, образного осмысления материала. Автор нередко сознательно пользуется теми же приемами, что и писатель, заменяя, однако, неизбежный в художественном произведении вымысел искусно отобранной, но реально существовавшей неког-

да исторической деталью. При этом он смотрит на своего героя то глазами его современников, то с позиций нашего времени, стремясь проникнуть в самую суть его научной и общественно-культурной деятельности, внутренне мотивировать и объяснить каждый факт его биографии.

Избранный М. Поповичем жанр сделал книгу популярной в лучшем значении этого слова. Однако такая форма изложения влечет за собою и ряд неудобств. Прежде всего образное воспроизведение эпохи и личности Караџича порой увлекает писателя и приводит к односторонне-субъективному освещению некоторых поступков Караџича и отдельных исторических деятелей. Автор как бы смотрит на них глазами Караџича и не дает развернутой характеристики их деятельности с позиций современной науки. Кроме того, в рецензируемой работе (как это, впрочем, естественно для книг такого жанра) отсутствует научный аппарат.

Создавая живой и впечатляющий образ великого сербского просветителя, М. Попович подчеркивает неразрывную связь Караџича с его эпохой. Он показывает Караџича активным деятелем национально-освободительного движения, рассказывает о его участии в работе первых государственных учреждений Сербского княжества, о его роли в подготовке сербской конституции, о связях с освободительной борьбой в Черногории, о тесном сотрудничестве с деятелями иллирийского движения. Караџич-гражданин посылает в репающий момент свое знаменитое письмо князю Милошу, в котором указывает на беспорядки в общественной жизни Сербского княжества.

М. Попович не упускает образ Караџича, он показывает его во всей сложности и противоречивости. Автор описывает сотни мелких тягот, которые мучили Караџича-человека. Жестокое насилие и самодурство первых сербских правителей, мелочные интриги, тяжесть личных утрат, полицейские преследования и бесконечная нищета — вот с чем сталкивался Караџич в своей повседневной жизни. И это сказалось на некоторых его поступках, которые при их изолированном рассмотрении могут показаться непоследовательными.

Убедительно и логично разрешает автор книги и такие сложные вопросы биографии Караџича, как, например, его отношение к князю Милошу или тесная связь с Копитаром.

В книге М. Поповича впервые с исчерпывающей полнотой показаны взаимоотношения Караџича с деятелями хорватского национально-культурного движения иллиризма, что имело огромное значение для формирования и дальнейшего развития единого национально-

го сербско-хорватского языка. В книге полностью освещено творчество Караджича — реформатора и создателя сербско-хорватского языка, великого ученого, знакомого с миром с богатейшей соприкоснувшейся сербского народного творчества, историка и этнографа, писателя, родоначальника новой литературы.

Большой интерес представляют те главы, в которых автор пытается установить специфику собственно литературной деятельности Караджича, исследуя характер его прозы в жизнеописаниях знаменитых современников. Эти вопросы до последнего времени не получили достаточного освещения в науке. Однако исследователь почти не касается литературно-критических статей Караджича, которые представляют немалый интерес, так как Караджич, признанный родоначальник и вдохновитель романтического направления в сербской литературе, в своей художественной практике и в высказываниях утверждал и реалистические принципы.

В монографии М. Поповича широко освещена борьба Караджича за новый литературный сербско-хорватский язык, но, к сожалению, автор меньше внимания уделяет собственно лингвистической стороне его реформы и ее последствиям.

Реформа Караджича проводилась в ожесточенной длительной борьбе. Против нее восстали все косные и реакционные силы. Совершенно справедливо указывая на социальную основу конфликта между Караджичем и его противниками, автор иногда преувеличивает значение личных антипатий Караджича и его врагов. Интересны, например, отношения между Караджичем и Йованом Стерией Поповичем, которые, к сожалению, недостаточно освещены в работе.

Создатель нового литературного языка, новой литературы, демократ по убеждениям, В. С. Караджич шел на разрыв с традициями. Но оценивая события прошлого в исторической перспективе, невольно ощущаешь связь явлений и известную преемственность идей. Думается, что в книге о Караджиче следовало бы больше уделить внимания его предшественникам.

Это лишь несколько частных замечаний о большом и серьезном труде, заслуживающем самого пристального внимания.

Т. П. Попова

ИЗДАНИЕ ПО ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРУ БОЛГАРИИ

75 лет назад, 25 ноября 1889 г., вышел в свет первый том Фольклорно-этнографического сборника¹. В истории болгар-

ской печати сборник выделяется длительностью своего издания и объемом, размеры которого постоянно исчислялись десятками печатных листов. Без материалов сборника невозможно себе представить историю болгарских гуманитарных и отчасти естественных наук. Но особо видное место в сборнике всегда отводилось публикациям и исследованиям о болгарской народной культуре.

Первое, с чем встретится читатель на страницах 50-го тома, — это большая юбилейная редакционная статья. В ней подробно рассказывается история издания, дается содержательная характеристика опубликованных материалов, особенно фольклорно-этнографических. К сожалению, авторы не подчеркивают, что теоретическое осмысление фольклорно-этнографического материала на страницах сборника, как правило, по качеству значительно уступало богатству этого материала.

Авторы статьи справедливо отмечают, что в сборнике длительное время преобладали публикации фольклорно-этнографических материалов из западной Болгарии и Македонии. Добавим, что в связи с этим ныне крайне затруднительно, например, изучение областных фольклорных традиций северо-восточных, некоторых старопланинских и фракийских районов Болгарии. Особенно недостает сведений о бытовании героического эпоса и сказочных жанров.

Верно констатируется и тот факт, что народная материальная культура была хуже представлена на страницах издания, нежели духовная культура.

Формулируя далее первостепенные задачи издания, редколлегия определяет основные проблемы, разработка которых явится главным содержанием сборника в будущем. В первую очередь, это исследование материальной культуры, причем не только ее традиционных форм, но и зарождения новых явлений в народной материальной культуре и в связи с этим новой специфики народного материального быта (стр. 9).

Во-вторых, это показ «современного народного и массового песенного или устного творчества», в котором отражались развивающиеся мировоззрение народа (кстати, не совсем понятно, что имеют в виду авторы, противопоставляя народное и массовое, песенное или устное творчество). В-третьих, сборник должен содержать систематизированные материалы и обобщенные обзоры по этногенезу и демографии, причем не только болгар, но и национальных меньшинств.

тут и музея при БАН. Редакционная коллегия: Х. Гандев (отговорен редактор), Б. Божиков, И. Коев, Ц. Романска С. Георгиева-Стойкова. Изд. на БАН. София, 1963, 490 стр.

¹ «Сборник за народни умотворения и народопис». Кн. I. Етнографски инсти-

Нам представляется, что в перспективной программе издания следовало бы отразить и еще некоторые важные вопросы, как, например, взаимодействие материальной и духовной культуры народа, взаимодействие народной культуры с социалистическим материальным производством и социалистической культурой. Читатель остается в неведении относительно того, как конкретно определяет редколлегия проблематику (общую и специфическую) в пределах названных областей изучения. Авторы считают необходимым освещать только проблемы традиционного и нового, да и то лишь в границах современного состояния народной материальной культуры, но почему-то не отмечают насущность этой проблемы для других областей изучения.

Нельзя не заметить и того, что большая часть публикаций 50-го тома при всей их научной значимости не совсем соответствует программным требованиям редколлегии. Речь идет о фольклорно-этнографических материалах из некоторых южных районов Болгарии и соседних районов Турции и Греции в современных границах этих стран. Эти публикации редакции посвящает 60-й годовщине Преображенского восстания (1903 г.), хотя не все они представляют районы, где проходило восстание. Правда, редколлегия мотивирует это тем, что материалы были давно получены и приняты к опубликованию.

Исключительный интерес вызывает составленный Д. Московской путеводитель по фольклорно-этнографическим материалам, опубликованным во всех 50 томах сборника. Д. Москва проделала громадную и очень трудоемкую работу, прежде чем ей удалось распределить материал по разделам: материальная культура, духовная культура, фольклор. Внутри каждого раздела материал размещен по достаточно одифференцированным, правда не всегда бесспорным, темам. Во вторую часть путеводителя вошли указатели, в которых материал распределен по населенным пунктам, по районам, по собирателям, по исполнителям. Ценность работы Д. Московской несомненна. Путеводитель помогает ориентироваться в материалах сборника. Он дает возможность создавать узкоспециальные указатели на уровне современных требований науки, например указатели сюжетного состава эпических и сказочных жанров.

Благодаря работе Д. Московской стало известно, что в 50 томах сборника помещены материалы из 1252 населенных пунктов (около 200 из них находятся за пределами Болгарии), записанные от 2386 лиц почти 320 собирателями. Число фольклорных произведений не установлено, но оно, по-видимому, составляет десятки тысяч текстов. Если учесть, что

в Болгарии насчитывается примерно 6000 населенных пунктов и несколько миллионов потенциальных фольклорных исполнителей, то нетрудно себе представить, сколь велики собирательские возможности болгарских ученых, которые с каждым годом расширяют масштабы полевой работы. Однако темпы публикации фольклорно-этнографических материалов значительно отстают от темпов их собирания, что бесспорно тормозит теоретическое осмысление процессов развития народной культуры.

Горячо поздравляя болгарских коллег с двойным юбилеем сборника, мы искренне желаем, чтобы это старшее болгарское издание выходило регулярно и большими тиражами, отвечая тем самым современным требованиям народной культуры.

Ю. Смирнов

J. DOLANSKY. *Stopami buditelů*. Praha, 1963, 470 s.

Ю. ДОЛАНСКИЙ. *По стопам будителей*

Чехословацкое издательство художественной литературы и искусства выпустило книгу «По стопам будителей» — сборник избранных работ по истории чешской литературы и культуры известного слависта, профессора Юлиуса Доланского.

Книга состоит из семи статей, посвященных крупнейшим представителям чешской культуры. Она открывается очерком о И. Добровском — основателе чешской научной лингвистики, литературоведения и критики, пионере в области изучения межславянских связей. Далее автор глубоко анализирует известную поэму Я. Коллара «Дочь Славян», подробно останавливается на общественно-исторических условиях возникновения поэтического сборника Ф. Л. Челаковского «Эхо русских песен» и «Эхо чешских песен». Интересен материал о пребывании К. Гавличка-Боровского в России, разбор произведений С. Чеха и А. Ирасека, в творчестве которых нашли свое отражение лучшие традиции чешских «будителей». Завершается книга монографической статьей о З. Неудлы, отмечающей его заслуги в развитии межславянских культурных связей.

Автор подчеркивает важное значение прогрессивных демократических традиций национального возрождения для строительства культуры современной Чехословакии.

Книга Ю. Доланского — интересное и полезное издание.

Л. Титова

К. МИРЧЕВ. *Българският език през вековете*. Изд. «Наука и изкуство», София, 1964, 86 стр.

К. МИРЧЕВ. *Българският език в вековете*

История болгарского языка на протяжении его многовекового развития — эта тема интересна не только специалистам, но и каждому болгарину, которого волнуют судьбы родного языка, каждому образованному человеку, занимающемуся теми или иными вопросами славистики. Давно назрела необходимость в «книжке для чтения», содержащей общедоступный рассказ профессионала о наиболее значительных явлениях в развитии болгарского языка, подобной той, какую в свое время блестяще написал замечательный советский лингвист Г. О. Винокур, в увлекательной и популярной форме поведавший нам итоги своих многолетних наблюдений над историей русского языка¹.

Опубликованная в 1935 г. книга известного болгарского ученого Ст. Младенова «История болгарского языка», достаточно компактная по объему, не преследует целей популяризации². Поэтому вышедшую недавно в свет книгу проф. К. Мирчева «Болгарский язык в веках» по праву можно считать первым опытом решения этой важной и трудной задачи.

Автор ставит своей целью познакомить широкого читателя с основными этапами в истории болгарского языка (§ 3) и определять хронологию тех существенных сдвигов в его развитии, которые обусловили его переход от языков синтетического строя к языкам аналитическим. Поэтому в центре внимания в работе оказываются, во-первых, вопросы, связанные с характеристикой языковых особенностей памятников старославянской письменности как первых книг, написанных на одном из диалектов болгарского языка второй половины IX в. и отражающих доаналитический период его развития (§ 6), и, во-вторых, описание так называемого среднеболгарского периода в развитии болгарского языка (XII—XIV вв.), на протяжении которого осуществились коренные перемены в его фонетическом и особенно грамматическом строе (§ 7).

В специальных разделах книги проводится сопоставление современного состояния звуковой системы, морфологического и синтаксического строя болгарского языка с состоянием, зафиксированным в первых памятниках староболгарской письменности. Прослеживаются причины и дается хронологизация обусловивших то или иное различие изменений (§ 7, 8).

¹ Г. Винокур. Русский язык. Исторический очерк. М., 1945.

² Ст. Младенов. История на българският език. София, 1935.

Это в свою очередь заставляет автора поднять вопросы, связанные с развитием болгарского языка как языка балканского (§ 9). К балканизмам, т. е. к изменениям, осуществившимся в болгарском языке собственными средствами, но под влиянием общих для всех балканских языков закономерностей развития, К. Мирчев относит аналитизм именной системы, появление членной формы, утрату формы инфинитива, модель формы будущего времени, сохранение развитой системы глагольных времен, ряд фразеологизмов. Некоторые из балканизмов, например употребление кратких форм дательного падежа личных местоимений в притяжательной функции, были, по мнению К. Мирчева, присущи уже диалекту Кирилла и Мефодия.

Живой интерес вызывают разделы, посвященные деятельности солунских братьев Константина-Кирилла и Мефодия (§ 4, 5). Автор приводит ряд свежих мыслей и наблюдений, что позволяет ему убедительно показать большой лингвистический талант и писательское мастерство Константина-Кирилла, проявившиеся в создании славянской азбуки и переводе недельного евангелия, послужившего солидной основой дальнейшего формирования староболгарского литературного языка.

Автор считает необходимым познакомить читателя также с теми историческими связями, которые сложились между болгарским языком, с одной стороны, греческим, латинским, румынским, русским, турецким, с другой, и которые во многом определили лексический состав современного болгарского языка. Специально подчеркивается благотворное влияние русского языка на формирование болгарского литературного языка (§ 10).

Таково, в общих чертах, содержание книги. В рецензии на научно-популярную работу было бы неуместным давать оценку научных взглядов и достижений автора, спорить с его отдельными выводами, тем более, что высказывания такого рода могли бы быть адресованы недавно вышедшему вторым изданием серьезному труду К. Мирчева «Историческая грамматика болгарского языка»³. Поэтому мы считаем необходимым обратить внимание читателя лишь на то большое значение, которое книга «Болгарский язык в веках» бесспорно сыграла в популяризации научных знаний о болгарском языке.

Автору ее удалось, как правило в доступной форме, осветить наиболее важные моменты в истории болгарского языка, определившие его своеобразное место в кругу других славянских языков.

Следует, однако, выразить сожаление, что К. Мирчев, уделив достаточное

³ К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. София, 1963.

внимание вопросам возникновения и формирования староболгарского литературного языка и тем самым поставив вопрос о письменном болгарском языке, отказывается от дальнейшего рассмотрения этого вопроса и ограничивается лишь отдельными указаниями на возникший впоследствии разрыв между традиционным языком письменности и народным болгарским языком. Как было преодолено это противоречие, каковы были первые попытки создания новоболгарского письменного языка, когда и как возник и установился современный болгарский литературный язык — эти вопросы в книге вообще не освещены, хотя они, бесспорно, представляют особый интерес для широкого читателя и являются одной из необходимых предпосылок правильного понимания процессов исторического развития болгарского национального языка. Читателя, пытающегося представить себе жизнь болгарского языка в веках, важно было бы познакомить, в частности, с таким необыкновенным для периода турецкого ига в Болгарии ярким патристическим и культурным начинанием, как создание в начале XVII в. письменности на народном болгарском языке, дошедшей до нас в так называемых дамаскинах XVII—XVIII вв., о чем в книге ничего не говорится.

Приходится сожалеть, что в книге совсем нет текстов. Выдержки из памятников болгарской письменности на различных этапах ее развития не только помогли бы автору иллюстрировать свои мысли, но и дали бы читателю возможность непосредственного знакомства с фактами, подобранными специалистом.

Хотелось бы надеяться, что в последующих изданиях этой ценной и своевременной книги, которую с большим интересом и пользой для себя прочтут студенты, преподаватели и научные работники, люди разных профессий, найдут свое отражение и отмеченные выше важнейшие для многовековой жизни болгарского языка события.

Е. И. Демина

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ В ЧЕСТЬ АКАДЕМИКА Б. ГАВРАНКА

В 1963 г. лингвистическая общественность Чехословакии отмечала семидесятилетний юбилей академика Богуслава Гавранка. В знак глубокого уважения к юбилею чехословацкие ученые принесли ему в дар большой сборник своих работ (98 статей)¹, авторами которых яв-

ляются и зарубежные, в том числе советские, лингвисты. Многие из статей, опубликованных в сборнике, разрабатывают идеи, высказанные в свое время выдающимся чешским лингвистом.

В сборнике освещается следующая лингвистическая проблематика: общие проблемы языкознания, фонетика и фонология, морфология, синтаксис, словообразование, этимология, лексикология, литературные языки и диалекты, стилистика, язык и стиль художественной литературы. Опубликованы также статьи по проблемам литературоведения, текстологии и др. Заключает сборник исчерпывающая библиография трудов акад. Б. Гавранка за 1953—1962 гг.

Разделы сборника содержат статьи, исследующие проблемы общего, теоретического характера, и статьи, имеющие практический интерес, рассматривающие конкретные вопросы той или иной лингвистической дисциплины, описывающие отдельные языковые явления.

В подавляющем большинстве случаев статьи написаны на высоком теоретическом уровне, с использованием новейших методов описания. Ряд статей выполнен на единых методологических принципах. При освещении тех или иных фактов авторы стремятся последовательно применять принцип системного рассмотрения языковых явлений, в качестве подтверждения правильности лингвистических наблюдений привлекаются статистические характеристики. Широко используется метод бинарных противопоставлений.

Широта и актуальность вопросов, затрагиваемых в статьях, делают сборник интересным для лингвистов-специалистов в различных отраслях языкознания.

Г. П. Нецименко

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО СОРАБИСТИКЕ

В Институте сербо-лужицкого народоведения (Баутцен) при Немецкой академии наук проводится широкая сеть исследований в области сербо-лужицкой национальной культуры. Среди них большое место занимает работа по изучению сербо-лужицких диалектов.

Проводя монографическое изучение отдельных диалектов¹, решая лингвогеографические проблемы в рамках сербо-лужицкого диалектного атласа, лужицкие лингвисты в то же время отдают себе отчет в крайней необходимости введения в научный оборот как можно большего количества сведений о диалек-

¹ «Acta Universitatis Carolinae». Philologica, 3, 1962. Slavica Pragensia, IV. Věnováno akademiku Boguslavu Havránkovi k sedmdesátým narozeninám.

¹ S. Michálek. Der obersorbische Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1962; H. Faßke. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964.

тах сербо-лужицких языков, до сих пор изученных гораздо менее, чем другие славянские языки.

С этой целью Институт сербо-лужицкого народоведения открыл серию публикаций диалектных текстов — «Sorbische Dialekttexte», возродив и продолжив этим аналогичную работу, начатую в начале 30-х годов М. Фасмером и П. Виртом, но вскоре затем прерванную.

В серии «Sorbische Dialekttexte» вышло уже два выпуска, содержащие верхне-лужицкие тексты из деревень, расположенных на севере верхне-лужицкой территории, в так называемой переходной зоне между собственно верхне-лужицкими и нижне-лужицкими диалектами.

В первом выпуске опубликован текст из д. Спола (р-н Хойерсверда), обработанный Х. Фаске и З. Михалком², во втором — текст из д. Нохтен (р-н Вайсвассер), обработанный Х. Енчем и З. Михалком³.

Публикация текста предшествует краткая характеристика представляемого диалекта и его места среди других диалектов. Такого рода характеристики в некотором роде компенсируют отсутствие сводного описания и классификации современных сербо-лужицких диалектов. Сами тексты даны и в фонетической транскрипции, и в буквенной передаче на основе алфавита верхне-лужицкого литературного языка (для исследователей, не имеющих специального интереса к фонетике) и, наконец, снабжены немецким переводом.

Стремясь облегчить пользование материалом текстов лицам, не владеющим сербо-лужицкими языками, публикаторы снабжают тексты подробными комментариями: объясняют отдельные фонетические, грамматические, а подчас и лексические формы и явления, указывают в

необходимых случаях на их диалектную отнесенность.

Серия «Sorbische Dialekttexte» является ценным пособием для славистов.

Л. Э. Калмын

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИЗДАНИЯ «РИБНОГО БУКВАРЯ» П. БЕРОНА

В 1964 г. исполнилось 140 лет со времени выхода в свет книги «Букварь съ различны поучениѧ» П. Беровича (Берона), более известной под названием «Рибен буквар». Это была первая новоболгарская книга светского содержания, написанная на живом народном языке начала XIX в. и положившая начало формированию современного болгарского литературного языка. «Рибен буквар» сыграл большую роль в истории болгарского образования: он был первым учебным пособием на новоболгарском языке, решительно порвавшим с закостенелыми традициями килийного образования. За годы до освобождения Болгарии «Рибен буквар» выдержал 7 изданий, что свидетельствует о его широкой популярности среди болгар в эпоху Возрождения.

По случаю 140-летия этой знаменитой книги П. Берона издательство «Народна просвета» в Софии (Болгария) в 1964 г. выпустило в свет 2 новых юбилейных издания, подготовленных проф. Ст. Стойковым. Одно из них представляет собой прекрасное фототипическое повторение «Букваря» 1824 г. Для этого издания специально подобрана бумага коричневатого цвета, имитирующая потемневшую бумагу первого издания. В другом юбилейном издании, вышедшем под названием «Рибен буквар», текст передан современной болгарской азбукой.

Оба издания снабжены необходимыми примечаниями, словарем редких и незнакомых слов, списком существующих изданий букваря и библиографией литературы о П. Бероне и его букваре.

Г. К. Венедиктов

² «Sorbische Dialekttexte». I. Spohla, Kreis Hoyerswerda. Bearbeitet von A. Faßke und S. Michalk. Bautzen, 1963.

³ «Sorbische Dialekttexte». II. Nochten, Kreis Weißwasser. Bearbeitet von H. Jentsch und S. Michalk. Bautzen, 1964.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

НАУЧНЫЕ СЕССИИ

20 июля 1964 г. состоялось юбилейное заседание Ученого совета Института славяноведения и Центрального правления Общества советско-польской дружбы, посвященное 20-летию Народной Польши. После вступительного слова председателя Центрального правления Общества советско-польской дружбы И. В. Спиридонова с докладом «20 лет Народной Польши» выступил директор Института И. А. Хренов. Он рассказал о коренных изменениях в экономической и общественной жизни польского народа за годы существования народной власти, о выдающихся достижениях польского рабочего класса и трудового крестьянства в строительстве новой жизни, о роли Польской объединенной рабочей партии в коренных революционных социально-экономических преобразованиях. Возрождение Польского народного государства, отметил И. А. Хренов, стало, вместе с тем, и поворотным пунктом в истории советско-польских отношений, знаменовавшим установление братского союза и нерушимой дружбы с Советским Союзом.

В докладе «Народная Польша в работах советских ученых» А. Я. Манусевич рассмотрел вышедшие в СССР книги и статьи, свидетельствующие о постоянном интересе советской научной общественности к истории возрожденного Польского государства, к проблемам социалистического строительства в Польше. Уже в первых работах советских исследователей нашли освещение героическая национально-освободительная борьба польского народа и его славного авангарда — польских коммунистов, а также антинациональная политика правящих классов довоенной Польши и лондонского эмигрантского правительства. В последующих трудах центральное место заняли проблемы народно-демократической революции, внешней политики ПНР и ее сотрудничества с другими странами социализма, вопросы культурного строительства. Многие из этих вопросов, заявил докладчик, найдут освещение в подготавливаемой Институтом славяноведе-

ния книге «Очерки истории народной Польши».

И. Ф. Балза в докладе «Достижения художественной культуры в Народной Польше» отметил замечательные успехи польского народа в развитии музыки, живописи, архитектуры, театра, в расширении и укреплении многообразных связей польской культуры с культурой других социалистических стран, и прежде всего Советского Союза.

На заседании выступил тепло встреченный представителями советской научной общественности Чрезвычайный и Полномочный Посол ПНР в Москве Э. Пцулковский.

* * *

26 августа 1964 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета, посвященное двадцатой годовщине Словацкого национального восстания.

А. И. Недорезов в докладе «Историческое значение Словацкого национального восстания» осветил предпосылки, ход и значение восстания в освободительной борьбе народов Чехословакии. Словацкое восстание 1944 г. имело большое политическое и историческое значение. Одним из важнейших результатов его было закрепление братской дружбы народов СССР и Чехословакии, нашедшее яркое выражение в совместной борьбе советских и чехословацких солдат и партизан с немецко-фашистскими захватчиками. Восстание, в котором приняли участие представители всех социальных слоев словацкого и других народов, стало одним из самых крупных антифашистских выступлений в Европе в годы второй мировой войны. Оно послужило началом национально-демократической революции в Чехословакии, открыв путь к установлению народной власти, проведению революционных преобразований в демократическом государстве чешского и словацкого народов.

С воспоминаниями о борьбе партизан в Словакии выступили участники восстания В. А. Кузнецов, Ю. В. Кулаков,

Д. В. Кузнецов. Участников заседания тепло приветствовал советник Посольства ЧССР в Москве А. Мильсимр.

* * *

7 сентября 1964 г. в Институте славяноведения было проведено юбилейное заседание Ученого совета Института славяноведения и Общества советско-болгарской дружбы, посвященное 20-летию Народной Болгарии. На заседании присутствовал советник Посольства НРБ в Москве Н. Малеев и гости из Болгарии: известный болгарский писатель акад. Л. Стоянов, писательница М. Грубешлева, поэт Г. Джагаров.

Участники заседания заслушали доклад Л. Б. Валева «Борьба трудящихся Болгарии против фашизма и народное восстание 9 сентября 1944 г.», в котором были рассмотрены основные проблемы истории освободительного антифашистского движения в Болгарии накануне и в период второй мировой войны, в частности — роль Болгарской коммунистической партии в развертывании движения сопротивления и создании Отечественного фронта. Особенно подробно докладчик осветил победоносное сентябрьское восстание болгарского народа, открывшее новую эпоху в истории Болгарии — эпоху социалистической революции. Докладчик отметил, что советский народ оказал большую помощь болгарским патриотам-антифашистам в их героической борьбе и что важнейшей предпосылкой торжества социалистической революции в Болгарии явились всемирно-исторические победы Советского Союза в борьбе против фашизма.

В докладе И. М. Шептунова «Культурное строительство в Народной Республике Болгарии (1944—1964)» было показано огромное значение победы нового строя в Болгарии для развертывания социалистической культурной революции. В стране была ликвидирована неграмотность, перестроена система народного образования, сформировалась народная интеллигенция, кровно связанная с рабочим классом и трудовым крестьянством. Двадцатилетний период народной власти прошел под знаком утверждения и развития в болгарской литературе, изобразительном искусстве, театре, кино метода социалистического реализма.

Выступившие на заседании болгарские гости отметили огромное значение для успешного строительства социализма в Болгарии тесной советско-болгарской дружбы, сердечно поблагодарили советских ученых за их братские чувства любви и уважения к болгарскому народу.

* * *

30 сентября 1964 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета, посвященное столетию I Интернационала.

В докладе «К. Маркс и Ф. Энгельс — основатели и руководители I Интернационала» П. И. Резонов отметил, что I Интернационал обеспечил гегемонию революционной теории в рабочем движении. Маркс и Энгельс, изучая и обобщая опыт революционной борьбы рабочих всех стран Европы, считали важнейшей задачей Интернационала борьбу против различных мелкобуржуазных течений в социалистическом движении. Историческое значение I Интернационала, подчеркнул докладчик, заключается в том, что марксизм стал ведущим направлением в рабочем движении.

Участники заседания заслушали также три доклада, посвященных влиянию I Интернационала на рабочее, социалистическое и национально-освободительное движение в славянских странах.

В докладе В. Г. Карасева «Революционное движение в югославянских землях в 1864—1873 гг. и I Интернационал» было отмечено большое воздействие, которое I Интернационал и его вожди К. Маркс и Ф. Энгельс оказали на развитие передовой общественной мысли в Сербии и на развитие сербского демократического движения. Глубокий интерес к идеям научного социализма крупнейших представителей сербского революционно-демократического движения (Св. Маркович, Ж. Жуевич и др.), их активное участие в работе секций I Интернационала, пропаганда его идей в Сербии среди народных масс подготовили почву для возникновения сербской социал-демократии.

К. П. Гогина в докладе «I Интернационал и чешское рабочее движение» показала влияние идей революционного марксизма и пролетарского интернационализма на развитие рабочего движения в чешских землях в сложных условиях многонациональной Австро-Венгерской монархии. Докладчик подчеркнула, что эти идеи сыграли важную роль в освобождении чешского рабочего движения из-под влияния либеральной буржуазии и в создании единой социал-демократической партии Австрии, объединившей в своих рядах рабочих различных национальностей.

В докладе С. М. Фалькович «I Интернационал и Польша» была подчеркнута связь между возникновением I Интернационала и объединенным выступлением рабочих Европы в защиту польского восстания 1863—1864 гг. Польский вопрос привлекал внимание Международного товарищества рабочих, его значение для политики пролетариата постоянно отмечали Маркс и Энгельс. Вожди I Интернационала поддерживали тесный контакт с деятелями польского революционного движения и оказывали им помощь. В свою очередь польская революционная эмиграция понимала, что международный пролетариат является

единственным союзником Польши, горячо поддерживала Интернационал и активно участвовала в его работе. Это сотрудничество сыграло огромную роль в выработке подлинно революционных и интернационалистских взглядов у польской эмигрантской «левицы» и подготовило создание первой польской пролетарской партии («Пролетариат»).

Выступившие на заседании зарубежные ученые: заведующий сектором истории польско-советских отношений ПАН

проф. Т. Цесляк, директор Института этнографии БАН Х. Гандев, директор Института истории европейских социалистических стран Словацкой АН Й. Грозиенчик — отметили важность поставленных в докладах проблем и указали на необходимость дальнейшего исследования влияния I Интернационала на общественное развитие славянских стран.

А. И. Сперанский

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ «ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИЗМА, НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ»

В соответствии с решением Координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения Институт славяноведения АН СССР является головным научным учреждением по разработке проблемы «Генезис капитализма, национальное движение и формирование национальной культуры в славянских странах». Эта проблема включена в сводный тематический план Научного совета по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения. В целях координации научных исследований и обсуждения итогов работы по данной проблеме институт периодически проводит конференции. Первая такая конференция состоялась в декабре 1962 г. Участники конференции заслушали и обсудили 8 докладов по вопросам национального движения в зарубежных славянских странах в XIX в.

Вторая конференция по этой проблеме была проведена 14—15 сентября 1964 г. С докладами и сообщениями выступили преподаватели государственных университетов (Москвы, Воронежа, Ростова-на-Дону и Одессы), Кировского педагогического института, научные сотрудники Института славяноведения АН СССР, Института истории АН Молдавской ССР, Института истории АН БССР, Государственной публичной исторической библиотеки РСФСР (в Москве). В работе конференции приняли также участие сотрудники Института истории АН СССР, Института международных отношений, Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

На заседаниях было заслушано и обсуждено 12 докладов и сообщений по отдельным аспектам данной проблемы.

В докладе С. А. Никитина «О некоторых проблемах социально-экономического развития славянских стран в обобщающем труде „Национально-освободительное движение славянских народов (конец XVIII — 70-е годы XIX в.)“», подготовляемом Институтом славяноведения АН СССР» были рассмотрены вопросы аграрного развития славянских

стран. Докладчик обстоятельно осветил особенности аграрных отношений в славянских землях, остановился на путях развития капитализма в сельском хозяйстве.

В докладе «Особенности развития капитализма в Сербии в первой трети XIX в.» В. В. Зеленин констатировал слабое развитие промышленности и крайне медленное формирование внутреннего рынка. Он отметил, что в силу особенностей экономического развития Сербии капиталистические отношения зарождались здесь прежде всего в сельском хозяйстве, особенно в животноводстве.

Вопросы антифеодального и национально-освободительного движения были рассмотрены в трех докладах.

И. И. Мещеряк в докладе «Антикрепостническое движение болгар-колонистов Южной Бессарабии (Буджака) в 1842—1844 гг.» осветил социально-экономические причины выступления болгар-колонистов, вылившегося в политическое движение против злоупотреблений колониетского управления, и обратил внимание на связь этого выступления с деятелями болгарского национального движения.

И. А. Воронков в докладе «Восстание 1830—1831 гг. в Белоруссии» охарактеризовал его как шляхетское движение, главной движущей силой которого была средняя и мелкая польская и ополяченная шляхта, а также польская и ополяченная интеллигенция, чиновничество, учащаяся молодежь, католическое и униатское духовенство.

Н. М. Пашаева в докладе «Национальные и социальные противоречия в Восточной Галичине в 1848 г. и их отражение в листовках „Русьского собора“» пришла к выводу, что «Русьский собор» был организацией, отвечавшей в социальном отношении интересам польских помещиков, а в национальном вопросе отражавшей взгляды польских буржуазных националистов. Политика «Русьского собора» привела к расколу национального

движения Галичины, в силу чего была дискредитирована идея единого польского — галицкого антигабсбургского движения.

Вопросам сотрудничества революционных сил были посвящены сообщения А. И. Бортникова («О связях русских студентов, солдат и офицеров с польскими революционными организациями во второй половине 30-х гг. XIX в.»), Г. А. Пляшко («Революционное движение на юге Украины в связи с польским восстанием 1863 г.») и В. М. Фоменковой («Участники польского освободительного движения 60-х гг. в вятской ссылке»).

Е. И. Корнейчик выступил с докладом «Национальное движение и формирование белорусской культуры в XIX в.». В сообщениях Л. Н. Титовой («Утверждение демократических традиций национальной самобытности в чешской культуре в конце XVIII — начале XIX вв.») и Н. В. Бакулиной («Идеи утопического социализма в публицистике Х. Ботева») были рассмотрены вопросы культуры и идеологии в славянских странах. И. В.

Чуркина познакомила участников конференции с архивом деятеля словенского национального движения Эдвина Косты (1835—1875) и историка Крайны Генриха Косты (1799—1870).

Участники конференции отметили, что заслушанные доклады и сообщения, являясь результатом значительной исследовательской работы, представляют несомненный научный интерес и вносят немало нового в разработку отдельных вопросов. Конференция приняла также ряд организационных решений, в частности было решено созвать следующую научную конференцию в 1966 г. и усилить обмен научной информацией.

Проведенная Институтом славяноведения конференция способствовала упрочению научных связей и дальнейшей координации исследований по проблеме. Участники конференции единодушно отмечали плодотворность данной встречи и обмена мнениями по интересующим их вопросам.

Н. П. Данилова

СЕКТОР ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ПЕРИОДА ФЕОДАЛИЗМА И КАПИТАЛИЗМА

Внимание сектора сосредоточивается на разработке важных проблем исторического развития зарубежных славянских народов в период феодализма и капитализма. По проблеме «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развертывание революционного движения и формирование национальных государств в зарубежных славянских странах» сектором совместно с другими секторами и группами Института при участии внеинститутских научных работников подготовляются три научных труда. Первый из них — коллективная монография «Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в Октябрьской революции и гражданской войне». Авторский коллектив этого труда (руководитель А. Я. Манусевич) ставит перед собой задачу, используя в значительной мере новые материалы, широко и обстоятельно осветить роль интернационалистов в борьбе за победу социалистической революции и утверждение советской власти в России. Сдана в печать монография А. Х. Клеванского «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус». Завершено исследование А. Я. Манусевича «Польские трудящиеся в борьбе за победу Октябрьской революции».

Большое место в работе сектора занимают исследования по проблеме «Генезис капитализма, национальное движение и формирование национальной культуры в славянских странах». Под-

готавливаются обобщающий труд о национально-освободительном движении зарубежных славянских народов в конце XVIII в.—70-х годах XIX в. (руководитель С. А. Никитин) и монографические работы.

По замыслу авторского коллектива, в котором участвуют и работники других учреждений, обобщающий труд должен быть сравнительным исследованием; в нем будут освещены основные вопросы социально-экономического развития, характер и формы национального движения, его роль в историческом развитии народов.

Ведется работа над третьим томом (первый и второй тома вышли в 1961 и 1964 гг.) советско-болгарской публикации «Освобождение Болгарии от турецкого ига», охватывающим период от 19 февраля (3 марта) 1878 г. по апрель 1879 г. Публикация осуществляется совместно с Главным архивным управлением, Центральным государственным военно-историческим архивом и с болгарской стороны — с Институтом истории Болгарской академии наук и Народной библиотекой Кирилла и Методия.

Сотрудники сектора разработывают ряд тем по проблеме национального движения. С. А. Никитин работает над монографией «Россия и национально-освободительное движение южных славян в 40—70 годах XIX в.», К. П. Гогина — «Чешское национальное движение в 30—

40 гг. XIX в.», И. И. Лециловская — «Национальное движение в Хорватии в первой половине XIX в.», К. Л. Струкова — «Общественно-политическое развитие Македонии в 50—70 гг. XIX в.», В. И. Фрейдзон — «Хорватское национальное движение в Австрийской империи в третьей четверти XIX в.», И. В. Чуркина — «Национально-освободительное движение в Словении в 60—70 гг. XIX в.». И. С. Достян работает над монографией «Возрождение сербского государства и Россия», в которой рассматриваются русско-сербские отношения в 30—40 гг. XIX в.

Л. В. Разумовская подготовила к печати книгу «Польские крестьяне в XV—первой половине XVI в.». В этой книге, являющейся продолжением «Очерков по истории польских крестьян» (М., 1958), освещается положение польского крестьянства в период становления фольварка и барщинно-крепостнической системы.

И. Б. Греков работает над монографией об основных этапах политического раз-

вития феодальных государств Восточной Европы (конец XIV — начало XVI в.).

На заседаниях сектора обсуждались исследования и доклады сотрудников Института, других учреждений и зарубежных ученых.

21 апреля 1964 г. обсуждалась кандидатская диссертация Е. П. Наумова «Феодальное землевладение в Сербии, северной и центральной Македонии и Зете во второй половине XIV в.». Она получила положительную оценку и была рекомендована к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

С интересом был заслушан доклад югославского историка А. Раденича «Основные проблемы рабочего движения в югославянских землях во второй половине XIX — начале XX в.», который состоялся 27 мая 1964 г.

9 июня сектор рассмотрел работу С. С. Гринберга (г. Донецк) «Из истории развития болгарской промышленности в конце XIX в.».

Н. В. Зуева

ГРУППА СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Деятельность группы славяно-германских отношений в 1964 г.¹ характеризуется расширением тематики научных исследований, дальнейшим укреплением связей и контактов с родственными научными учреждениями, советскими и зарубежными учеными.

Группа занималась подготовкой тематических сборников: «Славяно-германские отношения» (вышел в свет), «Австро-Венгрия и славяно-германские отношения», «Славяно-германские отношения (вопросы историографии)» и изучением отдельных важных вопросов славяно-германских отношений.

В. Д. Королюком была завершена монография «Киевская Русь и западные славяне», большое место в которой отводится анализу славяно-германских отношений в X—XI вв.

На заседаниях группы обсуждались доклады и сообщения: В. М. Турока-Попова «Национальный вопрос в Австро-Венгрии в освещении современной западноевропейской и американской историографии», В. Г. Сироткина (издательство «Наука») «Некоторые проблемы интеграции Европы во французской историографии», И. Г. Сенкевич (Институт истории АН СССР) «Западногерманский „Зюдостфоршунг“», Г. Э. Санчука «Чешско-немецкие отношения X—XII вв. в

западногерманской историографии». Т. Цесляка (Польша) «О состоянии исследований в Польше вопросов советско-польских и германо-польских отношений», Н. Д. Ратнер «Возникновение пап-германизма в Австрии в 70-х — начале 80-х годов XIX в. К вопросу об идеологии шённерерианства», В. К. Волкова «Экспансия германского империализма на Балканах накануне второй мировой войны», А. Ф. Носковой «Немецкие планы оккупации Польши», М. С. Восленского (ИМЭМО) «Политические итоги эры Аденауэра» и «Современная западногерманская трактовка вопросов европейской интеграции», М. Р. Тульчинского «Неонацистские организации в ФРГ и их идеология», В. М. Минаева (АОН при ЦК КПСС) «Европейская интеграция и национальный вопрос».

В области изучения славяно-германских культурных, экономических и др. связей группой сделаны лишь первые шаги. Были заслушаны и обсуждены доклады А. И. Рогова «Австро-русские культурные связи XVII в.», Б. Н. Флоры «Из истории экономических связей России со славянскими землями Австро-Венгрии», Т. А. Воздвиженской «Из истории болгаро-немецких литературных связей конца XIX — начала XX в.» и подробная информация Г. Моора (ГДР) «Состояние изучения славяно-германских культурных связей в настоящее время». 5 ноября 1963 г. состоялась встреча с сотрудником Института истории (Берлин) проф. Ф. Кляйном и произошел взаимный обмен информацией.

¹ О работе группы в 1961—1963 гг. см. «Славяно-германские исследования». М., 1963, стр. 433—435; «Славяно-германские отношения». М., 1964, стр. 284—291.

Важной стороной деятельности группы было участие в научных конференциях и сессиях. В. Д. Корольюк, Н. Д. Ратнер, В. К. Волков выступили в докладах на Познанской конференции по проблемам истории славяно-германских отношений. В работе конференции историков, посвященной истории Австро-Венгрии (в Будапеште, май

1964 г.), принял участие В. М. Турок-Попов.

Кроме того, сотрудники группы активно участвовали в работе конференции по «остфоршунгу», проведенной комиссией историков СССР и ГДР в июне 1964 г. в Москве.

Т. А. Воздвиженская

СЕКТОР СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В 1964 г. сектор¹ продолжал заниматься проблемами сравнительно-исторического славянского и индоевропейского языкознания, лексики и грамматического строя старославянского языка, исторического развития народных и литературных славянских языков, звукового, грамматического и лексического строя современных славянских языков. Совместно с чехословацкими лингвистами велась работа по составлению словаря старославянского языка. Уже составлен словарь и написана часть текста словаря по некоторым буквам.

В июле-августе 1964 г. была проведена диалектологическая экспедиция в Прикарпатье и Закарпатье (руководитель экспедиции Г. П. Кленикова). В ней, кроме сотрудников Института, приняли участие преподаватели, аспиранты и студенты Московского и Львовского университетов. Экспедиция по специальной программе собрала в 21 селе Ивано-Франковской и Закарпатской областей УССР материал для Карпатского диалектологического атласа. Летом того же года преподаватели и студенты Дрогобычского педагогического института (руководитель К. А. Яскевич) собрали материал для упомянутого атласа в 4 селах Ивано-Франковской области. По той же программе сотрудниками Института языка и литературы АН Молдавской ССР (под руководством Р. Я. Удлера) были обследованы говоры 10 сел с молдавским населением на территории Закарпатской и Черновицкой областей.

В марте и июле 1964 г. были проведены экспедиции в Полясье (руководитель Н. И. Толстой). В этих экспедициях приняли участие сотрудники секторов славянского языкознания и структурной типологии славянских языков, большая группа научных сотрудников Института языкознания АН БССР, преподаватели и студенты Житомирского педагогическо-

го института. Они побывали в 20 селах Гомельской и Брестской областей БССР и собрали интересный материал для Полесского диалектологического словаря по тематическим группам лексики, характеризующей ландшафт, земледелие, животноводство, рыболовство, охоту, растения, прядение и ткачество, транспорт и коммуникации, одежду, цветообозначения, небесные светила и др., а также материал по фонетике и морфологии. В настоящее время собранный материал обрабатывается в секторе.

Из индивидуальных монографий следует отметить работы: В. М. Иллича-Свистыча о древнейших связях индоевропейских и соседних неиндоевропейских языков, С. Б. Бернштейна — по сравнительной грамматике славянских языков (второй том, в котором рассматриваются вопросы морфологии, именных основ и флексий), Е. В. Чешко — по истории склонения в болгарском языке, Н. И. Толстого о развитии древнеславянского письменного языка у восточных и южных славян в XI—XVIII вв., Г. П. Нецименко о словообразовании существительных субъективной оценки в чешском литературном языке. Продолжалась работа над монографиями по глагольному словообразованию в словацком языке (Л. Н. Смирнов), истории болгарского литературного языка (Г. К. Венедиктов), структуре сказуемого в современном болгарском литературном языке (М. Г. Рожновская), синтаксису надежд в предлогах в старославянском языке (К. И. Ходова), истории ударения в сербско-хорватском языке (Р. В. Булатова), а также подготовка издания Тихонравовского дамаскина — памятника новоболгарской письменности XVII в. (Е. И. Демина).

В 1964 г. завершены монографии: «Типология диалектных звуковых различий в нижнелужицком языке» (Л. Э. Калынь), «История видового словообразования в польском языке» (З. Н. Стрекалова).

Вышли в свет два тематических сборника статей: «Славянская и балтийская акцентология» («Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 41) и «Проблемы индоевропейского языкознания». В декабре 1964 г. сектор провел конференцию на тему: «Проблемы линг-

¹ Научная деятельность сектора в предыдущие годы подробно охарактеризована в обзорах, составленных Н. И. Толстым («Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», № 30, 1961; № 41, 1964).

во- и этногеографии и ареальной диалектологии». На этой конференции сотрудниками сектора были прочитаны два доклада: «Карпатский диалектологический атлас» (С. Б. Бернштейн) и «О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов» (Н. И. Толстой).

Сотрудники сектора выступали с докладами и на других научных конференциях и сессиях. Н. И. Толстой на VI Украинской республиканской славянской конференции (Черновцы, октябрь 1964 г.) прочитал доклад о влиянии украинской письменности на южнославянскую в XVII—XVIII вв. На научной сессии по проблемам сравнительной грамматики индоевропейских языков, организованной Филологическим факультетом Московского университета (ноябрь

1964 г.), выступили С. Б. Бернштейн с докладом «К истории праславянского аблаута (ступень редукции)» и В. М. Иллич-Свитыч — «Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения».

В истекшем году четыре сотрудника сектора успешно защитили кандидатские диссертации: В. М. Иллич-Свитыч — «Именная акцентуация в балтийском и славянском» (монография опубликована в 1963 г.), Т. В. Попова — «Корреляция твердых и мягких согласных фонем в болгарском языке», Р. В. Булатова — «Глаголы движения в сербско-хорватском языке», М. И. Ермакова — «История употребления форм времени в сербо-лужицких языках».

Г. К. Венедиктов

СЕССИЯ СИМПОЗИУМА ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

С 16 по 21 октября 1964 г. в Кишиневе проходила VII сессия Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Внимание сессии в основном было сосредоточено на проблемах аграрной истории народов Советского Союза. В ряде докладов и сообщений рассматривались или затрагивались вопросы аграрного развития зарубежных стран. Доклад А. В. Кирьянова, И. Т. Кругликова, В. М. Массона, Б. А. Рыбакова был посвящен истории земледелия в Восточной Европе с древнейших времен до эпохи феодализма, в докладе Ю. Ю. Кахка были охарактеризованы некоторые основные черты аграрного развития Восточной Европы на последнем этапе феодализма, в докладе И. И. Костюшко — аграрные реформы и социалистическая перестройка сельского хозяйства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Вопросам аграрной истории зарубежных стран были посвящены доклады и сообщения: В. А. Якубского «Использование статистического метода при сравнительном изучении положения кре-

стьянства в Польше в XI—XVII вв.»; О. Е. Ивановой «Влияние восстания украинского и белорусского народов под руководством Богдана Хмельницкого на крестьянские выступления в Речи Посполитой в XVII в.»; Л. П. Лаптевой «Проблемы крестьянского движения в Чехии и Моравии в первой половине XVIII в.»; А. И. Озолина «Словацкая историческая наука об аграрном развитии Словакии в период позднего феодализма»; К. Л. Струковой «Аграрные отношения в Македонии (конец XVIII—70-е годы XIX в.)»; И. Г. Сенкевич «Об изменениях в аграрных отношениях в Македонии в последней четверти XIX в.»; С. А. Никитина «Материалы русской аграрной переписи Болгарии в 1879 г. и их научное значение». Большой интерес вызвал доклад С. А. Никитина. В прениях был отмечен тщательный анализ источников, проведенный автором. В ходе обсуждения докладов и сообщений произошел полезный обмен мнениями.

К: Л. Струкова

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН СЛОВАЦКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В БРАТИСЛАВЕ (Проблемы и перспективы)

В конце 1963 г. в структуре учреждений общественных наук Словацкой академии наук произошло важное изменение. 31 декабря 1963 г. прекратил свою деятельность Чехословацко-советский институт САН, и на его базе 1 января 1964 г. были созданы два новых института: Институт истории европейских социалистических стран и Институт мировой литературы и языков. Аналогичные изменения произошли также и в Чехословацкой академии наук в Праге, где после реорганизации Чехословацко-советского института ЧСАН и Института славяноведения были созданы Институт истории европейских социалистических стран и Институт языков и мировой литературы ЧСАН. Возникновение этих институтов обусловлено развитием чехословацкой науки и самого общества.

Первоначально, до 1954 г., Чехословацко-советский институт являлся учреждением пропагандистско-библиографического характера. Он охватывал почти все научные дисциплины: экономические, естественные и общественные. В центре его внимания была пропаганда достижений науки, техники и искусства в СССР. Институт вместе с филиалом в Братиславе издавал серию журналов «Советская наука», которые, помещая переводы статей и исследований, публиковавшихся в СССР, регулярно информировали читателей о советской науке и технике. Следует сказать, что серия журналов «Советская наука» была значительным подспорьем в работе чехословацких научных и технических учреждений. После прекращения издания этих журналов (1954 г.) в освещении проблем советской науки, техники и искусства стал ощущаться заметный пробел. Спорадическая и случайная информация по этим вопросам в чехословацкой периодике не могла заменить указанную серию.

В 1954 г. Чехословацко-советский институт был реорганизован и включен в систему Академии Наук. Чехословацко-советский институт САН занимался вопросами истории СССР и истории чехословацко-советских отношений и связей;

в секторе литературы исследовались словацко-русские литературные связи; в секторе русского языка проводилась работа над академическим пятитомным «Большим русско-словацким словарем».

В области истории чехословацко-советских отношений ЧСИ САН и ЧСИ ЧСАН в Праге разработали совместно ряд тем, охватывающих период с конца XVIII в. до настоящего времени. Эти работы обсуждались на двух конференциях, посвященных методологии изучения чехословацко-советских отношений, и были опубликованы в специальных сборниках¹. Некоторые из этих исследований были включены в чехословацко-советские сборники, подготовленные чехословацкими и советскими историками. Велась работа над трехтомной «Историей чехословацко-советских отношений». Подготовка этого издания была одной из главных задач обоих институтов.

Постепенно, особенно в секторах истории и литературы, наряду с советской проблематикой было начато изучение истории и культуры других европейских социалистических стран: Польши, Болгарии, а в последнее время также Югославии и Венгрии, что обусловлено тесными историческими связями народов данных стран. Свидетельством этого являются работы по словацко-польским, словацко-болгарским и словацко-югославским отношениям.

ЧСИ САН подготовил ряд монографий², которые обогатили знания в области ис-

¹ «ČSSR a SSSR — Z bojů za svobodu a socialismus». Praha, Nakl. ČSAV, 1961; «Z vzajomných československo-sovietských vzťahov po roku 1945». — «Slovanské štúdie», V, Bratislava, vyd. SAV, 1962.

² V. Borodovčák. Ohlas poľského povstania r. 1863 na Slovensku; L. Harksim. K sociálnym a kultúrnym dejinám Ukrajincov na východnom Slovensku; J. Hrozienčik. Bojová družba; P. Pollák. Internacionálna pomoc československého proletariátu národom SSSR; S. Lesňáková. Maxim Gorkij v Slovenskej kultúre; A. Popovič. Ruská literatúra na

тории Чехословакии, международных отношений и связей народов Чехословакии с другими, главным образом славянскими народами.

Основная масса материалов, подготовленных ЧСИ САН в сотрудничестве с другими славистическими институтами и кафедрами, помещена в шести томах «Славянских исследований»³. В них рассматриваются главным образом межславянские отношения. Ценность этих работ заключается в суммировании и анализе нового, по большей части до сих пор неизвестного материала. В «Славянских исследованиях» опубликовали свои работы не только чехословацкие, но и иностранные ученые, слависты и историки (из СССР, Югославии, Болгарии, Польши, Румынии). В результате этого «Славянские исследования» стали в определенном смысле международным научно-организационным органом.

Итак, в деятельности ЧСИ САН в последние три-четыре года происходил процесс тематической дифференциации и расширения проблематики за счет исследований исторического развития европейских социалистических стран. Это привело к реорганизации института и к созданию двух новых вышеупомянутых институтов.

Институт истории европейских социалистических стран САН (ИИЕСС САН) был основан, как мы уже отмечали, 1 января 1964 г. Это — учреждение исследовательского характера. Его главная задача — комплексное изучение истории европейских социалистических стран и в особенности истории Украины и Венгрии. Большое внимание будет уделено исследованию проблем социалистического строительства, его внутренних и международных условий, объективных закономерностей развития социалистических наций, взаимоотношений и связей между социалистическими странами и нациями. Вместе с тем будут освещаться и вопросы истории досоциалистического периода этих стран.

Разработка указанной проблематики в рамках САН обусловлена, с одной стороны, гармоническим развитием науки в Словакии, а с другой, необходимостью познания закономерностей внутреннего развития социалистических стран и обобщения практики их интернационального сотрудничества.

В ходе социалистического строительства расширяется и укрепляется сотрудничество, происходит экономическое

сближение социалистических стран. Одновременно формируется и сознание морально-политического единства. Последнее, однако, не является механическим отражением экономических процессов. Поэтому необходимо вести воспитательную работу, базирующуюся на солидном фундаменте научных знаний о социалистических странах, о специфических чертах их внутреннего развития. Кроме того, развитие современной исторической науки немислимо на базе изучения только национальной истории, как и немислимо развитие социализма в одной стране без познания и обобщения практики строительства социализма в других странах.

Институт истории европейских социалистических стран САН будет тесно сотрудничать и координировать свою работу с родственным Институтом истории европейских социалистических стран ЧСАН в Праге, с Институтом истории САН и кафедрами истории высших учебных заведений. Он устанавливает и расширяет связи с родственными институтами в социалистических странах, особенно с Институтом славяноведения АН СССР, с которым уже установлено плодотворное сотрудничество. Что касается координации деятельности институтов и кафедр в ЧССР, которые занимаются вопросами истории международного рабочего революционного движения, экономического развития социалистических стран и международных отношений, то эту работу будет осуществлять общегосударственная комиссия по истории социалистических стран, созданная при ИИЕСС ЧСАН в Праге.

Несколько слов об организационной структуре ИИЕСС САН. Тот факт, что ИИЕСС САН возник на основе сектора истории ЧСИ САН, определяет организационную структуру нового института на начальном этапе его деятельности. В настоящее время институт имеет три сектора:

- 1) сектор новейшей истории (с 1917 г.);
- 2) сектор истории (до 1917 г.);
- 3) сектор документации и библиографии.

В секторе новейшей истории в дальнейшем будут созданы творческие группы по проблемам до 1945 г. (особое внимание будет уделяться антифашистской борьбе), затем последующего периода до 1956 г. и, наконец, по вопросам развития социалистических стран после XX съезда КПСС. Предполагается изучение откликов на Великую Октябрьскую социалистическую революцию в этих странах, развития указанных стран в межвоенный период, их борьбы против фашизма, освещение освободительной миссии Советской Армии, истории народно-демократической революции и ее перерастания в социалистическую революцию, взаимного сотрудничества социалистических стран и т. д. Исследования

Slovensku v matičných rokoch; M. Молнар, Тарас Шевченко у чехів та словаків; J. Doležal, J. Hrozienčik. Medzinárodná solidarita v Slovenskom národnom povstaní; J. Hrozienčik, V. Borodovčák, L. Haraksim a F. Gondor. Poliaci a my и др.

³ «Slovanské štúdie», I—VI.

в этой области будут расширяться по мере обеспечения института кадрами. При подготовке кадров большое значение будет иметь система долговременных стажировок и командировок молодых научных сотрудников в социалистические страны.

Сектор истории (до 1917 г.) будет заниматься изучением социальной и классовой борьбы в странах Средней и Восточной Европы в XIX и начале XX в., вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Разработка этих вопросов позволит полнее и глубже познать прогрессивные и революционные традиции народов Средней и Восточной Европы. При этом сектор в первую очередь будет уделять внимание традиционной проблематике славянской

общности, взаимоотношений и прогрессивных традиций славянских народов.

Одной из главных задач обоих институтов остается работа над трехтомной «Историей чехословацко-советских отношений», которая была начата еще в ЧСИ САН и ЧСАН и продолжается при активной помощи сотрудников Института славяноведения АН СССР. Будет продолжаться и тесное сотрудничество обоих чехословацких институтов с Институтом славяноведения АН СССР в подготовке совместных тематических сборников статей по истории чехословацко-советских отношений и сборников документов о взаимоотношениях наших народов и народов СССР.

Йозеф Грозиенчик

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В БЕЛГРАДЕ

Исторический институт, призванный стать центром по изучению истории сербского народа, основан в августе 1947 г. Сербской академией наук в Белграде. Это научно-исследовательское учреждение, изучающее экономическую, общественную, политическую и культурную историю сербского народа, его связи с другими европейскими народами.

За 16 лет своей деятельности (с 1948 по 1964 г.) Исторический институт прошел несколько этапов развития. Свою работу он начал в 1948 г. в системе Сербской академии наук. В 1957—1961 гг. в соответствии с новым законом об организации научной работы на основе общественного управления он был реорганизован в самостоятельное учреждение с собственным бюджетом и руководством. Работу Института финансирует Совет по научной работе Сербии — путем договоров, заключаемых с ним для создания отдельных научных работ по истории. В настоящее время во главе Института находится Совет, в который входят по два представителя от Исполнительного Веча Сербии, Сербской академии наук, Белградского университета, один представитель Государственного архива в Белграде, директор Института и три выборных представителя научного коллектива. В компетенцию Совета Института входят: разработка правил, планов и программы работы, избрание новых сотрудников и утверждение к печати научных работ. Непосредственно деятельностью Института руководит директор. Директорами Института были: акад. В. Новак, чл.-корр. И. Синдик, акад. М. Костич, а в настоящее время деятельностью Института руководит акад. Й. Тадич.

Политика Института в области кадров развивалась в двух направлениях: воспитание молодых ученых и использование опыта штатных сотрудников Инсти-

тута. Число штатных работников Института постоянно увеличивается. В настоящее время в Историческом институте 20 штатных сотрудников (члены Ученого совета, старшие научные сотрудники, научные сотрудники и ассистенты) и 22 внештатных — из числа профессоров Белградского университета и его факультета в Нови Саде, университета в Сараеве, работников архивов и библиотек. Все сотрудники Института составляют научно-исследовательскую коллегию. До 1964 г. 16 молодых сотрудников Института защитило докторские диссертации, в которых рассматриваются проблемы от средневековой до новейшей истории¹. Четыре молодых ассистента завершают диссертации в этом году. Институт готовит также кадры преподавателей университе-

¹ Названия докторских диссертаций, объявленных в изданиях Института, Академии наук или издательствах: «Средневековая одежда балканских славян», «Солунский процесс 1917 года», «Оружие в средневековой Сербии и Боснии», «Герцог Степан Вукчич-Косача и его эпоха», «Графическое оформление сербских печатных книг в 15—17 вв.», «Черногория в эпоху владыки Данилы», «Создание Черногорского государства», «Дубровник и Турция в первой половине 17 века», «Князь Милош и Восточная Сербия 1833—1838 гг.», «Развитие торгового капитала в Сербии при князе Милоше. 1815—1835 гг.» (не издана), «Позиция Франции в отношении Сербии в период второго правления князя Милоша и Михаила. 1858—1868 гг.», «Положение и борьба крестьянства в Среме с конца 19 века до 1914 года», «Таможенная война Австро-Венгрии с Сербией 1906—1911 гг.», «Иностраннный капитал в экономике бывшей Югославии», «Народно-освободительная борьба в Боке Которской» (в печати).

тов. В течение года пять его сотрудников перешли на преподавательскую работу в университеты Белграда и Скопье.

Научно-исследовательская деятельность Института охватывает историю сербского народа от средних веков до 1918 г. Специалисты по истории средних веков собирают и издают наиболее важные источники этого периода, создают монографические исследования, особенно по общественно-экономической структуре эпохи феодализма, аграрным отношениям, городскому населению и развитию городов, торговле и горному делу, военной организации, источникам права, политической и культурной истории. Наряду с опубликованными работами сейчас подготавливается «История Белграда в средние века» (рукопись уже готова к печати), монография о роде Герцеговичей, история частного права г. Дубровника до конца XIV в. и договоры Дубровника со средневековой Сербией и Боснией. Особое внимание уделяется публикации двух законодательных памятников Дубровника («*Liber viridis*» и «*Liber cenceus*»), обширной работе о сербских средневековых монетах (*Corpus nummorum Serbiae*) и критическому изданию Светосавской Кормчей. Уже несколько лет ведется работа над двумя коллективными трудами Института. Это, во-первых, «Сербский дипломатарий» — критическое издание сборника средневековых кириллических актов и, во-вторых, Атлас средневековой Сербии и Боснии и историко-географический словарь. В создании этих трудов участвует также большое число внештатных сотрудников, особенно в издании исторического атласа, который должен включить политические, экономические и культурные карты средневековой Сербии и представляет собой часть общих усилий всех трех югославских академий — в Белграде, Загребе и Любляне — по составлению атласа всех югославских земель в средние века. Первая пробная карта (секция Печ) закончена два года назад, а все издание должно быть завершено до конца 1965 года.

По периоду с XVI до конца XVIII в. существует программа публикации источников и монографических исследований. Из источников предусматривается прежде всего издание турецких документов и западноевропейской библиографии по странам Юго-Восточной Европы. Монографии посвящены изучению специфических проблем турецкого феодализма, аграрных отношений, торговли, связей сербского народа с остальными южнославянскими и балканскими народами, а также повстанческих движений на Балканах. Кроме опубликованных работ подготовлены рукописи «История монет в наших землях XVI—XVIII вв.» и «Экономические отношения Дубровника и Турции в XVI в.». Идет работа над темами об участии южнославянских наро-

дов в войнах против Турции с конца XV до конца XVIII в. и о балканской торговле в XVIII в. Институт приступил к сбору, микрофильмированию и переводу на сербско-хорватский язык турецких дефтеров. Обширную тему представляет собой вопрос о миграциях сербского народа в период турецкого господства; из-за недостатка сотрудников в настоящее время изучается только сербское переселение в Воеводину, Славонию и Срем в конце XVIII в.

Центральное место в работе Института занимает исследование национальной истории XIX и XX вв. (до 1918 г.). Наибольшее число сотрудников занято изучением образования сербского государства в XIX в., его развития, политических партий, отношений с другими европейскими народами, экономических и общественных отношений и т. п. Собираются и готовятся к печати источники по истории Первого сербского восстания (русские, турецкие, сербские), революции 1848—1849 гг. и внешней политики Сербии в период 1903—1914 гг. Предусмотрено также издание сборника международных договоров Сербии в 1804—1918 гг., готовятся монографические исследования по истории Первого сербского восстания, политики Австрии по отношению к Сербии в первой половине XIX в., по омолодскому движению в южнославянских землях в 1840—1878 гг., югославянско-польскому сотрудничеству в XIX в. и отношениям между Турецкой империей и южнославянскими землями от Адрианопольского договора 1829 г. до Парижского конгресса 1856 г. Самое серьезное внимание уделяется разработке периода истории с начала XX в., как меньше всего изученного.

План деятельности Института, в который включены работы как штатных, так и нештатных сотрудников, предусматривает подготовку ряда монографий по экономической, политико-дипломатической и культурной истории. Создаются монографии о банковском капитале в Сербии до первой мировой войны, о положении крестьянства с конца XIX в. до 1914 г., об иностранном капитале в горной промышленности Сербии, о балканской торговле до 1918 г. В области политической и дипломатической истории ведутся исследования о политических партиях Сербии в 1903—1914 гг., истории социализма и рабочего движения в Сербии, отношениях Сербии с державами Антанты в 1903—1914 гг., отдельные работы об отношениях Сербии с соседними балканскими государствами в 1903—1918 гг., роли России в Боснийском кризисе 1908—1909 гг. Отношения между южнославянскими народами представлены темой о южнославянском национально-революционном движении молодежи в 1903—1914 гг. История Белградского университета и развитие архиви-

стики в Сербии — таковы темы из области культурной истории Сербии.

Труды сотрудников Института публикуются в ежегоднике «Исторјски часопис» (до сих пор вышло 13 томов)², «Материалах» (издано 11 томов) и «Отдельных изданиях» (вышло 14 книг). В 1962 г. Институт начал издание новой серии: «Югославянские земли в XX веке» (в 1962—1963 гг. опубликовано две книги).

Труды сотрудников Института издаются также в виде коллективных и индивидуальных публикаций. Монографические исследования являются индивидуальным заданием каждого сотрудника. Индивидуальный метод иногда комбинируется с коллективным путем совместных дискуссий в ходе работы и при обсуждении готовой рукописи. Кроме того, в Институте практикуются доклады, в которых сотрудники и приглашенные гости сообщают результаты своих исследований. Так, например, за период с 1948 по 1958 г. было обсуждено 289 докладов³.

Сотрудники Института ведут исследовательскую деятельность в архивах и библиотеках страны и за рубежом. Поскольку значительная часть архивных документов по средневековью и по новой истории находится вне Белграда, Институт обеспечивает своим штатным и отдельным внештатным сотрудникам раз в год месячную командировку для ведения работы вне Белграда и в случае необходимости предоставляет средства для микрофильмирования исторических документов. Наряду с работой в отечественных архивах и библиотеках, сотрудники Института работали в иностранных архивах и библиотеках Вены, Будапешта, Москвы, Стамбула, Лондона, Парижа, Праги, Варшавы, Венеции, Салоник и других научных центров Европы.

Исторический Институт поддерживает дружеские и научные контакты с другими научными и культурными учреждениями Югославии и за границей. Особенно тесное сотрудничество Институт поддерживает с Сербской академией наук и Белградским университетом, в котором отдельные сотрудники Института осуществляют руководство работами над диссертациями, а также с остальными родственными институтами и историческими кафедрами в стране. Сотрудники Института активно участвовали во всех съездах историков Югославии (в 1954, 1958, 1962 гг.); в работе научных объединений (Союза обществ историков Югославии, Общества историков Сербии, Союза преподавателей университетов и

т. п.). Они публикуют свои статьи и научные исследования почти во всех исторических изданиях страны.

Исторический институт поддерживает и расширяет контакты с зарубежными учеными-историками. Связи осуществляются путем участия в конгрессах, встречах, через личные контакты и межинститутское сотрудничество. Ученые нашего Института приняли участие в работе международных конгрессов историков в Риме, Стокгольме, в конгрессах, посвященных дискуссиям по отдельным научным проблемам, в Италии и Франции, а также на конференциях с советскими, польскими, венгерскими и итальянскими историками. В соответствии с культурной конвенцией, заключенной между Югославией и Болгарией, Исторический институт будет разрабатывать некоторые темы совместно с Институтом истории Болгарской академии наук. Институт установил также сердечные, дружеские связи с представителями исторической науки Греции. Большое число иностранных специалистов, приезжающих в Белград, посещают Институт. Контакт с представителями иностранной науки осуществляется также путем обмена изданиями Исторического института с родственными учреждениями внутри страны и за границей. Взаимный обмен изданиями в 1962 г. велся в 32 научных учреждениях в стране и 38 — за границей. Библиотека Института получила в этом году 47 иностранных и отечественных научных журналов.

Институт располагает историческим архивом и справочной библиотекой. Архив основан в 1950 г. и содержит в настоящее время около 70 тыс. документов. Главным его фондом служит архив сербского регента и премьер-министра (в XIX в.) Йована Ристича. В архиве есть фототека. Он постоянно расширяется за счет приобретенных и подаренных документов. В 1962 г. Институт получил в подарок от Министерства иностранных дел Бельгии около 25 тыс. микрофильмированных документов, охватывающих все бельгийские материалы, относящиеся к истории Сербии с 1880 по 1914 г. Библиотека имеет около 30 тыс. книг и 20 тыс. экз. журналов.

Изучая историю сербского народа и его связи с южнославянскими и балканскими народами, сотрудники Института понимают сложность стоящих перед ними задач и трудности, которые их ожидают. Они надеются осуществить эти задачи собственными силами и в результате плодотворного сотрудничества с другими историками в стране и за границей, ибо историческая наука в своих благородных усилиях, к которым ее обязывает человеческое общество XX в., все больше выходит за рамки национальных границ.

Димитрие Джорджевич

² Библиография 107 научных исследований, 27 приложений и около 300 сообщений, опубликованных в кн. I—X, напечатана в кн. IX—X, 1959, стр. 549—574.

³ Список докладов, прочитанных в Институте, помещен в Историческом часописе, кн. IX—X, 1959, стр. 8—16.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ В. КАРАДЖИЧА

Истекший 1964 год в связи со столетием со дня смерти (26 января 1864 г.) выдающегося деятеля сербского национального возрождения Вука Стефановича Караджича был ознаменован в Югославии, СССР и других странах рядом научных сессий, посвященных его деятельности, выпуском новых публикаций сочинений и писем Караджича, специальных исследований о его многогранном творчестве¹, подготовкой Полного собрания его сочинений. Важным событием научной жизни, связанным с чтением памяти Караджича, был Международный симпозиум, организованный Филологическим факультетом Белградского университета.

В работе симпозиума (14—19 сентября 1964 г.) приняло участие около 200 славистов из 20 стран: Австрии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Венгрии, ГДР, Голландии, Дании, Италии, Канады, Норвегии, Польши, Румынии, СССР, США, Франции, ФРГ, Чехословакии, Швеции и Югославии. В состав советской делегации, которую возглавлял академик В. В. Виноградов, входили сотрудники Института русской литературы, Института славяноведения АН СССР, Ленинградского университета, Института литературы, Института языковедения АН УССР (академик АН УССР И. К. Белодед, чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачев, д-р филол. наук Б. Н. Путилов, кандидаты филологических наук Ю. Д. Беляева, В. Е. Гусев, Р. Ф. Доронина, Н. И. Толстой и др.).

Большой заслугой организаторов симпозиума (преподавателей Филологического факультета Белградского университета во главе с деканом проф. Р. Лаличем, руководителей Общества сербско-хорватского языка и литературы) было приглашение не только видных зарубежных специалистов в области сербско-хорватской литературы и языка и других славянских языков и литератур, но и молодых ученых — славистов и студентов. Это способствовало превращению симпозиума в весьма широкое и представительное научное собрание славистов разных стран. В симпозиуме участвовали многие югославские ученые, преподаватели, литераторы и студенты.

¹ См., например, В. Е. Гусев. Вук Караджич и русская фольклористика. — «Русская литература», 1964, № 2, стр. 149—165; С. А. Никитин. Вук Караджич и Россия. — «Новая и новейшая история», 1964, № 3, стр. 24—33; Т. П. Попова. Неизвестные письма В. Ст. Караджича Н. И. Надеждину. — «Вестник МГУ» (Филология и журналистика), 1964, № 4, стр. 55—66; и др.

Основная работа симпозиума проходила в трех секциях: лингвистической, фольклорно-этнографической и секции, избравшей своей главной проблемой научные связи Караджича с учеными и литераторами разных стран Европы и отклик на его деятельность в европейской литературе и прессе. Всего на симпозиуме (в секциях и на заключительном пленарном заседании) ученые Югославии и других стран сделали 80 научных докладов, в которых рассматривались различные аспекты творчества Караджича и вопросы истории сербско-хорватского языка, литературы и фольклора, связанные с его научной деятельностью.

В частности, доклады, прочитанные в первой (лингвистической) секции, освещали отдельные стороны языковой и орфографической реформы Караджича, предпосылки этой реформы, проблемы соотношения языковой традиции и народной речи в работах Караджича, вопросы стиля в его творчестве. Следует отметить доклады академик Б. Гавранка «Развитие Вуковых норм сербского литературного языка к роли общенародных норм», доц. Т. Экмана «Вук и его предшественники в области реформы кириллицы», проф. М. Стевановича «Характер диалектизм в языке Вука», Н. И. Толстого «Новаторство и архаизмы в языковой реформе Вука Караджича», Д. Брозовича «Сербско-хорватский литературный стандартный язык и Вук Ст. Караджич», проф. П. Ивича «Два аспекта деятельности Вука», доц. К. Давидсон «Буквы в Мировославском евангелии и их значение».

Доклады, сделанные во второй секции, освещали преимущественно отдельные вопросы фольклористической деятельности В. Караджича, истории собраний сербских песен (в частности, некоторых собраний Караджича) и смежные проблемы литературной и культурной истории югославянских народов в XIX в. Были заслушаны доклады Б. Н. Путилова «Исторические баллады в сборниках Вука Караджича», проф. И. Фрагеша «Вук и Мажуранич», доц. М. Живанчевича «Братья Мажураничи, народные песни и Вук», доц. Сл. Марковича «Фольклор в произведениях современных югославских писателей», Сл. Миошковица «Вук Караджич и Вук Попович (по материалам епархиального архива в Которе)», Ж. Вошкова «Один некролог Вуку», проф. П. Поповича «Вук Караджич и Димитре Милакович», и др.

Доклады, прочитанные в третьей секции, были посвящены истории связей и сотрудничества Караджича со славянскими, немецкими, румынскими учеными, литераторами и общественными дея-

телями, его роли в общеевропейской культурной жизни того времени, значение его работ для развития литературных связей и культурного обмена югославянских народов с соседними славянскими и неславянскими народами. Ряд докладов освещал связи Караджича с русскими учеными и писателями (доклады Р. Лалича «Вук Караджич и русский», Г. Добрашиновича «Вук и Кеплер», В. Вулетича «Измаил Срезневский и Вук Караджич», В. Е. Гусева «Фольклористическая деятельность Караджича в оценке русской науки», И. К. Белодеда «Вук Караджич в истории украинско-сербских научных связей»). Вопросы сербо-немецких культурных связей рассматривались в докладах акад. Д. Недельковича «Вук, Ранке, Маркс и Энгельс», проф. Г. Пойкерта «Яков Гримм и славяне», проф. Р. Ягодича «Жизнь и деятельность Вука в Вене», З. Константиновича «Вук Караджич в Австрии» и др.

На заключительном пленарном заседании симпозиума акад. В. В. Виноградов прочел доклад на тему «Революционная роль Вука Караджича в формировании сербского национального литературного языка». В этом докладе, явившемся своего рода суммированием достижений науки Югославии и других стран в изучении трудов В. Караджича, В. В. Виноградов подробно остановился на условиях, в которых Караджич проводил свою языковую реформу, на вопросе о соотношении языковых традиций и народной речи в его работах, о создании им норм литературного сербско-хорватского языка и стиля.

После заключительного заседания симпозиума (19 сентября) зарубежные делегаты возложили венок на могилу В. Караджича. 20 сентября участники симпозиума совершили поездку на родину Караджича, присутствовали на открытии памятника великому сербскому просветителю (в г. Лознице) и на традиционных народных торжествах («Вуков сабор») в его родном селе Трпич, осмотрели мемориальный Дом-музей Караджича в Трпиче и Трношский монастырь, где в юности учился Караджич.

Научные итоги симпозиума позволяют утверждать, что симпозиум, выйдя за рамки узко тематической конференции, явился важным этапом славистических исследований, значительным событием международной научной жизни. Участники симпозиума в своих докладах и дискуссиях осветили ряд вопросов исто-

рии сербско-хорватского языка и литературы в связи с деятельностью Караджича, ввели в научный оборот неизвестные ранее архивные материалы и факты о его жизни и творчестве, отметили спорные, недостаточно изученные проблемы в этой области. К числу последних нужно отнести вопросы о языковых традициях в процессе развития современного литературного языка, о связях Караджича с немецкими учеными (в частности, о его влиянии на работы Л. Ранке по истории Сербии). Последний вопрос вызвал весьма оживленную дискуссию, которая могла быть гораздо более плодотворной, если бы программа симпозиума включала специальные доклады и сообщения об исторических работах Караджича, о методологии его исторических исследований и значении их для историографии других стран Европы.

Следует отметить, что пребывание на симпозиуме для зарубежных делегатов было не только весьма полезным, но и приятным. Доброжелательная и дружеская атмосфера заседаний, радушный прием организаторов симпозиума, прекрасная организация работы дали возможность зарубежным славистам встретиться со многими югославскими коллегами, обменяться мнениями и установить новые научные связи, познакомиться с работой научных учреждений Белграда, осмотреть музеи, выставки, исторические памятники столицы и других городов Югославии. Участники симпозиума присутствовали на открытии выставки «Ядар — родина Вука» в Этнографическом музее Социалистической Республики Сербии, осмотрели новую экспозицию в Музее Вука и Доситея, выставку архивных материалов о Караджиче в Государственном архиве Социалистической Республики Сербии. Для участников симпозиума были организованы экскурсии по Белграду, на Авалу — к могиле неизвестного солдата, а также поездки в Воеводину и в центральную Сербию. Так, одна группа делегатов осмотрела средневековые сербские памятники (монастыри Жичу, Манасию и Раваницу, церковь Лазарицу и остатки дворца князя Лазаря в Крушевце) и побывала на кабельном заводе «Моше Пьяде» в г. Светозарево. Другая группа делегатов выезжала в Нови Сад и Сремски Карловци, где они посетили Матицу Сербскую, картинную галерею в Новом Саде и осмотрели Петроварадинскую крепость.

Е. П. Наумов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛЕТНИЙ СЕМИНАР ПО БОЛГАРСКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ В СОФИИ

В августе 1964 г. в Болгарии, в Софийском государственном университете, проходил II Международный летний семинар по болгарскому языку и литературе. Руководителем семинара был, как и в прошлом году, профессор Софийского университета, известный болгарский языковед К. Попов.

В семинаре приняли участие профессора, научные сотрудники, преподаватели и студенты 13 стран Европы, всего 59 человек: из СССР — 10, из Польши — 6, из Чехословакии — 5, из Югославии — 2, из Румынии — 5, из Венгрии — 2, из ГДР — 8, из ФРГ — 13, из Швеции, Голландии и Италии — по 2, из Австрии и Дании — по 1.

Программа семинара предусматривала: 1) чтение лекций по основным проблемам болгарского языкознания и литературоведения, а также по болгарской культуре; 2) проведение практических занятий по болгарскому языку; 3) встречи участников семинара с профессорами, преподавателями и научными сотрудниками Университета и институтов Болгарской академии наук, с видными современными болгарскими писателями и общественными деятелями; 4) посеще-

ние музеев, библиотек и ознакомление с достопримечательными историческими памятниками страны.

С интересными лекциями, содержащими нередко новый материал по различным проблемам болгарского языка, литературы и культуры, выступили известные болгарские ученые Вл. Георгиев, Кр. Миятев, Л. Андрейчин, К. Попов, Ст. Стойков, Ив. Леков, К. Куев, Ст. Стоянов, Ив. Гылыбов, М. Янакиев, П. Зарев, Г. Цанев, П. Динев, Цв. Романска, Э. Георгиев.

Участие в семинаре обогатило советских специалистов новыми впечатлениями, освежило и углубило знание болгарского языка. Знакомство со славистами из разных стран и прежде всего с болгарскими специалистами позволило наладить и укрепить научные контакты, получить необходимые консультации по ряду научных вопросов.

Советская делегация отмечает исключительное дружелюбие, внимание и радушие болгарских товарищей и дает самую высокую оценку работе семинара.

Е. И. Демина, Т. В. Попова

ЛЕТНИЕ КУРСЫ СЛАВИСТОВ В ВАРШАВЕ

В работе международных летних курсов славистов при Варшавском университете (23 августа — 21 сентября 1964 г.) принимало участие 78 человек из 14 стран: Австрии, Венгрии, ГДР, Голландии, Италии, Норвегии, Румынии, СССР, Франции, ФРГ, Чехословакии, Швейцарии, Швеции и Югославии. В состав советской группы входили сотрудники Института славяноведения и Института русского языка Академии наук СССР, Фундаментальной библиотеки общественных наук, Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Рылского Академии наук УССР, а также преподаватели Ленинградского, Киевского, Львовского и Вильнюсского университетов.

В программу курсов входили практические занятия польским языком, лекции по филологии, а также информационные доклады об экономической и культурной жизни Польши. Тематика лекций была посвящена важнейшим этапам истории польской литературы от эпохи Возрождения до наших дней. Существенное место в них отводилось интерпретации текстов современных поэтов и писателей. В лекциях по языкознанию освещались вопросы фонетики, грамма-

тики, лексикологии, морфологии, синтаксиса, методики преподавания польского языка. Слушатели курсов познакомились с проблемами современного польского театра, поэзии, музыки. Занятия и лекции проходили в Варшавском и Краковском университетах.

Руководством школы были организованы экскурсии по памятным местам, в музеи, библиотеки, картинные галереи. Участники курсов посетили музеи в Освенциме и Бжезинке, побывали на родине Ф. Шопена в Желязовой Воле, в Татрах, ездили на экскурсию в соляные копи в Величке и в угольные шахты около Катовиц, отдыхали в Казимеже над Вислой. Слушатели имели возможность посетить крупнейшие научные учреждения Варшавы и Кракова, работали в архивах и библиотеках.

Поездка группы советских славистов на варшавские курсы была полезной и плодотворной. Ее участники усовершенствовали свои знания разговорного польского языка, расширили и углубили знания в области филологии. Научные контакты со славистами из других стран способствовали обмену научной информацией.

Л. А. Обушенкова

ШКОЛА СЛАВИСТОВ В ПРАГЕ

С 31 июля по 28 августа 1964 г. в Праге проходили занятия очередной XIII Международной летней школы славистов, организованной, как и в предыдущие годы, философским факультетом Карлова университета. В занятиях школы приняло участие около 100 представителей 22 стран, причем примерно половину числа слушателей составляли студенты, изучающие славянские языки и литературу. Значительной была группа научных работников (лингвистов, литературоведов, историков). Остальные слушатели — преподаватели славянских языков, прежде всего чешского и словацкого, переводчики, литературные критики и другие специалисты.

В советскую делегацию входило 11 человек — научные работники, преподаватели и аспиранты Института славяноведения АН СССР, Института языковедения, Института литературы АН УССР, университетов Москвы, Ленинграда и Ужгорода. Крупные делегации были также из Италии (13 чел.), ГДР (10), Великобритании (8), Югославии (6), Швеции, Венгрии, Франции (по 5).

Учебная программа школы предусматривала (в первой половине дня) обязательные практические занятия чешским и словацким языками, а также лекции, делившиеся (в зависимости от научных интересов слушателей) на литературоведческие, исторические и лингвистические. Вторая половина дня посвящалась факультативным языковым занятиям,

беседам и обмену взглядами между научными работниками Чехословакии и слушателями школы, работе в архивах, библиотеках и т. д.

Особый интерес представляли лекции виднейших чехословацких ученых-славистов: Ю. Доланского («Чехословацкая литература и мировой культурный процесс»), Фр. Бурланека («Проблемы развития чешской литературы после второй мировой войны»), А. Едлички («Характеристика словарного состава современного чешского языка»), Я. Белича («Развитие диалектов в области чешского языка»), Фр. Кавки («Основание Пражского университета и его значение в дальнейшем развитии страны»), Т. Силлабы («Масарик и русский вопрос») и др. Пробыв некоторое время в Праге, участники школы на неделю выезжали в Братиславу, где слушали лекции словацких ученых Е. Паулини и Л. Новомеского.

Руководству школы (директор — проф. А. Достал) удалось организовать разнообразную, и весьма насыщенную культурную программу, позволившую участникам еще глубже познакомиться с историческим прошлым Чехословакии и с успехами страны в социалистическом строительстве. Пражская Летняя школа способствовала дальнейшему укреплению научных и дружеских контактов между славистами различных стран.

Ю. Р.

СЕМИНАР СЛАВИСТОВ В ЮГОСЛАВИИ

Представители двадцати двух стран Европы, Америки и Африки встретились в августе 1964 г. в Югославии на семинаре славистов, который проводил в Загребе и Задре философский факультет Загребского университета. От Советского Союза на семинаре присутствовала группа преподавателей Московского и Ленинградского университетов.

Участники семинара прослушали лекции по вопросам языка, литературы и истории культуры народов Югославии. Они имели возможность работать в научных библиотеках и республиканских архивах.

Для чтения лекций Загребский университет привлек выдающихся югославских ученых из всех научных центров страны: из Загреба, Белграда, Скопле, Любляны, Сараева, Нови Сада и других городов. На семинаре с лекциями выступили профессоры Мате Храсте, Михайло Стеванович, Людевит Йонке, Велибор Глигорич, Франце Безлай, Миодраг Попович, Димитр Митрев и другие.

Круг вопросов, затронутых в лекциях по литературе народов Югославии, был широк и разнообразен. Они касались и раннего периода хорватской литературы (комедиограф Марин Држич), и литературы и критики XIX—XX вв. (лекции о Иване Мажураниче, Иване Скерличе, Браниславе Нушиче, Антуне Густаве Матоше, Иване Цанкаре и др.). Особенно приятно отметить, что большинство югославской литературы. Специальные лекции прочитаны о Иво Андриче, Мирославе Крлежа, Цириле Космаче, Славо Яневском, Добрице Чосиче и о других крупных современных писателях.

В связи с исполнившейся в 1964 г. столетней годовщиной со дня смерти В. Караджича проф. М. Храсте и проф. М. Попович в своих лекциях осветили разные стороны деятельности этого замечательного югославского ученого.

В лекциях лингвистического цикла нашли свое отражение как общие вопросы языка (лекции проф. Д. Брововича

об особенностях сербско-хорватских диалектов, проф. Ф. Беалая о положении словенского языка среди других славянских языков, доцента Б. Маркова о проблемах современного македонского языка), так и более частные научные проблемы: порядок слов в современном сербско-хорватском языке (проф. Л. Йонке), глагольный род и возвратные глаголы в сербско-хорватском языке (проф. М. Стеванович).

Семинар славистов в Югославии помог его участникам выяснить многие вопросы истории культуры и литературы Югославии, углубить теоретические и практические знания в сербско-хорватском, словенском и македонском языках. И поэтому каждый из слушателей покидал семинар с чувством признательности к его организаторам.

Т. П. Попова

НАТАЛИЯ ГОНСИОРОВСКАЯ-ГРАБОВСКАЯ

30 ноября 1964 г. в Варшаве на 83-м году жизни скончалась Наталия Гонсиоровская-Грабовская, крупный польский ученый-историк, профессор, действительный член Польской академии наук.

Вся сознательная жизнь Наталии Гонсиоровской была связана с борьбой рабочего класса Польши за свое социальное и национальное освобождение.

Еще в 1904 г., будучи студенткой парижской Сорбонны, Н. Гонсиоровская становится членом Польской социалистической партии (ППС), активным деятелем ее революционного крыла. В годы русской революции 1905—1907 гг. она ведет большую политическую и просветительную работу среди рабочих в Варшаве. С 1906 г., после раскола ППС, и вплоть до 1918 г. Н. Гонсиоровская — в рядах ППС-левицы, а после объединения этой партии с социал-демократией Королевства Польского и Литвы в единую Коммунистическую рабочую партию Польши — входит в ее состав. Н. Гонсиоровская — участница Штуттгартского конгресса II Интернационала в 1907 г., в работе которого принимал участие В. И. Ленин, а также международного конгресса деятелей женского движения.

Работы Н. Гонсиоровской, посвященные истории Великой французской революции, польского национально-освободительного движения середины XIX в., истории польского рабочего класса, получили широкую известность не только в Польше, но и за ее пределами. Характерной чертой научных трудов Н. Гонсиоровской является стремление путем глубокого марксистского анализа явлений и процессов прошлого, связанных с современностью, привести читателя к выводу о необходимости революционного преобразования общества.

Своими выступлениями в прогрессивной периодической печати Н. Гонсиоровская зарекомендовала себя как страстный публицист, за что неоднократно подвергалась полицейским преследованиям, дважды была заключена в тюрьму. В период буржуазной Польши Н. Гонсиоровская, продолжая научную деятельность, много внимания уделяла облегчению участи узников капитала —

политзаключенных, томившихся в польских тюрьмах.

В годы гитлеровской оккупации Н. Гонсиоровская организует помощь узникам фашизма. Осенью 1944 г. она была вывезена в Германию, откуда возвратилась в 1945 г. В освобожденной Польше Н. Гонсиоровская всю свою энергию и знания отдавала делу развития науки и просвещения. Она ведет преподавательскую работу в Лодзинском университете, одновременно являясь ректором лодзинской Высшей педагогической школы, преподает в Варшавском университете. С 1954 по 1959 г. Н. Гонсиоровская была членом Президиума Польской академии наук. Свою кипучую общественную и педагогическую деятельность Н. Гонсиоровская сочетала с большой научной деятельностью. Ее перу принадлежит около 200 научных работ по истории капитализма, промышленности и городов, по истории польского пролетариата. Правительство Народной Польши отметило ее заслуги несколькими высшими правительственными наградами.

Наталия Гонсиоровская была большим другом Советского Союза. В тяжелых условиях режима «санации» она бесстрашно популяризировала достижения советской исторической науки, выступала за укрепление дружбы между нашими народами. В 1933 г. в составе группы польских педагогов Н. Гонсиоровская совершила поездку в Советский Союз. В годы народной власти Н. Гонсиоровская немало сделала для укрепления и расширения контактов между польскими и советскими учеными-историками. Н. Гонсиоровская являлась инициатором издания многотомной серии «Документы и материалы по истории польско-советских отношений в 1917—1960 гг.», до последних дней своей жизни была главным редактором польской части польско-советской редколлегии этой публикации.

Память о Наталии Гонсиоровской-Грабовской, выдающемся польском ученом-историке, навсегда сохранится в сердцах тех, кто знал ее лично или по ее трудам.

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР,
ВЫШЕДШИЕ В 1964 Г.

- Валев Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., «Наука», 1964, 372 стр.
- Держинская С. С. В годы великих боев (Воспоминания, пер. с польского). М., «Мысль», 1964, 447 стр.
- «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». т. II (ноябрь 1918 — апрель 1920 г.). М., «Наука», 1964, 718 стр.
- Дьяков В. А., Миллер И. С. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., «Наука», 1964, 448 стр.
- «Зденек Нееды — выдающийся общественный деятель и ученый». Сб. М., «Наука», 1964, 272 стр.
- Злыднев В. И. Русско-болгарские литературные связи XX в. М., «Наука», 1964, 219 стр.
- «Из истории классовой борьбы и национально-освободительного движения в славянских странах» (Ученые записки Института славяноведения, т. XXVIII). М., «Наука», 1964, 268 стр.
- «Из истории революционного движения польского народа» (Краткие сообщения Института славяноведения, вып. 42). М., «Наука», 1964, 128 стр.
- «Из истории русско-болгарских и советско-болгарских отношений» (Краткие сообщения Института славяноведения, вып. 40). М., «Наука», 1964, 104 стр.
- Корольюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., «Наука», 1964, 350 стр.
- «К столетию героической борьбы «за нашу и вашу свободу». Сб. статей и материалов о восстании 1863 г. М., «Наука», 1964, 448 стр.
- «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (Документы), т. 2. Борьба за национальное освобождение Болгарии в период русско-турецкой войны (1877—1878). М., «Наука», 1964, 646 стр.
- «Проблемы индоевропейского языкознания (Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков)». М., «Наука», 1964, 240 стр.
- «Развитие зарубежных славянских литератур в XX веке». Сб. статей. М., «Наука», 1964, 416 стр.
- Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. «Восстание 1863 года». Материалы и документы. М., «Наука», 1964.
- «Славно-германские отношения». Сб. статей. М., «Наука», 1964, 295 стр.
- «Славянская и балтийская акцентология» (Краткие сообщения Института славяноведения, вып. 41). М., «Наука», 1964, 104 стр.

CONTENTS

Editorial, Note	3
---------------------------	---

ARTICLES

<i>J. B. Shmeral, L. B. Valev.</i> The Historical twenty years (On the history of the development of the socialist countries of Central and South-Eastern Europe). <i>S. I. Prasolov.</i> Soviet—Czechoslovak Treaty 1943. <i>V. K. Volkov.</i> Yugoslav Foreign Policy in 1935—1936	9
--	---

COMMUNICATIONS AND PUBLICATIONS

<i>R. I. Avanesov.</i> The Results of the work on the Slavonic Linguistic Atlas (1958—1964). <i>V. N. Zhelanov.</i> Materials on the History of the liberation of Warsaw from the German-fascist occupants. <i>V. I. Zlydniew.</i> From the History of the Establishment of the Soviet—Bulgarian Cultural Contacts (the End of the 20-ies and the Beginning of the 30-ies)	46
--	----

BIBLIOGRAPHY, CRITIQUE

<i>I. A. Khrenov.</i> The collection of W. Gomulkas selected writings. <i>N. A. Shlyonova.</i> A book on economic geography of the Czechoslovak Socialist Republic. <i>M. M. Sumarokova.</i> Vlado Strugar. Jugoslovenske socialdemokratske stranke 1914—1918. <i>E. P. Naumov.</i> New Editions of a Mediaeval Slav Law Document. <i>V. D. Korolyuk.</i> W. Hensel. Archeologia o poszatkach miast slowianskich. <i>I. V. Churkina.</i> Bogo Grafenauer. Kmecki upori na Slovanskem. <i>L. S. Kishkin.</i> The Questions of Czech-Russian and Slovak-Russian Literary Contacts in two Publications by Pushkin House. <i>N. N. Ponomaryova.</i> Елена Димитрова. Христо Смирненски. Живот и творчество. <i>E. Z. Tsybyenko.</i> Two books on Boleslaw Prus. <i>E. I. Ryabova.</i> Franc Zadavec. Misko Kranjec. 1908—1935. <i>S. A. Sherlaimova.</i> «Roads into Today»	70
<i>N. I. Kravtsov.</i> The collection of the Bulgarian Oral Folk Art. <i>S. I. Belza.</i> «Parnas polski». <i>T. P. Popova.</i> Мюдрар Поповић. Вук Стеф. Караџић. <i>Ju. Smirnov.</i> A Publication on Bulgarian Ethnography and Folklore. <i>L. Titova.</i> J. Dolansky. Stepani buditelu. <i>E. I. Dyomina.</i> К. Мирчев. Българският език през вековете. <i>G. P. Nyeshchimenko.</i> For Academician B. Navranek. <i>L. E. Kalnin.</i> New Publications on Sorbian. <i>G. K. Venediktov.</i> A Jubilee Edition of P. Berons Primer	70

SCIENTIFIC LIFE

At the Institute of Slavonic Studies of the Academy of Sciences of the USSR.

<i>A. I. Speransky.</i> Scientific Sessions. <i>N. P. Danilova.</i> Conference on the Genesis of capitalism, National Movement and the Formation of National Movement and the Formation of National Culture in Slavonic Countries. <i>N. V. Zueva.</i> The Sector of the History of the Foreign Slavonic Peoples of the period of Feudalism and Capitalism. <i>T. A. Vozdvizhenskaya.</i> The group of the Study of Slavonic—German Relations. <i>G. K. Venediktov.</i> The Sector of Slavonic Languages. <i>K. L. Strukova.</i> The Session of the Symposium on the East European Agrarian History	109
---	-----

<i>Josef Groziencik.</i> The Institute of the History of the European Socialist Countries, the Slovak Academy of Sciences in Bratislava (Problems and Prospects).	
<i>Djordjevic Dimitrije.</i> The Institute of History in Belgrade. <i>E. P. Naumov.</i> International Symposium on Vuk Karadic	116
<i>E. Dyomina, T. Popova.</i> II International Summer Seminar on the Bulgarian Language and literature in Sofia. <i>L. A. Obushenkova.</i> International Summer Schools. <i>J. P. Slavicists School in Prague. T. P. Popova.</i> Slavicisti Seminar in Jugoslavia. <u>Natalia Gasiolrowska-Grabowska</u>	123

Адрес редакции:

Москва Г-69, Трубниковский пер. 30а,
тел. Б 1-27-40

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Т- 01848	Подписано к печати 26/1—1965 г.	Тираж 725 экз.	Зак 1475
Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Печ. л. 11,2	Бум. л. 4	Уч.-пзд листов 12,1

2-я типография издательства «Наука» Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.

Индекс
70891